

Артур Хейли — это 200 миллионов экземпляров книг, переведенных на 40 языков!

АРТУР

ХЕЙЛИ

ПЕРЕГРУЗКА

Артур Хейли: классика для всех

Артур Хейли
Перегрузка

«АСТ»

1986

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хейли А.

Перегрузка / А. Хейли — «АСТ», 1986 — (Артур Хейли:
классика для всех)

ISBN 978-5-17-099266-9

Однажды жизнь нарушает свой нормальный, привычный ход — и обращается в дику, все нарастающую круговерть событий, захватывающих в свою орбиту множество людей... Профессионалов, совершающих немыслимое, чтобы предотвратить последствия страшной катастрофы... Политиков, яростно рвущихся к власти, но равнодушных к чужой трагедии... Проходимцев, уловивших запах больших денег, и террористов, использующих любой шанс... Это — перегрузка. Перегрузка, которая вот-вот разразится взрывом...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-099266-9

© Хейли А., 1986

© АСТ, 1986

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Артур Хейли

Перегрузка

Arthur Hailey
OVERLOAD

Печатается с разрешения издательства Doubleday, an imprint of The Knopf Doubleday Publishing Group, a division of Random House LLC.

© Arthur Hailey, 1986

© Перевод. В. П. Котелкин, 2005

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Что сделало Артура Хейли настолько популярным, что заставляет миллионы людей снова и снова возвращаться к его произведениям?

Все просто: во всех своих книгах он, точно под микроскопом, изучал самые разные профессиональные сообщества людей.

...Банк, отель, аэропорт, газетная редакция, больница, самолет, полицейский участок – Хейли заставляет читателя стать одним из сотрудников, одним из винтиков машины, составляющих единое целое.

Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи.
Лк., 12:35

О тьма, тьма в полуденном сиянье.
Джон Милтон

Начиная... с 1974 года темпы создания новых энергогенерирующих мощностей в Калифорнии более чем вдвое снизились по сравнению с предшествующим периодом 1970–1974 годов.

В результате возникла вполне реальная угроза того, что к 1990 году может разразиться разрушительный по своим последствиям энергетический кризис. Предполагается ограничение подачи энергии потребителям уже в 1980-е годы...

Журнал «Форчун»

Часть первая

Глава 1

Жара!

Удушающая жара накрыла землю словно плотным одеялом. Она охватила всю Калифорнию – от засушливых равнин возле мексиканской границы на юге до величественных лесов Кламат-Фолс на севере, изливаясь на территорию примыкающего к Калифорнии штата Орегон. Жара, изматывающая и иссушающая, постоянно напоминала о себе.

Четыре дня назад тысячемильная волна жаркого, сухого воздуха триста миль шириной опустилась над территорией штата, словно курица-наседка на яйца. В то июльское утро (это была среда) казалось, что широкий фронт, сформировавшийся со стороны Тихого океана, оттеснит эту волну на восток и принесет с собой более прохладный воздух, а также вызовет ливни на северном побережье и в горах. Однако этого не случилось. В час дня жители Калифорнии по-прежнему изнывали от нестерпимого пекла – столбик термометра зашкаливал за отметку более сорока градусов по Цельсию с маловероятными перспективами на понижение температуры.

В городах и пригородах, на промышленных предприятиях и в учреждениях, магазинах и частных домах беспрестанно гудели шесть миллионов воздушных кондиционеров. На тысячах ферм плодородной Центральной долины – а это самый богатый в мире аграрный район – несметное количество электронасосов качали воду из глубоких скважин, подавая ее изнуренной жарой скотине и жаждавшим полива сельскохозяйственным растениям – виноградникам, цитрусовым, зерновым, люцерне, кабачкам и сотне других культур. Денно и ночью трудились бесчисленные холодильники и морозильные установки. Однако привыкшие к комфорту люди, вкусы которых были развращены техническими новинками, пожиравшими огромное количество электроэнергии, и не думали идти на ограничение.

В Калифорнии и прежде случались засухи, но штату удавалось справляться с их последствиями. Однако никогда ранее потребность в электроэнергии не была столь высокой, как сейчас.

– Ну что ж, этого следовало ожидать, – вполголоса проговорил главный диспетчер. – Придется вводить в действие наши чрезвычайные резервы.

Всем находившимся рядом было ясно, что такой шаг неизбежен. Все – это сотрудники и руководящий состав компании «Голден стейт пауэр энд лайт», собравшиеся в Центре управления электроснабжением.

«Голден стейт пауэр энд лайт», или, как ее часто называли, «ГСП энд Л», среди предприятий по обслуживанию населения считалась компанией-гигантом, наподобие «Дженерал моторс». Она производила и распределяла две трети электроэнергии и природного газа, потребляемого в Калифорнии. Компания стала таким же неотъемлемым символом Калифорнии, как солнечный свет, апельсины и вино. Кроме того, «ГСП энд Л» славилась своим богатством, влиянием и, согласно утвердившемуся в ней самой убеждению, эффективностью. Представление о всемогуществе компании подтверждалось тем, что ее официальное название расширяровали еще как «Господь, сеющий преуспевание и любовь».

Центр управления энергоснабжением «ГСП энд Л» представлял собой строго охраняемый подземный командный пункт. По словам одного посетителя, это было нечто среднее между операционной в больнице и капитанским мостиком на океанском лайнере. Посередине

располагался пульт управления, от пола его отделяли две ступеньки. Здесь трудились главный диспетчер и шестеро его помощников. Поблизости находилась клавиатура двух компьютерных терминалов. В стены были вмонтированы бесчисленные тумблеры, схемы электросетей и подстанций с разноцветными лампочками и приборами, которые сигнализировали сиюминутное состояние двухсот пяти генераторов на девяносто четырех электростанциях компании, размещенных по всей территории штата. Обстановка здесь царила весьма напряженная, ведь шестерым помощникам диспетчера приходилось обрабатывать непрерывный поток постоянно меняющейся информации. Благодаря продуманной системе звукопоглощения уровень шума оставался невысоким.

– Черт побери, а вы уверены, что больше нигде не купить электроэнергии? – спросил стоявший на возвышении у диспетчерского пульта рослый, крепкого сложения мужчина в рубашке с короткими рукавами. Ним Голдман, вице-президент по планированию и заместитель председателя совета директоров «ГСП энд Л», из-за духоты приспустил свой галстук, и сквозь расстегнутый ворот рубашки проглядывала волосатая грудь. Растительность на его груди напоминала волосы на голове – черные, вьющиеся, сквозь которые пробивалась редкая изящная седина. Лицо у него было волевое, с крупными чертами, слегка смуглое, взгляд исходил прямо и властно и в большинстве случаев, но не в данный момент, склонность к остроумию. Хотя Ниму Голдману было под пятьдесят, он обычно выглядел моложе. Сегодня же сказались напряжение и усталость.

Последние несколько дней он задерживался на работе до полуночи, а в четыре утра был уже на ногах, чтобы побриться, поэтому на его лице уже появлялась щетина. Как и все, кто находился в Центре управления, Ним обливался потом от нервного напряжения, а еще из-за того, что в связи с жесточайшим кризисом несколько часов назад было ограничено время работы воздушных кондиционеров. Между тем с призывами к населению бережно расходовать электроэнергию обращались радио и телевидение. Однако, судя по резко нарастающей кривой на графике, о чем было известно всем в Центре, на это обращение мало кто обратил внимание.

Главный диспетчер, седовласый ветеран компании, вопрос Нима воспринял с обидой. Вот уже пару суток двое его помощников, подобно отчаявшимся домохозяйкам в поисках желаемого товара, обзванивали другие штаты, а также Канаду в попытке договориться о закупках свободной электроэнергии. Об этом Ним Голдман не мог не знать.

– Мистер Голдман, мы по крохам собираем все, что удастся получить из Орегона и Невады. Единая энергетическая система Тихоокеанского побережья работает на пределе. Из Аризоны нам кое-что подбросили, но они сами задыхаются. Как бы они не обратились уже завтра с той же просьбой к нам.

– Вот мы и дали им понять, что пусть не надеются, – раздался голос помощницы диспетчера.

– Ну а хотя бы на сегодня нас еще хватит? – Это был Эрик Хэмфри, председатель совета директоров, который оторвался от чтения выданной компьютером оценки ситуации, чтобы задать этот вопрос. Негромкий голос Хэмфри, как всегда, выделялся свойственной коренным выходцам из Бостона самоуверенностью, которой он и сегодня прикрывался, как броней. Между прочим, мало кому удавалось пробиться сквозь ее толщу. Он уже тридцать лет жил и преуспевал в Калифорнии, однако лоск Эрика Хэмфри, выходца из Новой Англии, несколько не потускнел под воздействием бесцеремонных нравов жителей Западного побережья. Эрик Хэмфри был небольшого роста, плотного телосложения, с мелкими чертами лица. Он носил контактные линзы и был неизменно по моде одет. Несмотря на жару, он был в темной деловой тройке, поэтому ничто не выдавало, что ему так же жарко, как и остальным.

– Все не очень здорово, сэр, – заметил главный диспетчер, заглатывая очередную таблетку джелюсила. Бог знает которую по счету за один только день. Диспетчерам это лекарство требовалось из-за нервных перегрузок, и руководство «ГСП энд Л» решило сделать широкий

жест – в здании компании установили автомат, из которого сотрудники могли бесплатно получать нейтрализатор кислотности.

– Если мы и продержимся, – добавил Ним Голдман, обращаясь к председателю, – то на волоске и при огромной доле везения.

Как диспетчер отметил чуть раньше, резервные генераторы компании «ГСП энд Л» уже заработали на полную мощность. Он не стал объяснять всем присутствующим, поскольку они и так все знали, что коммунальная служба, каковой, по сути дела, являлась компания «ГСП энд Л», обладала резервными мощностями двух типов – «рабочий резерв» и «резерв в состоянии готовности». В «рабочий резерв» входили генераторы, работающие, но не на полную мощность, однако в любую минуту при необходимости им можно было задать предельную нагрузку. «Резерв в состоянии готовности» включал в себя генерирующие мощности, незадействованные, но могущие быть запущенными на полную мощность в течение десяти – пятнадцати минут.

Еще час назад последний генератор из категории «рабочий резерв в состоянии готовности» – две газотурбинные установки на электростанции близ Фресно, мощностью шестьдесят пять мегаватт каждая, – перешел в категорию рабочего резерва и стал функционировать с максимальной нагрузкой. Таким образом, компания осталась без каких-либо оперативных резервов.

Тут в разговор резко вмешался грузный, сутуловатый, угрюмый мужчина с массивной челюстью и кустистыми бровями. Выслушав перепалку между председателем и диспетчером, он сказал:

– Будь все это трижды проклято! Имей мы на сегодня более или менее достоверный прогноз погоды, ни за что не влипли бы в такую историю.

Рей Паулсен, вице-президент компании, отвечавший за безаварийную работу энергохозяйства, порывисто встал из-за стола, за которым он и еще несколько человек рассматривали кривые потребления электроэнергии, сравнивая сегодняшний день с другими жаркими днями прошлого года.

– Все прочие метеорологи ошиблись в своих прогнозах, не только наши, – возразил ему Ним. – Я сам читал вчера в вечерней газете и слышал сегодня утром по радио, что жара спадет.

– То-то и оно! Оттуда, наверно, она и позаимствовала эту информацию – из какой-нибудь газеты! Вырезала ее и наклеила на карту прогнозов. Держу пари.

Паулсен свирепо посмотрел на Нима, тот лишь пожал плечами. Ни для кого не было секретом, что они ненавидели друг друга. Совмещение двух постов – руководителя отдела планирования и заместителя совета директоров – означало обладание в компании «ГСП энд Л» чрезвычайными полномочиями, то есть для Нима не существовало ведомственных границ. В прошлом Ним неоднократно вторгся в сферу ответственности Паулсена, и хотя тот стоял на две ступени выше Нима в кадровой иерархии компании, с этим трудно было что-либо поделать.

– Если под «она» подразумевают меня, то вы могли бы, Рей, хотя бы ради приличия, называть меня по имени.

Присутствующие вытянули головы в направлении, откуда раздался голос. Никто и не заметил, как в зале появилась миниатюрная самоуверенная брюнетка. Это была Миллисент Найт, главный метеоролог компании. Впрочем, ее появление не стало ни для кого сюрпризом. Метеорологический отдел, включая и кабинет мисс Найт, являлся частью Центра управления, а от основного помещения его отделяла лишь стеклянная стена.

Кого-нибудь еще подобное замечание могло бы смутить, но только не Рея Паулсена. Его карьера в компании «Голден стейт пауэр энд лайт» складывалась непросто. Она началась тридцать пять лет назад с должности помощника в ремонтной выездной бригаде. Затем Рей стал обходчиком ЛЭП, мастером и так далее, не минуя ни одной ступеньки управленческой лестницы. Однажды во время снежной бури в горах порывом ветра его сбросило на землю с высоко-

вольтной опоры. В результате он повредил себе позвоночник и на всю жизнь остался сутулым. Вечерние занятия в колледже за счет компании позволили юному Паулсену стать дипломированным инженером, и его знания системы организации «ГСП энд Л» стали энциклопедическими. Правда, ему так и не довелось пообтесаться и научиться хорошим манерам.

– Все это чушь собачья, Милли! – огрызнулся Паулсен. – Я просто сказал, что думаю, и все тут. Если вы работаете, как мужчина, то и спрос с вас мужской. И нечего тут обижаться.

– Мужчина или женщина, разве в этом дело? – возмутилась мисс Найт. – Мой отдел отличается высокой точностью прогнозирования – восемьдесят процентов! Вам это прекрасно известно. Более точных прогнозов не найдете нигде.

– Но сегодня и вы, и ваши люди такую чушь несете. Уши вянут.

– Ну бога ради, Рей, – запротестовал Ним Голдман. – Перестаньте. Всему есть мера.

Эрик Хэмфри взирал на перепалку с явным безразличием. Хотя председатель никогда однозначно не высказывался относительно споров между руководящими сотрудниками, иногда складывалось впечатление, что он и не больно протестовал, лишь бы это не сказывалось на работе. По-видимому, Хэмфри относился к когорте бизнесменов, которые считали, что абсолютная гармоничность организации сродни самодовольству. Но при необходимости председатель мог пресечь всякие перебранки своим непререкаемым авторитетом.

Строго говоря, в тот момент руководящим сотрудникам компании Хэмфри, Ниму Голдману, Паулсену и некоторым другим совсем не обязательно было собираться в Центре управления. Команда была в полном сборе. Все отлично знали, как действовать в чрезвычайных ситуациях. Все детали были давно отработаны. Большая часть соответствующих операций осуществлялась с помощью компьютеров, дополненных конкретным набором инструкций. Однако при возникновении кризиса, в объятиях которого оказалась компания «ГСП энд Л», Центр управления как магнит притягивал всех, кому позволялось здесь находиться: ведь сюда стекалась самая оперативная информация.

Наиболее существенный вопрос, который оставался без ответа: может ли спрос на электроэнергию возрасти настолько, что удовлетворение его окажется под вопросом? Если да, то неизбежно пришлось бы смириться с отключением целых блоков подстанций, обесточив тем самым отдельные части Калифорнии и в условиях возникшего хаоса изолировав ряд населенных пунктов.

Между тем компания уже перешла на энергосберегающий режим работы. Начиная с десяти часов утра происходило постепенное понижение сетевого напряжения, в результате чего потребители «ГСП энд Л» стали получать электроэнергию с сетевым напряжением на восемь процентов ниже нормы. Благодаря этому понижению удалось добиться некоторой экономии. Однако в результате бытовые электроприборы – фены для сушки волос, электрические пишущие машинки, холодильники – получали теперь питание на десять вольт ниже обычного, в то время как специальное мощное оборудование – на девятнадцать-двадцать вольт ниже нормы. Из-за понижения рабочего напряжения падала мощность всякой аппаратуры, а электромоторы перегревались и шумели больше обычного. Появлялись сбои в работе некоторых компьютеров; те, что не имели встроенных стабилизаторов, самопроизвольно отключались, оживая лишь с подачей нормального напряжения. Одним из побочных эффектов стало сжатие телевизионного изображения. Не так ярко горели и лампы накаливания. В общем и целом кратковременное падение напряжения особого ущерба не принесло.

Впрочем, и восемь процентов было крайним пределом. Если понижать напряжение еще больше, электромоторы стали бы перегреваться, а может быть, и сгорать, создавая угрозу пожара. Поэтому если частичное сокращение подачи электричества не даст ожидаемого эффекта, оставалась крайняя мера – сократить нагрузку, в результате чего целые районы остались бы полностью без электричества.

Все должно было решиться в ближайшие два часа. Если «ГСП энд Л» каким-нибудь путем сможет выкрутиться до второй половины дня, а в жаркие дни именно на это время приходится пик спроса на электроэнергию, нагрузка уменьшится и уже не будет повышаться до завтрашнего дня, а завтра, бог даст, жара отпустит, и тогда проблема разрешится сама собой.

Но если нынешняя нагрузка, постоянно возрастающая в течение всего дня, никак не утомонится... то худшего не избежать.

Между тем Рей Паулсен продолжал упорствовать.

– Послушайте, Милли, – не отступал он, – согласитесь, сегодняшняя сводка погоды – это предел идиотизма. Не так ли?

– Да, это так. Если излагать ее столь отвратительным и мерзким образом. – Темные глаза Миллисент Найт переполнялись гневом. – Но верно и то, что в тысяче миль от побережья пришли в движение воздушные массы, именуемые Тихоокеанским фронтом. Метеорологам пока еще мало что известно об этом. Но иногда он за день-другой опрокидывает все прогнозы погоды для Калифорнии. – Она замолчала и презрительно добавила: – Или вы настолько погрязли в электропроводке, что забыли про элементарные законы природы?

Паулсен оторопел. Краска ударила ему в лицо.

– Утомонитесь!

Но Милли проигнорировала его реплику.

– Или вот еще что. Я и мои сотрудники честно выполнили свою работу в пределах возможного. А вы, наверно, запомнили, что при составлении прогноза погоды всегда есть место для сомнений? Я ведь вас не подталкивала к закрытию «Мэгалии-2» на профилактику. Решение принимали вы сами – теперь же обвиняете в этом меня.

Стоявшие вокруг стола захихикали. Один даже проговорил:

– Вот уж попала в самую точку.

Всем было хорошо известно, что нынешняя критическая ситуация с энергоснабжением частично вызвана остановкой второго энергоблока электростанции «Мэгалия».

Второй энергоблок «Мэгалии» компании «ГСП энд Л» располагался севернее Сакраменто и представлял собой крупный турбогенератор, способный развивать мощность шестьсот тысяч киловатт. Энергоблок был запущен примерно десять лет назад и с тех пор доставлял одни неприятности. Постоянные разрывы труб котла и прочие более серьезные неполадки часто выводили его из строя. Последний раз «Мэгалия-2» была отключена на целых девять месяцев из-за необходимости замены патрубков пароперегревателя. Но даже после столь длительного ремонта поломкам не было конца. Как сказал один инженер, эксплуатация «Мэгалии-2» напоминала попытку удержать на плаву тонущий линейный корабль.

На минувшей неделе директор «Мэгалии» попросил Рея Паулсена дать разрешение на отключение второго энергоблока, чтобы произвести ремонт подтекающих котельных труб. Как он выразился, «пока этот дьявольский кипятильник не взлетел на воздух». До вчерашнего дня Паулсен категорически возражал. Учитывая незапланированные ремонтные отключения в других местах еще даже до наступления нынешней жары, компания «ГСП энд Л» не могла отказаться от энергии, которую вырабатывала «Мэгалия-2». Как всегда, приходилось разбираться в приоритетах – что по важности на первом месте, а с чем можно повременить. В таких случаях риск неизбежен. Вчера вечером, прочитав прогноз синоптиков о смягчении жары на следующий день и взвесив все «за» и «против», Паулсен дал разрешение на немедленное отключение турбогенератора всего на несколько часов для охлаждения котла. До сегодняшнего утра генераторы «Мэгалии-2» замерли, что позволило удалить подтекающие патрубки из нескольких магистралей. Несмотря на отчаянность сложившегося положения, об эксплуатации «Мэгалии-2» речь могла быть только через пару дней.

– Если бы прогноз был точным, – огрызнулся Паулсен, – «Мэгалия» продолжала бы работать.

Председатель покачал головой. Тут было много чего сказано. Расследованием, кто прав, кто виноват, можно будет заняться позже. Сейчас не до этого.

Посоветовавшись о чем-то у диспетчерского пульта, Ним Голдман, заглушая своим мощным голосом всех остальных, объявил:

– Режим ограниченной подачи электроэнергии вводится через полчаса. Это единственный путь. Мы вынуждены принять такое решение. – Он взглянул на председателя. – Нам надо оповестить средства массовой информации. Радио и телевидение еще успеют поставить в известность население.

– Действуйте, – проговорил Хэмфри. – Может, кто-нибудь соединит меня по телефону с губернатором?

– Слушаюсь, сэр. – Помощник диспетчера стал набирать номер телефона.

На лицах собравшихся в зале было написано уныние. Сознательное прекращение подачи электроэнергии потребителям – такого еще ни разу не случилось за все сто двадцать пять лет существования компании.

Тем временем Ним Голдман из другого помещения звонил в отдел информации компании. Надо было незамедлительно приступить к соответствующему оповещению потребителей. В подобных случаях отдел информации компании действовал строго по инструкции. Если прежде о решении, связанном с ограничением подачи электроэнергии, было известно только ограниченному кругу лиц в компании «ГСП энд Л», теперь оно должно было стать достоянием широкой общественности. Кроме всего прочего, несколько месяцев назад было принято решение о том, что ограничения подачи электроэнергии, если таковые когда-либо будут иметь место, надлежит именовать не иначе, как «скользящие ограничения». Это был своего рода пиаровский ход, призванный подчеркнуть их временный характер, не допускающий какой-либо дискриминации отдельных районов штата в смысле энергоснабжения. Выражение «скользящее ограничение» оказалось придумкой одной молоденькой секретарши, после того как ее более опытные и хорошо оплачиваемые коллеги признались в неспособности придумать что-либо подходящее. Одним из отвергнутых вариантов были «поочередные урезания».

– На проводе Сакраменто, кабинет губернатора, сэр, – сообщил помощник диспетчера Эрику Хэмфри. – Мне сказали, что губернатор сейчас на ранчо неподалеку от Стоктона, с ним пробуют связаться. А вас просят не вешать трубку.

Председатель только кивнул в ответ и подошел к телефону. Прикрыв трубку ладонью, он спросил:

– Кто-нибудь знает, где сейчас шеф? – Всем было понятно, что «шефом» звали главного инженера Уолтера Тэлбота. Это был шотландец, спокойный и невозмутимый, без пяти минут пенсионер. Он отличался неповторимым умением находить выход из самых сложных ситуаций.

– Да, я знаю, – проговорил Ним Голдман. – Он поехал взглянуть на Большого Лиля.

Председатель нахмурился:

– Надеюсь, там все в порядке?

Тут взгляды всех присутствующих невольно привлекла панель приборов с табличкой: «Ла Мишен № 5». Это и был Большой Лил – новейший и самый мощный энергоблок электростанции «Ла Мишен», что в пятидесяти милях от города.

Большой Лил! Своим рождением этот гигант, извергавший из своего чрева миллион с четвертью киловатт, был обязан компании «Лиллен индастриз оф Пенсильвания», а прозвище Лил, то есть лилипут, закрепилось за ним с легкой руки какого-то журналиста. Лил в немислимых количествах заглатывал мазут, в результате чего возникал перегретый пар, приводивший в движение мощнейшую турбину. В прошлом у Большого Лила было немало противников. На стадии проектирования некоторые эксперты высказывали сомнения в целесообразности создания столь крупного энергоблока, полагая, что такая высокая степень зависимости от одного источника электроэнергии – откровенное безумие; был пущен в ход и ненаучный аргумент –

сравнение с яйцами, положенными в одну корзину. Случись что – неизбежно разобьются все. Другие специалисты данный взгляд не разделяли. Они утверждали, что массовое производство электроэнергии с опорой на один такой источник, как Большой Лил, обойдется дешевле. Сторонники второго подхода взяли верх и до сих пор демонстрировали свою правоту. За два года после введения в эксплуатацию Большой Лил подтверждал свою экономичность и по сравнению с менее крупными энергоблоками отличался высокой степенью надежности, избавляя эксплуатационников от каких-либо забот. И сегодня установленный в Центре управления прибор, ко всеобщему удовлетворению, зафиксировал: Большой Лил, работая с максимальной нагрузкой, выдает целых шесть процентов суммарной мощности компании.

– Сегодня утром отмечена легкая вибрация турбины, – заметил Рей Паулсен, обращаясь к председателю. – Я уже обсудил это с шефом. Хотя оснований для особых опасений нет, мы решили, что ему надо самому посмотреть.

Хэмфри одобрительно кивнул. В общем, присутствие главного инженера в настоящий момент мало чем могло бы помочь, кроме разве что некоторого успокоительного воздействия.

– Губернатор на проводе, – раздался голос телефонистки в аппарате у Хэмфри.

Мгновение спустя в трубке послышался знакомый голос:

– Добрый день, Эрик.

– Добрый день, сэр, – ответил председатель. – Боюсь, что у меня для вас неприятное...

Именно в тот момент все и произошло.

На приборной панели под табличкой «Ла Мишен № 5» сработал зуммер – последовал целый ряд резких тревожных сигналов. Одновременно замигали желтые и красные сигнальные лампочки. Черная стрелка ваттметра блока № 5 дрогнула и затем резко опустилась на нулевую отметку.

– Боже праведный! – проговорил кто-то испуганным голосом. – Большой Лил остановился!

Сомнений на этот счет не осталось – стрелки ваттметра и других приборов замерли на нуле.

Реакция последовала мгновенно.

Словно проснулся и зачирикал установленный в Центре управления скоростной теле-тайп, выстреливая экспресс-информацию о сотнях по команде компьютеров отключений на трансформаторных подстанциях высоковольтной сети. Одно за другим срабатывали устройства защиты остальных генераторов, спасая их от повреждения. Между тем во многие части штата полностью прекратилась подача электроэнергии. Всего за пару секунд на огромном удалении друг от друга миллионы людей: заводские рабочие и конторские служащие, фермеры, домохозяйки, продавцы и покупатели, рестораторы, печатники, бензозаправщики, биржевые маклеры, владельцы отелей, парикмахеры, киномеханики и владельцы кинотеатров, водители трамваев, работники телестудий и телезрители, бармены, сортировщики почты, виноделы, врачи, ветеринары, любители игровых автоматов (этот перечень можно было бы увеличить до бесконечности) – остались без электроэнергии, таким образом оказавшись не в состоянии продолжить то, чем занимались еще мгновением ранее.

В разных зданиях лифты застревали между этажами. Работавшие в напряженном ритме аэропорты в один миг оказались парализованными. На улицах и автомагистралях отключились светофоры, перед транспортной сферой замаячил губительный хаос.

На одной восьмой части территории штата Калифорния (а это по площади значительно больше Швейцарии) с населением приблизительно три миллиона человек все вдруг замерло. Что еще совсем недавно рассматривалось всего лишь как предположение, теперь обернулось катастрофической реальностью, кстати сказать, куда более разорительной, чем это могло показаться вначале. У пульта управления, избежавшего участи отключения благодаря специальным приспособлениям, лихо орудовали все трое диспетчеров. Они рассылали инструкции каса-

тельно действий в чрезвычайных обстоятельствах, обзванивали электростанции и дежурных на конкретных участках электросетей, проверяли схемы электросистемы, установленные на вращающемся барабане, отслеживали информацию, поступавшую на мерцающие экраны дисплеев. Им еще предстояло ох как много потрудиться, хотя их явно обгоняли компьютеры, включившиеся в разруливание возникшей ситуации.

– Эй, Эрик, – донесся до Хэмфри голос губернатора по телефону, – у нас только что все погасло.

– Знаю, – как бы подтвердил председатель. – Ради этого я тебе и звонил.

По другому телефону на прямом проводе с Центром управления электростанции «Ла Мишен» кого-то распекал Рей Паулсен:

– Черт возьми! Что там стряслось с Большим Лилом?

Глава 2

Взрыв на электростанции «Ла Мишен» компании «Голден стейт пауэр энд лайт» стал полной неожиданностью. За полчаса до этого главный инженер Уолтер Тэлбот прибыл на пятый энергоблок «Ла Мишен» – Большого Лила, чтобы проверить оперативное сообщение о легкой вибрации турбины, зафиксированной во время ночной смены. Главный был сухопарым, долговым мужчиной, внешне суровым, однако не лишенным утонченного чувства юмора. Говорил с певучим акцентом уроженца Глазго, хотя за минувшие сорок лет ни разу не бывал в Шотландии, разве что присутствовал иногда на торжественных ужинах в честь Роберта Бернса в Сан-Франциско. В работе он не терпел суеты, вот и сегодня неторопливо и тщательно осматривал Большого Лила в сопровождении управляющего электростанцией инженера по имени Даниели, человека мягкого и интеллигентного. Между тем генератор-гигант продолжал выдавать электроэнергию, которой было достаточно, чтобы горели более двадцати миллионов обычных лампочек.

Иногда натренированный слух главного инженера и управляющего улавливал едва заметную вибрацию из глубин турбины, нарушавшую ее привычное гудение. Однако, проведя разные тесты, включая проверку коренного подшипника с помощью штыря с нейлоновым наконечником, главный инженер заключил:

– Оснований для беспокойства нет. Толстяк не подведет, а чего ему не хватает, мы узнаем, когда пройдет паника.

В это время они стояли рядом с Большим Лилом на полу из металлической решетки в машинном огромном, словно собор, зале. Гигантский турбогенератор длиной с городской квартал покоился на бетонном фундаменте, причем каждая из семи опор напоминала выбросившегося на сушу кита; непосредственно под корпусом турбоагрегата проходил огромный паропровод, по трубам которого из котла к турбине подводился пар под высоким давлением; кроме того, здесь были смонтированы разные технические приспособления. У обоих на голове были защитные каски, для защиты от шума служили наушники. Однако ни то ни другое не смогло спасти их от оглушительного взрыва, случившегося мгновение спустя. Главного инженера и управляющего электростанцией Даниели накрыла уже вторичная взрывная волна, возникшая под полом машинного зала. Вначале она разнесла в клочья один из трехфутовых паропроводов, по которому подавался пар от котла до топочной камеры. Вышел из строя и более тонкий маслопровод. Взрыв в сочетании с выбросом пара сопровождался пронзительным громopodobным грохотом. Затем струи пара при температуре 530 градусов под давлением 186 бар рванулись через колосниковые решетки, на которых стояли оба мужчины.

Смерть наступила мгновенно. Они буквально сварились, как овощи в пароварке. Через несколько секунд место аварии растворилось в плотных клубах дыма, которые поднимались от разрушенного маслопровода, вспыхнувшего от разлетавшихся вокруг кусков металла.

Двое рабочих-маляров, находившихся на строительных лесах высоко над машинным залом, почувствовав опасность от поднимавшихся черных клубов дыма, попытались вслепую вскарабкаться на металлический мостик, перекинутый в пяти метрах у них над головой. Но они не дотянулись и рухнули в разверзшийся под ними ад.

Только Центру управления энергоснабжением, расположенному в шестидесяти пяти метрах от места аварии и оборудованному двойными дверями, было суждено ограничить масштабы катастрофы. Благодаря мгновенной реакции техника, дежурившего у пульта управления пятого энергоблока, а также сработавшим автоматическим средствам защиты Большой Лил был отключен без ущерба для основных компонентов турбогенератора.

На расследование случившегося на «Ла Мишен» потребовалось несколько дней – все это время эксперты тщательно рылись в развалинах, помощники шерифа и агенты ФБР опрашивали тех, кто мог пролить свет на причину взрыва и сопутствующие ему обстоятельства. Сразу же возникла версия о совершении диверсии, что впоследствии и подтвердилось.

Собранные улики позволили составить достаточно ясную картину как самого взрыва, так и событий, ему предшествовавших.

Утром того дня, в одиннадцать часов сорок минут, мужчина в форме Армии спасения, белый, среднего телосложения, с бледным цветом лица, гладко выбритый, в очках со стальной оправой появился у главного входа в «Ла Мишен». В руках у него был небольшой чемоданчик типа «дипломат».

Охраннику посетитель предъявил письмо, по всей видимости, на гербовой бумаге компании «ГСП энд Л», на основании которого ему разрешалось посещение объектов «ГСП энд Л» в целях проведения среди сотрудников сбора средств на благотворительные нужды Армии спасения, а именно – на организацию обедов для нуждающихся детей.

Охранник сказал посетителю, что тому надлежит пройти в кабинет управляющего и предъявить ему это письмо. Кроме того, охранник объяснил, как найти кабинет управляющего на втором этаже главного здания. Попастъ туда можно было через вход, который не был виден с поста охранника. После этого посетитель отправился туда, куда указали. Охранник вновь увидел его лишь минут через двадцать, когда тот покидал территорию электростанции. Охраннику бросилось в глаза, что в руках у посетителя был все тот же чемоданчик.

Взрыв произошел час спустя.

Если бы охрана осуществлялась более строго, отметил в заключение следователь, этого посетителя не допустили бы на территорию станции одного, без сопровождения. Однако компания «ГСП энд Л», как, впрочем, и все общественные структуры, испытывала затруднения в организации службы безопасности. Принимая во внимание масштабы компании – девяносто четыре электростанции, огромное количество производственных зданий и складских помещений, сотни неохраняемых транспортных подстанций, целый ряд территориально удаленных друг от друга районных управлений, а также штаб-квартира компании, размещенная в двух высотных зданиях, – осуществление строгих мер безопасности, если оно вообще было реальным делом, обошлось бы в целое состояние. И это на фоне резкого повышения цен на топливо, роста зарплат и прочих эксплуатационных расходов, а также жалоб потребителей на и без того непомерно высокие тарифы на электричество и газ с призывом противодействовать повышению этих тарифов в будущем. По этим причинам штат привлекаемых охранников был достаточно ограничен, а связанные с этим факторы безопасности базировались на принципе гипотетического риска.

А вот на электростанции «Ла Мишен» гибель четырех человек продемонстрировала масштабы этого риска.

Полицейские расследования позволили установить, что за сотрудника Армии спасения выдавал себя мошенник, который почти наверняка воспользовался украденной где-то униформой. Предъявленное им письмо (даже если оно напечатано на гербовой бумаге «ГСП энд Л»,

раздобыть которую было не так уж трудно) оказалось подделкой. В любом случае сотрудникам «ГСП энд Л» было запрещено отвлекаться во время работы. Кроме того, не удалось выяснить происхождение подписи на бланке «ГСП энд Л». Охранник «Ла Мишен» вспомнил, что вместо подписи на бланке была какая-то закорючка.

Также было установлено, что, оказавшись внутри машинного зала, посетитель не попал в кабинет управляющего. Его там никто не видел. А если бы увидел, наверняка бы вспомнил.

И тогда родилась версия.

Скорее всего мнимый сотрудник Армии спасения спустился по короткой металлической лесенке в кабельный колодец, расположенный непосредственно под главным машинным залом электростанции. Здесь, как и этажом выше, какие-либо внутренние перегородки отсутствовали и, несмотря на переплетения теплоизолированных паропроводов и прочих коммуникаций, через решетчатый пол машинного зала четко проглядывали станины некоторых генераторов. Пятый блок нельзя было спутать ни с каким другим, он отличался от всех своим размером и габаритами вспомогательного оборудования.

Не исключено, что злоумышленник еще до того, как сунуться на электростанцию, ознакомился с конструктивными особенностями, хотя это, в общем, решающего значения не имело. По всей видимости, ему также было известно, что, как и все современные электростанции, «Ла Мишен» в высшей степени автоматизирована и на ее эксплуатации занято совсем немного людей, поэтому вероятность попасться кому-то на глаза здесь крайне мала.

Затем злоумышленник скорее всего прошел прямо под основание Большого Лиля, где раскрыл свой чемоданчик, в котором была начиненная динамитом бомба. Чтобы никто не увидел его взрывное устройство, он выбрал металлический фланец на месте стыка двух трубопроводов. Заведя часовой механизм, он наверняка встал на цыпочки и установил заряд на выбранном месте. Именно в этом проявилась его техническая безграмотность. Будь он поумнее, наверняка установил бы бомбу поближе к главному валу генератора. Тогда взрыв причинил бы максимальный ущерб и вывел из строя Большой Лил минимум на год.

Эксперты по взрывчатым веществам подтвердили, что такой исход был бы вполне вероятен. Скорее всего диверсант применил устройство конической формы, в результате взрыва которого возникает направленная волна, со скоростью летящей пули целенаправленно разрушающая все на своем пути. В данном случае таковым стал паропровод, идущий от котла.

Установив бомбу, злоумышленник направился из главного машинного зала к воротам, через которые как ни в чем не бывало покинул территорию электростанции – как и при появлении, он не привлек к себе никакого внимания. С этого момента его следы затерялись. Несмотря на интенсивные расследования, не удалось что-либо выяснить и о личности злоумышленника. Правда, на одной радиостанции раздался звонок: кто-то сообщил о причастности к взрыву некой подпольной революционной группы «Друзья свободы». Однако полиция не располагала никакой информацией о том, где базируется эта группа и каков ее состав.

Но все это выяснится позже. На электростанции «Ла Мишен» через полтора часа после взрыва царил хаос.

Пожарным, прибывшим на место аварии по автоматическому сигналу тревоги, пришлось тушить пылающее масло и проветривать главный машинный зал и нижние этажи, затянутые густым черным дымом. Когда наконец с этим было покончено, из зала вынесли четыре трупа. Тела главного инженера и управляющего, попавшие под струю перегретого пара, были обезображены до неузнаваемости. Один потрясенный этим жутким зрелищем работник электростанции сказал, что они выглядели как сварившиеся раки!

По предварительной оценке, ущерб, причиненный пятому энергоблоку, оказался незначительным. Встал вопрос о замене разрушенного пожаром маслопровода и соответствующего шарикоподшипника. Вот и все. На ремонтные работы, включая замену поврежденных паропроводов, потребовалась примерно неделя, после чего энергоблок-гигант снова вернулся в

строй действующих. По иронии судьбы была устранена и легкая вибрация, разобраться в причинах которой приезжал на электростанцию главный инженер.

Глава 3

– Система распределения электроэнергии, пострадавшая от широкомасштабных незапланированных отключений, – терпеливо объяснял Ним Голдман, – напоминает детскую игру «Подбери пятьдесят две». Суть ее заключается в том, что вначале играющий примерно минуту разглядывает полный комплект (или колоду) карточек, а потом их без предупреждения рассыпают по полу. Карточки одну за другой поднимают с пола, чтобы восстановить первоначальный комплект.

Ним стоял на смотровой галерее, расположенной чуть выше центрального пульта и отгороженной от него стеклянной стеной, куда всего несколько минут назад были допущены репортеры газет, радио и телевидения. Журналисты мгновенно слетелись в «ГСП энд Л». Вице-президент компании Тереза ван Бэрен, отвечающая за связь со средствами массовой информации, только что уговорила Нима выступить перед ними на импровизированной пресс-конференции.

Некоторых журналистов раздражало то, в каком виде они получали ответы на свои вопросы.

– О, ради бога! – запротестовала Нэнси Молино, репортер из «Калифорния экзэминер». Избавьте нас от этой доморощенной чуши и просветите в конце концов о происшествии. Ведь мы здесь ради этого. Так что же не заладилось? На чьей все это совести? Какие меры собираетесь предпринять, если вообще собираетесь? Когда снова будет запущена электростанция?

Мисс Молино была напористой дамой, поражавшей своей агрессивной привлекательностью: высокие скулы придавали ее темнокожему лицу надменность, что в общем-то соответствовало характеру. Обычно же ее лицо выражало смесь любопытства и скептицизма, граничившего с презрением. Свою тонкую, гибкую фигуру она умело подчеркивала элегантными, даже с претензией на шик, туалетами. Среди коллег она снискала известность расследованиями и разоблачениями коррупции в общественных структурах. Для Нима же она была как бельмо на глазу. Судя по прошлым репортажам, компания «ГСП энд Л» симпатии у журналистки Молино не вызывала.

Несколько других репортеров в знак согласия закивали головами.

– На электростанции «Ла Мишен» произошел взрыв. – Ним едва сдержал эмоции, чтобы не огрызнуться. – Мы полагаем, что по меньшей мере двое наших людей погибли. Однако там горит масло, все окутано густым дымом, поэтому ничего больше я вам сказать не могу.

– Вам известны имена погибших? – спросил кто-то из присутствующих.

– Да, но пока мы не можем их назвать. Сначала надо сообщить об этом родственникам.

– Вам известна причина взрыва?

– Нет.

– А как насчет подачи электроэнергии? – продолжала обстреливать выступавшего репортер Молино.

– Частично энергоснабжение уже восстановлено. Полностью ремонтные работы закончатся часа через четыре. В сельской местности – в пределах шести часов. В общем, сегодня вечером все должно быть в норме.

В норме-то будет, только вот Уолтера Тэлбота уже не вернуть, подумал Ним. Лишь несколько минут назад из Центра управления пришла эта страшная весть. Ним, который много лет дружил с главным инженером, не успел в полной мере переварить суть происшедшего и ощутить боль утраты, которая, как он твердо знал, еще напомнит о себе позже. С управляющим электростанции «Ла Мишен» Даниели Ним был не очень хорошо знаком, поэтому его смерть воспринял не столь остро. Сквозь звуконепроницаемую стеклянную перегородку, отделявшую

смотровую галерею от Центра управления, Ним наблюдал суету вокруг диспетчерского пульта. Ему хотелось вернуться туда как можно быстрее.

– Следует ли ожидать завтра еще одного отключения электроэнергии? – поинтересовался репортер, представлявший службу радионовостей.

– Если жара спадет, а предположительно так и будет, то нет.

Репортерские атаки продолжились, и Ним был вынужден обстоятельно объяснять журналистам, что такое пиковые нагрузки в условиях чрезвычайно жаркой погоды.

– Все, что вы нам тут излагаете, – едко заметила Нэнси Молино, – следует понимать таким образом, что ваши люди в Центре управления не сумели спланировать и предвидеть, что выходит за рамки привычного, не сообразуется с вашими устоявшимися подходами.

Ним ощутил прилив крови к лицу.

– Планирование может осуществляться только в таких рамках...

Это предложение так и осталось незаконченным.

После недолгого отсутствия на галерее снова показалась ответственная за общественные связи Тереза ван Бэрен. Это была невысокого роста, полная, суетливая женщина лет примерно сорока пяти, неизменно носившая мятые льняные костюмы и грубые туфли коричневого цвета. Часто не причесанная, она поражала своим неопрятным видом и напоминала скорее суматошную домохозяйку, но только не опытного ответственного работника компании.

– У меня для вас новость, – сказала миссис ван Бэрен взволнованным голосом. Руки у нее дрожали. В зале воцарилось молчание. – Нам только что стало известно, что погибли не двое, а четверо. Все они – сотрудники компании, которые во время взрыва находились на своих рабочих местах. Сейчас о случившемся уведомляют ближайших родственников, и уже через несколько минут мы передадим вам список погибших с их краткой биографией. Кроме того, я уполномочена довести до вашего сведения: хотя в данный момент доказательства отсутствуют, у нас есть основания полагать, что причиной взрыва стала диверсия.

Пока журналисты атаковали Терезу ван Бэрен, Ним осторожно выбрался из зала. Между тем Центр управления шаг за шагом восстанавливал нарушенную систему энергоснабжения.

Главный диспетчер у своего пульта манипулировал огромным количеством кнопок, успевая при этом разговаривать одновременно по двум телефонам. Он выдавал инструкции операторам подстанций, налаживая связь с электростанциями; это в результате взрыва на Большом Лиле произошло их автоматическое отключение от сети. Когда же сеть Тихоокеанского побережья была восстановлена, диспетчер, облегченно вздохнув, откинулся в своем сером металлическом вращающемся кресле и... снова принялся за телефоны, чтобы восстановить нагрузку. Почувствовав приближение Нима, он проговорил:

– Полдела сделано, мистер Голдман.

В понимании Нима это означало, что почти на половине территории, пострадавшей от внезапного отключения, полностью восстановлена подача электроэнергии. И процесс этот продолжался. Компьютеризированная автоматика была в состоянии отключить питание в сети несравненно быстрее, чем любая команда, поданная человеком, что, в общем, и произошло. А вот чтобы оживить работу всей системы, требовались непосредственные усилия технического персонала компании под наблюдением Центра управления.

Предпочтением пользовались административные центры, определявшие деловую активность; они снова оживали с подключением одного района за другим. За ними шли пригороды, в первую очередь те, в которых сосредоточились промышленные предприятия. Самыми последними в режиме ожидания на подключение оказались сельские поселки и отдаленные сельскохозяйственные районы.

Но и тут были сделаны некоторые исключения. Ввиду их особой значимости предпочтение отдавалось больницам, водопроводным и телефонным станциям, а также очистным

сооружениям. Такие предприятия обычно имеют собственные автономные генераторы, но те могли обеспечить лишь часть требуемой нагрузки, и поэтому невозможно было обойтись без внешних источников питания. Кроме всего прочего, на особое к себе отношение претендовал избранный круг лиц.

Теперь главный диспетчер переключил внимание на необычную карту энергосети с бесчисленными цветными кружочками. Сложившееся там положение он как раз обсуждал по одному из телефонов.

Ним подождал, когда в разговоре возникнет пауза, и спросил:

– Что это за схема?

– Разве вы не знаете? – удивленно проговорил диспетчер.

Ним покачал головой. Даже вице-президент по планированию был не в состоянии охватить все детали деятельности такой гигантской компании, как «ГСП энд Л».

– «Оборудование жизнеобеспечения в частных домах». – Диспетчер подозвал одного из помощников и поднялся с кресла. – Надо малость передохнуть. – Всем своим видом демонстрируя усталость, он провел рукой по седой шевелюре, а потом задумчиво сунул в рот очередную таблетку джелюсила.

Сняв напряжение на какой-то миг, диспетчер положил карту-схему электросети между собой и Нимом.

– Красные кружочки – это железные легкие, дыхательное оборудование, как сейчас их часто называют. Зеленым цветом обозначен аппарат «искусственная почка» у больных, страдающих почечной недостаточностью. А оранжевый кружок – кислородный аппарат, обеспечивающий дыхание младенца. Такие схемы у нас есть во всех подразделениях, и мы их постоянно обновляем. Нам помогают больницы: медики всегда в курсе дела и сообщают нам, где установлено такое оборудование.

– Вы только что ликвидировали пробел в моем образовании, – признался Ним. Он продолжил изучать карту, вызывающую у него откровенное восхищение.

– Большинство людей, привязанных к оборудованию жизнеобеспечения, в случае необходимости могут автоматически переключаться на батарейное питание. Для этого у них имеется специальное приспособление, – продолжал свои пояснения главный диспетчер. – Но когда отключается внешняя подача электроэнергии, для больных это травма. Поэтому, если случается отключение энергии в локальных масштабах, мы стараемся быстро установить причину неполадок. Затем, если остаются какие-то сомнения или сложности, мы срочно доставляем на место переносной генератор.

– Но у нас ведь нет такого количества переносных генераторов, особенно в связи со столь масштабным отключением, как сегодня.

– Нет, и такого количества ремонтных бригад тоже. Но сегодня нам здорово повезло. Наведенные нами справки показали, что пользователи оборудования жизнеобеспечения в домашних условиях никаких трудностей не испытали. – Диспетчер показал на карту. – Уже сейчас во всех этих точках подача электроэнергии восстановлена.

Сознание того, что на фоне масштабных катаклизмов проявляется забота и внимание к совсем малочисленной группе людей-инвалидов, трогало до глубины души. Разглядывая карту, Ним вспомнил хорошо знакомое ему пересечение – Лейквуд и Бальбоа. Одним из красных кружочков был отмечен жилой дом, мимо которого он неоднократно проезжал на своем автомобиле. Рядом было написано «Слоун». Скорее всего так звали больного на искусственном легком. Кто же этот Слоун? Что он собой представляет?

Но тут его размышления прервались.

– Мистер Голдман, с вами хочет поговорить президент. Он звонит с электростанции «Ла Мишен».

Ним взял телефонную трубку из рук одного из операторов Центра.

– Ним, – донесся из трубки голос Эрика Хэмфри, – вы ведь достаточно хорошо были знакомы с Уолтером Тэлботом, не так ли? – Несмотря на кризисные события, голос президента звучал, как и прежде, ровно. Сразу же после первых сообщений о взрыве он вызвал свой лимузин и вместе с Реем Паулсеном уехал на «Ла Мишен».

– Да, мы с Уолтером были друзьями. – Ним с трудом сдерживал себя, чтобы не разрыдаться. Почти одиннадцать лет назад они начали работать в компании «Голден стейт пауэр энд лайт». У них с главным инженером возникла взаимная симпатия, а затем и дружба. Сейчас ему даже представить было трудно, что все кончено.

– А что вы скажете о жене Уолтера? Вы хорошо ее знаете?

– Ардит? Очень хорошо. – Ним почувствовал, что президент слегка замялся, и поспешил сменить тему: – Ну как там у вас дела?

– Ничего хорошего. Мне еще никогда не доводилось видеть тела людей, сожженных перегретым паром. И надеюсь, больше не придется. Кожи на них практически не осталось – сплошные пузыри, а под ними голое мясо. Лица обезображены. – На какое-то мгновение самообладание оставило Эрика Хэмфри, но он взял себя в руки. – Именно поэтому мне хотелось бы, чтобы вы поехали к миссис Тэлбот, и побыстрее. Насколько мне известно, сообщение о смерти мужа стало для нее потрясением. Вот и поддержите ее по-дружески. А также хотел бы, чтобы вы уговорили ее, если сможете, конечно, воздержаться от присутствия на опознании мужа.

– О боже, Эрик, – проговорил Ним. – Почему именно я?

– По одной простой причине. Кому-то это надо сделать. Вы ведь знали их обоих, причем явно лучше любого из нас. Я уже попросил друга Даниели встретиться с его женой с той же целью.

Нима чуть не взорвало: «Так почему бы вам самому не навеститься ко всем четверем вдовам? В конце концов, вы наш главный командующий, да и оклад у вас королевский, поэтому могли бы иногда позволить себе исполнить эту гнусную грязную миссию. Кроме того, разве родственники погибших во благо компании не заслужили того, чтобы ее самый ранжированный руководитель собственной персоной заехал к ним с выражением соболезнования?»

Но от него этих слов так и не дождались, поскольку он хорошо помнил о том, что, будучи крепким администратором, Дж. Эрик Хэмфри неизменно воздерживался от всего, что выходило за рамки его служебных обязанностей. Сейчас был тот самый случай, когда личное участие он предпочел переложить на плечи Нима и некоторых других своих неудачливых заместителей.

– Что ж, ладно, – уступил Ним. – Так и быть.

– Спасибо. И пожалуйста, передайте миссис Тэлбот мое глубокое соболезнование.

Возвращая телефонную трубку, Ним кипел от злости. Поручение президента ошарашило его. Разумеется, раньше или позже ему пришлось бы встретиться с Ардит Тэлбот и выдать из себя подобающие в таком случае слова. К чему он морально не был готов, так это к необходимости исполнить данную миссию в самое ближайшее время.

Выходя из Центра управления, Ним столкнулся с Терезой ван Бэрен. Выглядела она вконец измотанной. Видимо, этому способствовала изматывающая встреча с журналистами. Кроме того, Уолтер Тэлбот был и ее близким другом.

– Не самый удачный день для всех нас, – проговорила она.

– Похоже, так оно и есть, – согласился Ним и поведал ей, куда собирается идти, а также о поручении Эрика Хэмфри.

Вице-президент по связям с общественностью поморщилась:

– Вам не позавидуешь. Малоприятная миссия. Впрочем, я слышала, что вы тут сцепились с Нэнси Молино.

– Стерва эдакая! – рассерженно пробурчал он.

– Именно стерва, ты прав, Ним. Но вместе с тем она исключительно мужественная журналистка, которая талантом значительно превосходит большинство своих бездарных коллег.

– Вы меня удивляете. В конце концов, именно она расплескивала враждебную критику против нас, даже не разобравшись в сути дела.

Тереза пожала плечами.

– Толстокожий монстр, на которого мы работаем, может выдержать несколько уколов и ударов. Что касается враждебности, то, по-видимому, это уловка с целью вытянуть из вас и других больше того, что уже сказано. Вам еще надо поучиться узнавать женский характер, Ним. Одних гимнастических ухищрений в постели недостаточно. Ходит молва, что вы в этом деле более чем преуспели. – Она окинула его лукавым взглядом. – Вы ведь не прочь поохотиться на женщин, а? – Неожиданно ее взгляд по-матерински потеплел. – Может, мне не надо было говорить вам этого именно сейчас. Поезжайте к вдове Уолтера и постарайтесь ее чем-нибудь утешить.

Глава 4

Ним Голдман влез в свою двухместную малолитражку «Фиат Х 19» и, протащившись сквозь пробки в центральной части города, устремился на северо-восток в направлении пригорода Сан-Рок, где проживали Уолтер и Ардит Тэлботы. Он хорошо знал дорогу, потому что часто ездил по этому маршруту.

Наступал вечер. Хотя минул уже час с небольшим, когда возвращавшиеся с работы автомобилисты попадали в самый-самый час пик, улицы все еще были забиты машинами. Дневная духота спала, но не намного.

Пытаясь устроиться поудобнее, Ним поерзал в кресле своего маленького автомобиля. Ведь в последнее время он явно поправился. Значит, надо сбросить вес, пока он еще влезает в свой «фиат». Иначе придется с ним распрощаться, а это никак не входило в его планы. В выборе марки автомобиля отражались его убеждения. Ним считал, что обладатели больших автомобилей бессмысленно транжируют драгоценное топливо. Разве они не понимают, что их райской жизни рано или поздно наступит конец, а это обернется катастрофой. И одним из ее проявлений станет фатальная нехватка электроэнергии.

Ним понимал, что сегодняшний кратковременный перерыв в подаче электроэнергии – всего лишь горькая закуска перед основным блюдом, прелюдия к несравненно более серьезным и болезненным нехваткам в ближайшие год или два. Беда в том, что, судя по всему, эта перспектива мало кого волновала. Даже в компании «ГСП энд Л», в которой многие располагали той же информацией, что и Ним, и оценивали перспективы таким же образом, царило благодушное настроение. Его можно было бы сформулировать следующим образом: «А зачем волноваться? Все в итоге устроится. Уж как-нибудь удержим ситуацию в рамках. А пока не надо раскачивать лодку, не надо будоражить людей понапрасну».

В последние несколько месяцев только трое в административной иерархии «ГСП энд Л» – Уолтер Тэлбот, Тереза ван Бэрен и Ним – выступали за пересмотр позиции компании. Они настаивали на большей открытости в контактах с общественностью. Требовали предостеречь средства массовой информации, граждан и политических деятелей, что роковой энергетический кризис уже не за горами, что полностью предотвратить его не представляется возможным, а можно лишь смягчить его последствия, приступив к строительству новых электростанций в сочетании с широкомасштабными, мало популярными мерами по энергоснабжению. Однако пока в концептуальном подходе «ГСП энд Л» преобладали традиционная осторожность и боязнь задеть интересы власть предержащих. Никаких указаний на перемены отмечено не было. А теперь еще ушел из жизни Уолтер, один из троих глашатаев надвигающейся катастрофы.

Чувство горя снова охватило Нима. До сих пор ему удавалось сдерживать слезы. Сейчас, оказавшись один в машине, он дал волю эмоциям: слезы потекли по лицу. В порыве отчаяния ему так хотелось выразить свое теплое отношение к Уолтеру, хотя бы помолиться за упокой его души. Он попытался вспомнить кадиш, еврейскую молитву, которую частенько слышал на заупокойных службах. По традиции ее читает ближайший родственник покойного по мужской линии в присутствии десяти мужчин иудейской веры. Губы его беззвучно зашевелились, и он, запинаясь, пробормотал древние арамейские слова. И вдруг осекся: окончание молитвы просто вылетело из головы – еще одно подтверждение того, что для него молитва не содержала логического смысла.

В его жизни бывали моменты, как сейчас, когда Ним ощущал идущий из глубины души порыв воспринимать себя религиозным человеком, чтобы найти собственное место в культурном наследии своего народа. Однако путь к религии, или по крайней мере к ее практическому отправлению, был для него закрыт. Причем собственным отцом еще до рождения сына. Дело в том, что Исаак Голдман приехал в Америку из Восточной Европы без гроша в кармане, но с глубокими социалистическими взглядами на жизнь. Сын раввина был убежден в несовместимости социализма и иудаизма. Поэтому он отверг религию своих предков, вызвав тем самым смятение в душе собственных родителей. Даже сейчас старый Исаак, которому исполнилось восемьдесят два года, по-прежнему потешался над основными догмами иудейской веры, которые представляли собой «банальный треп» между Богом и Авраамом и наивную сказку о «богоизбранном народе».

Ним вырос с уважением к выбору своего отца. Праздник еврейской Пасхи и святые дни Рош-га-Шана¹ и Йом Киппур² никак не отмечались в доме Голдманов. Не без влияния личного бунта деда подрастало уже третье поколение – собственные дети Нима – Леа и Бенджи. Они также воспитывались вне иудейских традиций и обрядов. Никому даже в голову не приходило сделать Бенджи обрезание или совершить обряд бар-мицва, что иногда беспокоило Нима. Он спрашивал себя, а имеет ли он право, несмотря на некогда им самим принятые решения, отгораживать своих детей от пятидесятилетней истории еврейского народа? Он знал, что еще не поздно все отыграть обратно, но принимать решение не торопился.

Размышляя о своей семье, Ним вспомнил, что забыл позвонить Руфи и сообщить, что вернется домой поздно. Он снял трубку мобильного телефона справа под щитком приборов – это дополнительное удобство было заказано и оплачено компанией «ГСП энд Л». Ответила телефонистка, и Ним назвал ей свой домашний номер телефона. Некоторое время спустя он услышал длинные гудки, а затем голос сына:

– Квартира Голдманов. Говорит Бенджи Голдман.

Ним улыбнулся. Это был типичный Бенджи, в свои десять лет уже такой собранный и организованный, не то что его сестра Леа, которая хоть и была на четыре года старше, не в пример ему выглядела какой-то несобранной, отвечая на звонки небрежным «привет!».

– Это я – отец, – проговорил Ним. – Я звоню из автомобиля. – Он приучил своих домашних в подобных случаях не торопиться с ответом, потому что связь по автотелефону является односторонней. – Дома все в порядке?

– Да, папа, теперь в полном порядке. Но у нас тут не было электричества. – Бенджи тихонько рассмеялся. – Впрочем, ты об этом и так в курсе дела. И еще, пап, я перевел стрелки у всех часов.

– Это хорошо. Я был в курсе дела. А сейчас передай трубку матери.

– Леа хочет...

Ним уловил какую-то возню, а затем в трубке раздался голос дочери:

¹ Еврейский Новый год. – Здесь и далее примеч. пер.

² День искупления.

– Привет! Мы смотрели программу новостей по телевизору. Но тебя не показывали.

В голосе Леа присутствовали обвинительные интонации. Дети Нима уже привыкли к тому, что их отец мелькает на телеэкране как официальный представитель компании «ГСП энд Л». Вполне возможно, что его отсутствие в сегодняшних теленовостях скажется на авторитете Леа среди ее друзей.

– Ты уж прости меня, пожалуйста. Сегодня и без того было много чего. Передай трубку маме.

Возникла еще одна пауза. Потом до него долетел голос:

– Ним? – Это был мягкий голос Руфи.

Он нажал на кнопку переговорного устройства.

– Он самый, кто же еще? Добраться до тебя все равно что протолкнуться сквозь целую толпу.

Разговаривая по телефону, он продолжал управлять «фиатом» одной рукой, перестраиваясь в правый крайний ряд. Дорожный указатель напоминал, что до поворота на Сан-Рок оставалось полторы мили.

– Потому что детям тоже хочется поговорить с тобой. А может, потому, что они не так уж часто видят тебя дома. – Руфь никогда не повышала голос, просто он звучал у нее неизменно мягко, даже когда она кого-то упрекала. Причем Ним был вынужден признать, что этот ее упрек был совершенно справедлив, и он даже пожалел, что вообще затронул данную тему.

– Ним, мы слышали в новостях, что случилось с Уолтером. Да и с другими тоже. Жуткая история. Я просто потрясена.

Ним понимал, что Руфь говорила искренне. Ей ведь было хорошо известно о его дружеских отношениях с главным инженером.

Такое сопереживание вообще было характерно для Руфи, хотя в целом в последнее время казалось, что по сравнению с прежними годами они все более отдалялись друг от друга. Впрочем, до откровенной враждебности дело никогда не доходило. Нет, такого явно не было. Руфь с ее несокрушимой невозмутимостью никогда бы такого не допустила, размышлял Ним. Ему не составило труда представить ее себе в эти минуты – спокойную и невозмутимую, с сочувственным выражением мягких серых глаз. Он часто задумывался о том, что в ней явно было что-то от Мадонны. Даже не обладая особо привлекательной внешностью, она производила поразительное впечатление в силу своей неповторимой индивидуальности, что позволяло говорить о ней как о красавице. Он также знал, что в эти минуты она вместе с Леа и Бенджи, стараясь объяснить им смысл произошедшего, при этом разговаривая с детьми на равных в своей неизменно спокойной, ненавязчивой манере. Для Нима Руфь всегда была великолепной матерью его детей. А вот их супружеские отношения утратили былую притягательность и даже стали скучными. Про себя он называл эти узы «идеально гладкой дорогой в никуда». К этому примешивалось кое-что еще. Возможно, как следствие их искривленных отношений. В последнее время у Руфи обнаружились собственные интересы, о которых она предпочитала никому не рассказывать. Несколько раз он звонил ей в то время, когда она обычно бывала дома, и тут выяснялось, что весь день она отсутствовала, да и потом уходила от объяснений, что на нее было не похоже. Может, Руфь завела себе любовника? Он вполне это допускал. В любом случае Нима интересовало одно: как долго еще и как далеко они будут плыть по течению, прежде чем произойдет столкновение, которое поставит все точки над i.

– Мы все потрясены, – признался Ним. – Эрик попросил меня заехать к Ардит, и сейчас я как раз еду к ней. Скорее всего задержусь допоздна. Так что не ждите меня.

Вообще говоря, в такой задержке не было ничего нового. Ним сплошь и рядом застревал на работе допоздна. В результате ужин сдвигался на поздний час либо вообще отменялся. По этой же причине Ним редко виделся с Леа и Бенджи: когда он возвращался домой, дети чаще всего уже спали. Порой Ним испытывал чувство вины из-за того, что уделял так мало

времени собственным детям. Он знал, что тем самым причиняет беспокойство Руфи, хотя она редко заводила разговор на эту тему. Иногда ему даже хотелось, чтобы она высказывала свои претензии более определенно.

Однако сегодняшнее опоздание имело другую подоплеку. Здесь не требовалось никаких объяснений и оправданий даже перед самим собой.

– Бедная Ардит, – проговорила Руфь. – Ведь Уолтеру оставалось до пенсии совсем чуть-чуть. А тут еще это сообщение как гром среди ясного неба – и все предстало в тягостно невыносимом виде.

– Какое сообщение?

– Да я думала, ты в курсе. Его передали в программе новостей. Люди, подложившие бомбу, прислали на радиостанцию какое-то коммюнике – кажется, они это так называют. Они даже похваляются своим поступком. Можешь себе представить? Ну разве это люди?

– Какая это радиостанция? – Ним быстро отложил телефонную трубку, включил радио и, вновь схватив трубку, успел поймать ответ на свой вопрос.

– Не знаю, – ответила Руфь.

– Послушай, – продолжил он, – все это очень важно. Сейчас я разговор заканчиваю, а если получится, позвоню тебе от Ардит.

Ним положил трубку в гнездо аппарата. Он уже настроил радио на волну станции, передающей самую оперативную информацию, и взглянул на часы – значит, через минуту будут самые последние новости в кратком изложении.

Вот показался поворот на Сан-Рок, и Ним свернул свой «фиат» с главной дороги вправо. Отсюда до дома Тэлботов оставалась какая-нибудь миля.

Между тем в радиоэфире пронесся сигнал трубы, за которой последовали точки и тире в духе азбуки Морзе – позывные сводки новостей. Сообщение, которое интересовало Нима больше всего, было в начале выпуска:

– «Группа лиц, называющих себя «Друзья свободы», заявила о своей ответственности за взрыв, который произошел сегодня на электростанции, принадлежащей компании «ГСП энд Л». Взрыв стал причиной гибели четырех человек и привел к серьезному нарушению в подаче электроэнергии.

Заявление «Друзей свободы» было записано на магнитофонную пленку, доставленную на радиостанцию сегодня во второй половине дня. Как подтвердили в полиции, содержащаяся в заявлении информация указывает на ее подлинность. В данный момент магнитофонная запись изучается в поисках возможности разгадки происшествия».

Ним подумал: похоже на то, что станция, которую он поймал, вовсе не располагала той самой магнитофонной записью. Дело в том, что хозяева радиостанций не любили признавать сам факт наличия конкурентов, и хотя эта новость представлялась слишком важной, чтобы ее можно было проигнорировать, ссылка на другую радиостанцию отсутствовала.

– «По сообщениям, неизвестный мужской голос на упомянутой магнитофонной пленке произносит: «Друзья свободы» привержены делу народной революции и выражают свой протест против алчности капиталистической монополии на электроэнергию, которая по праву принадлежит народу». Конец цитаты.

Комментируя гибель людей, последовавшую в результате взрыва, в магнитофонной записи говорится следующее, цитируем: «Убивать мы никого не собирались. Но в той народной революции, что сейчас разворачивается, капиталистам и их лакеям придется понести жертвы и ответить за преступления перед человечеством». Конец цитаты.

Официальный представитель компании «ГСП энд Л» подтвердил, что причиной сегодняшнего взрыва явилась диверсия, однако от других комментариев отказался.

В скором времени ожидается повышение розничных цен на мясо, сегодня в Вашингтоне министр сельского хозяйства заявил представителям потребительских...»

Дотянувшись до радиоприемника, Ним выключил его. Столь пустопорожние новости действовали на него угнетающе. Интересно, как они скажутся на Ардит Тэлбот, с которой он вот-вот встретится?

В сгущающихся сумерках он отметил несколько автомобилей, припаркованных рядом со скромным аккуратным двухэтажным домом Тэлботов в окружении роскошных цветочных клумб. Цветы были давним увлечением Уолтера. В окнах первого этажа горел свет.

Ним припарковал свой «фиат», запер машину и по дорожке направился к дому.

Глава 5

Дверь в особняк была открыта, изнутри доносился нестройный шум голосов. Ним постучал и стал ждать. На его стук никакой реакции не последовало, тогда Ним вошел.

В холле голоса воспринимались отчетливее. Он понял, что они доносятся справа, из гостиной. Сразу узнал голос Ардит. Ее окрашенные истеричным рыданием обрывки фраз:

– О боже! Эти убийцы... был таким хорошим, добрым... никогда никого не обидел... и обзывать его такими грязными словами...

На эти всхлипывания накладывались и другие голоса. Ее пытались успокоить, но тщетно.

Ним замер в нерешительности. Дверь в гостиную была приоткрыта, но он не мог заглянуть внутрь, и его никто не мог увидеть. Возникло искушение выйти на цыпочках из дома так же незаметно, как он и появился здесь. Но тут неожиданно дверь в гостиную распахнулась и из нее вышел мужчина. Быстро закрыв дверь за собой, он прислонился к ней спиной. Его тонкое лицо с бородкой было бледным от нервного напряжения. Он нахмурился, словно желая хоть на мгновение передохнуть. Из-за закрытой двери никаких голосов уже почти не было слышно.

– Уолли, – тихо проговорил Ним. – Уолли.

Мужчина открыл глаза. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

– О, это ты, Ним. Спасибо, что пришел.

Ним знал Тэлбота-младшего, который был единственным сыном Уолтера, почти столько же времени, сколько поддерживал дружеские отношения с его теперь уже покойным отцом. Уолли-младший работал в компании «ГСП энд Л» инженером по эксплуатации линий электропередачи. Он был женат, имел детей и проживал на другом конце города.

– Меня переполняет скорбь, Уолли. На большее у меня просто нет слов.

Уолли Тэлбот только кивнул в знак благодарности за сочувствие.

– Я понимаю. – Каким-то извинительным жестом он показал на комнату, из которой только что вышел. – Мне надо было хоть на минуту выйти. Какой-то дурак включил телевизор, и все услышали заявление этих гнусных ублюдков. Нам только-только удалось немного успокоить мать. А сейчас она снова убивается. Ты, наверно, сам слышал?

– Да, а кто там с ней?

– Прежде всего, конечно, Мэри. Мы попросили присмотреть за детьми, а сами немедленно приехали сюда. Потом начали приходить соседи, большинство из них все еще здесь. Я, разумеется, понимаю, что они тут из добрых побуждений, да вот толку-то от их присутствия... Если бы отец был сейчас с нами, он бы... – Уолли замолчал, изобразив на лице вымученную улыбку. – Трудно свыкнуться с мыслью о том, что его здесь больше никогда не будет.

– У меня такое же ощущение. – Ниму стало ясно, что Уолли просто не по силам взять в свои руки происходящее в доме. – Послушай, – сказал он, – так не может больше продолжаться. Давай-ка пойдем в гостиную. Я поговорю с твоей матерью и постараюсь ее успокоить. А вы с Мэри начнете выпроваживать всех остальных.

– О'кей. Так будет разумно. Спасибо тебе, Ним.

Кого в этой ситуации Уолли явно не хватало – так это распорядителя.

Когда Ним с Уолли появились в гостиной, в ней скопилось, наверное, человек десять. Одни сидели, другие стояли. Комната была уютная, светлая и вместе с тем достаточно просторная. Но сейчас она казалась переполненной. Несмотря на работающий кондиционер, было душно. Некоторые одновременно разговаривали друг с другом, и даже телевизор не был выключен, усугубляя гвалт голосов. Ардит Тэлбот сидела на диване в окружении нескольких женщин, одной из которых была Мэри, жена Уолли-младшего. Других Ним не знал. Видимо, это были соседи, о которых говорил Уолли.

Хотя Ардит исполнилось шестьдесят (Ним с Руфью присутствовали на этом дне рождения), она оставалась на удивление привлекательной женщиной с хорошей фигурой, а на лице едва угадывались прожитые годы. В модно подстриженных золотисто-каштановых волосах слегка пробивалась седина. Ардит постоянно играла в теннис и отличалась отменным здоровьем. Но сегодня она явно сломалась. Ее заплаканное лицо осунулось и постарело.

Ардит произносила какие-то бессвязные слова, прерываемые рыданиями. Однако, увидев Нима, замолчала.

– Ах, Ним, – проговорила она, протягивая к нему руки. Окружавшие Ардит расступились, чтобы он мог подойти к ней. Ним сел на диван рядом с Ардит и обнял ее. – Ах, Ним, – повторила она. – Ты слышал, какая беда случилась с Уолтером?

– Да, дорогая, – едва слышно ответил он. – Я знаю.

Ним наблюдал за тем, как в противоположной части комнаты Уолли выключил телевизор, потом отвел в сторону жену и принялся что-то тихо ей объяснять. В ответ Мэри кивнула. Затем оба подошли к остальным находящимся в гостиной, благодаря и деликатно оттесняя их по очереди к двери. Ним не отпускал руку Ардит, избегая всяких слов, пытался успокоить и утешить изрыдающуюся женщину. Вскоре в гостиной стало тихо.

Ниму было слышно, как закрылась дверь за последним из уходивших гостей. Уолли с Мэри вернулись из передней, распростившись с соседями. Уолли провел рукой по волосам и бороде.

– Я бы не отказался от глотка виски, – сказал он. – Кто-нибудь составит мне компанию? Ардит и Ним кивнули в знак согласия.

– Я все сделаю, – сказала Мэри. Она быстро принесла бокалы и напитки. Потом убрала пепельницы и привела в порядок гостиную – скоро не осталось и следа от бывшего беспорядка. Миниатюрная женщина, Мэри поражала изяществом и одновременно деловитостью. До того как выйти замуж за Уолли, она сотрудничала с каким-то рекламным агентством, да и сейчас продолжала работать по договорам, не забывая при этом о своих семейных обязанностях.

Ардит отпила небольшой глоток виски и выпрямила спину – значит, к ней возвращалось самообладание. Вдруг она воскликнула:

– Наверное, я ужасно выгляжу.

– Ничуть не хуже любой другой женщины, окажись она в твоём положении, – заверил ее Ним.

Тем не менее Ардит подошла к зеркалу.

– Боже праведный! – ужаснулась она. – Только, пожалуйста, не ставьте свои бокалы. Я сейчас вернусь. – Она вышла из гостиной с бокалом шотландского виски в руке. По звукам ее шагов всем стало ясно, что хозяйка дома поднялась по лестнице вверх.

«Не много найдется мужчин, которые не уступят женщинам в их силе и стойкости», – вдруг подумал Ним.

Тем не менее он решил, что предостережением, исходившим от Эрика Хэмфри: семье не следует лицеизреть останки покойного, – он поделится сначала с Уолли. Ним с содроганием вспомнил слова президента компании: «Кожи практически не осталось... Лица обезображены до неузнаваемости». Мэри вышла на кухню. Пока оба оставались наедине, Ним как можно деликатнее, избегая подробностей, объяснил суть вопроса.

Реакция последовала мгновенно. Уолли опрокинул остатки виски в бокале.

– О боже! – взмолился он со слезами на глазах. – Об этом даже слышать невозможно. Рассказать такое матери я не смогу. Придется это сделать тебе.

Ним оцепенел, с ужасом представив себе то, что ему предстояло.

Четверть часа спустя в гостиной появилась Ардит. За это время она привела лицо в порядок, причесалась, переоделась, сменив прежнее платье на элегантную блузку с юбкой. По крайней мере для наблюдателя со стороны она выглядела очень даже привлекательной, и только во взгляде и во всем ее облике застыла скорбь. Следом за ней в гостиной появилась и Мэри. Уолли сам наполнил бокалы, и все четверо застыли в тяжелом молчании. Они просто не знали, о чем говорить.

Тишину нарушила Ардит.

– Я хочу взглянуть на Уолтера, – сказала она с решимостью в голосе. Затем, повернувшись к Уолли, проговорила: – Тебе известно, куда отвезли твоего отца и вообще... что там готовится?

– Ну-у... в общем, так... – Слова застряли у Уолли в горле. Он поднялся, поцеловал мать и, отведя в сторону глаза, продолжил: – Понимаешь, мама, тут есть одна проблема. Ним тебе сейчас все объяснит. Я все правильно говорю, Ним?

В эту минуту Ним был готов сквозь землю провалиться.

– Мама, дорогая, – проговорил все еще стоявший рядом Уолли, – мы с Мэри должны ненадолго съездить к детям. Мы вернемся, и кто-то из нас останется с тобой на ночь.

Но Ардит словно пропустила это замечание мимо ушей.

– Какие там еще проблемы?... Почему я не могу взглянуть на Уолтера?... Может, кто-нибудь мне объяснит?

Уолли тихо вышел из гостиной, следом за ним последовала Мэри. Казалось, Ардит этого даже не заметила.

– Прошу вас... Ну почему я не могу...

Ним взял ее за руки.

– Ардит, послушайте меня. Уолтер погиб внезапно. Все случилось быстрее чем за секунду. Он даже не успел сообразить, что вокруг происходит, и даже не ощутил боли. – Ним надеялся, что все так и было. – Но в результате взрыва тело его было изувечено.

Ардит застонала.

– Уолтер был моим другом, – продолжал Ним. – Я знал его почти как самого себя и уверен – он не хотел бы, чтобы ты его увидела таким. Он хотел бы, чтобы ты его запомнила... – Не в силах продолжать в таком эмоциональном возбуждении, он умолк. К тому же он не был уверен, что Ардит слышала его, но даже если слышала, то доходил ли до нее смысл его слов? И опять воцарилось молчание.

Ним вот уже более часа находился в доме Тэлботов.

– Ним, – наконец заговорила Ардит, – ты ужинал?

Он только покачал головой:

– Времени не было. Да я и не голоден.

Ему было непросто приспособиться к резким переменам настроения Ардит.

– Пойду-ка я что-нибудь тебе приготовлю, – сказала она, вставая с дивана.

Он проводил ее до небольшой, но изящно скомпонованной кухоньки, где все придумал и реализовал сам Уолтер Тэлбот. Концептуально здесь все отвечало авторскому подходу. Вначале были проведены временные и пространственные исследования функционального предназначения, затем продумывалась компоновка узлов с максимальным удобством, чтобы все было под рукой. Ним устроился за разделочным столом, наблюдая за Ардит, но не вмешиваясь в ее хлопоты. Он считал, сейчас ей было даже полезно чем-то заняться, чтобы переключить внимание.

Она подогрела суп, разлила его в глиняные миски и отхлебывала из своей потихоньку, пока готовила омлет, приправленный рубленным луком и грибами. Глядя, как Ардит разрезает омлет и раскладывает его на тарелки, Ним почувствовал, что все-таки проголодался, и с аппетитом принялся за еду. Сначала Ардит попробовала заставить себя поесть, но вскоре отказалась от этой мысли. Она сварила крепкий кофе. Захватив чашки, они снова переместились в гостиную.

– Я ведь могу потребовать, чтобы мне позволили посмотреть на Уолтера, – задумчиво произнесла Ардит.

– Если будешь настаивать, никто не сможет тебе отказать, – проговорил Ним. – Но я надеюсь, что ты не станешь этого делать.

– А что будет с теми, кто подложил бомбу, кто убил Уолтера и всех остальных? Ты думаешь, их поймают?

– Наверное. Но это не так просто, когда имеешь дело с безумцами. Сумасшедших поймать труднее, потому что в их действиях отсутствует рациональное зерно. Но если они совершат нечто подобное, что очень даже вероятно, кара их обязательно настигнет.

– Мне кажется, я должна желать того, чтобы их покарали. Но я такого желания не испытываю. Может, это плохо?

– Нет, – заметил Ним. – В любом случае об этом позаботятся другие люди.

– Как бы там ни было, случившегося не исправишь. Уолтера и всех остальных уже не вернуть, – с грустью в голосе проговорила Ардит. – Ты знал, что мы прожили в браке тридцать шесть лет? Надо быть благодарным судьбе за это. Не многим это выпадает. Причем в основном это были счастливые годы... Целых тридцать шесть лет... – Ардит тихо заплакала. – Обними меня, Ним, – проговорила она сквозь слезы.

Он обнял ее и положил голову Ардит себе на плечо. Он чувствовал, что она плачет, но это уже не было похоже на прежнее истерическое рыдание. Это были слезы прощания и смирения, памяти и любви. С таких тихих, очищающих слез начинается процесс выздоровления человеческой души – древнее и необъяснимо таинственное чудо, как сама жизнь.

Обнимая Ардит, Ним вдруг уловил приятный, тонкий аромат. Он не воспринимал его, когда они сидели рядом. Когда же она успела подушиться? Наверное, когда поднималась к себе. Ним попробовал переключить свои мысли на что-нибудь еще.

Между тем уже совсем стемнело. На улице стало безлюдно и тихо. Лишь изредка мелькали огни проезжавших автомобилей. В доме же все успокоилось, как с наступлением ночи.

Ним почувствовал, как Ардит вздрогнула в его объятиях. Она перестала плакать и придвинулась совсем тесно к нему. Он снова ощутил пьянящий аромат ее духов. И вдруг, к собственному изумлению, почувствовал, что его тело откликнулось на ее близость. Он попытался было заставить себя переключиться на что-нибудь еще, взять себя в руки и мысленно отстраниться от происходящего, но тщетно.

– Поцелуй меня, Ним!

Она придвинула лицо совсем близко к нему. Их губы соприкоснулись, сначала едва-едва, потом все сильнее. Поцелуй Ардит был нежным, соблазнительным и зовущим. Почувствовав, что в них обоих зарождается страсть, Ним спросил себя: «Неужели это возможно?»

– Ним, – тихо сказала Ардит, – выключи свет.

Он подчинился, хотя внутренний голос подсказывал: «Не делай этого! Уйди сейчас же! Немедленно!» Но, презирая самого себя, он твердо знал, что не уйдет и что его внутренний голос угас еще до того, как успел о себе заявить.

Диван был просторный. Пока Ним выключал свет, Ардит успела снять с себя кое-что из одежды. Он помог ей раздеться полностью и быстро разделся сам. Когда оба растворились во взаимных объятиях, он ощутил в ней чувственную, любвеобильную и опытную партнершу. Ее

пальцы, слегка касаясь его тела, нежно дразнили, старались доставить ему удовольствие, и она в этом преуспела. Он отвечал ей тем же. Вскоре Ардит застонала, потом громко вскрикнула:

– О боже, Ним! Чего ты еще ждешь... Ну пожалуйста!

Он почувствовал запоздалое, какое-то расплывчатое угрызение совести, а потом на него накатил страх, что в любую минуту в комнате, как они обещали, могут появиться Уолли и Мэри.

Но это опасение и все прочие растворились в порыве сладострастного наслаждения, которое накрыло его, как волна прибоя.

– Тебя мучит совесть, Ним, не так ли?

– Да, – признался Ним. – Жутко мучит.

Прошел час. Они оделись и включили свет. Чуть раньше позвонил Уолли. Он сказал, что они с Мэри уже отправляются к Ардит и останутся у нее на ночь.

– Не переживай, – сказала Ардит, слегка коснувшись его руки, и смущенно улыбнулась. – Ты помог мне даже больше, чем сам думаешь.

Ним инстинктивно почувствовал, что она от него что-то утаивает. Близость, которую они только что испытали, редко бывает в отношениях мужчины и женщины; и, по всей вероятности, этот опыт им еще придется повторить. А если так, всплывает двойная озабоченность: он не только совершил постыдный поступок в день смерти своего верного друга, но и значительно осложнил собственную жизнь, на что никак не рассчитывал.

– Хочу тебе кое-что объяснить, – продолжала Ардит. – Я горячо любила Уолтера. Он был милым, добрым, благородным человеком. Нам всегда было хорошо друг с другом. С ним всегда было интересно общаться. Жизнь без него... у меня это пока даже в голове не укладывается. Но у нас с Уолтером давным-давно не было подлинной близости – может быть, лет шесть-семь. Уолтер просто не мог. Ты ведь знаешь, такое часто случается с мужчинами, кстати, значительно чаще, чем с женщинами.

– Я не желаю этого слышать, – запротестовал Ним.

– Хочешь или не хочешь, но тебе придется меня выслушать. Просто я не хочу, чтобы сегодня ты уехал отсюда с угрызениями совести и в подавленном состоянии. И я скажу тебе, Ним, кое-что еще. То, что сейчас произошло между нами, вовсе не означает твоей вины. Это я тебя соблазнила. Я знала, что произойдет, и желала этого задолго до того, как ты об этом подумал.

«Наверно, это все из-за духов», – подумал Ним. Они подействовали на него, словно возбуждающее средство. Неужели Ардит действительно все так подстроила?

– Когда женщина лишена возможности заниматься сексом дома, – излагала Ардит с внутренней убежденностью, – она либо вынуждена с этим примириться, либо ищет удовлетворения своих потребностей на стороне. Вот я со своей участью смирилась. Пыталась примириться с тем, что у меня было. А был у меня хороший муж, которого я до сих пор любила. Поэтому я не искала никого на стороне. Но от этого жажда физической близости во мне не угасла.

– Ардит, – взмолился Ним, – я тебя умоляю...

– Нет, я почти все сказала. Сегодня... вечером, когда я всего лишилась, мне захотелось секса даже больше, чем когда-либо. Внезапно моя плоть ощутила потребность в том, чего была лишена целых семь лет. А ты оказался рядом, Ним. Ты всегда был мне симпатичен, даже, может быть, чуточку больше. Ты оказался под рукой, когда понадобился мне больше всего. – Она улыбнулась. – Если ты приехал ко мне, чтобы меня утешить, то своей цели ты добился. Все так просто. Не усложняй себе жизнь. И не занимайся самобичеванием.

– Если ты так считаешь, мне будет легче на душе, – со вздохом заметил Ним. Оказалось очень просто покончить с угрызениями совести. Наверное, даже слишком просто.

– Да, я так считаю. А теперь еще раз поцелуй меня и отправляйся домой к Руфи.

Он так и поступил, с чувством облегчения уехав еще до появления Уолли и Мэри.

Возвращаясь на машине домой, Ним размышлял о превратностях своей личной жизни. На этом фоне головоломные проблемы, связанные с его работой в «Голден стейт пауэр энд лайт», казались простыми и куда более предпочтительными. В списке его личных проблем первое место занимала Руфь, вернее, их зашедший в тупик брак, а теперь еще и Ардит. Правда, у него и до того случались романы с другими женщинами, а два романа продолжались и по сей день.

Казалось, такие связи возникали у Нима как бы помимо его воли. А может, это был просто самообман? Может быть, он сознательно впутывался в эти связи, чтобы затем внушить себе, что все невольно получилось само собой? Так или иначе, сколько он себя помнил, недостатка в сексуальных утехах он никогда не испытывал.

Женившись пятнадцать лет назад на Руфи, он примерно четыре года хранил ей верность. Потом случайно подвернулась возможность заняться сексом на стороне, и он ею воспользовался. Затем последовали иные оказии такого рода – одни всего на одну ночь, другие привязывали его к себе на более продолжительное время, чтобы угаснуть, как звезды с наступлением рассвета. На первых порах Ним считал, что ему удастся скрыть от Руфи свои сексуальные утехи. Этому способствовала специфика его работы, связанная с временными нагрузками, да и с обычными сверхурочными. Может быть, до поры до времени эти хитрости срабатывали. Но вскоре здравый смысл подсказал ему, что Руфь, обладавшая не только тонкой интуицией, но и проницательностью, не может не понимать, что с ним действительно происходит. Самое удивительное было то, что она никогда не возмущалась и, казалось, все принимала как должное. Всякой логике вопреки реакция Руфи, вернее, полное ее отсутствие, лишь раздражала его и продолжала раздражать по сей день. А ведь она не могла не возмутиться, обязана была протестовать, может быть, рыдать от негодования. Даже если бы от этого мало что изменилось, Ним тем не менее задавался вопросом: неужели все его измены не заслуживали бурного эмоционального скандала в семье?

Время от времени Нима угнетало вот что еще – несмотря на все его старания сохранить в тайне свои амурные похождения, они, судя по всему, становились кое-кому известными. На этот счет уже имелось несколько доказательств, и самое последнее дошло до него как раз сегодня. И с чего это Тереза ван Бэрэн намекнула: «Вам еще надо поучиться узнавать женский характер, Ним. Одних гимнастических ухищрений в постели недостаточно. Ходит молва, что вы в этом деле более чем преуспели». По-видимому, в своих намеках Тереза базировалась не только на слухах, иначе она поостереглась бы говорить с ним столь откровенно. И если Тереза в курсе дела, то его похождения не были секретом и для других сотрудников компании «ГСП энд Л».

Не поставил ли он тем самым под угрозу собственную карьеру? Если это так, стоит ли игра свеч? Неужели все это для него так важно? Настолько серьезно, или же всего лишь игра?

– Будь оно проклято, если бы я мог это знать, – громко выругался он, имея в виду не только предмет своих размышлений, но и кое-что еще.

Когда он добрался до своего дома на краю города, его встретили тишина и полумрак. Только на лестничной клетке мерцала тусклая ночная лампочка. По настоянию Нима семья Голдманов следовала принципу экономии электроэнергии.

Поднявшись наверх, он на мысочках прошел в комнаты Леа и Бенджи. Дети крепко спали.

Руфь вздрогнула, когда он приблизился к их кровати, и спросила сквозь сон:

– Который час?

– Начало первого, – тихо ответил он.

– Как там Ардит?

– Расскажу тебе утром.

Ответ, видимо, ее устроил, и Руфь снова заснула.

Ним быстро принял душ, чтобы смыть запах духов Ардит, после чего погрузился на свою половину двуспальной кровати. Спустя несколько минут, обессиленный от событий минувшего дня, он тоже заснул.

Глава 6

– Значит, договорились, – проговорил Дж. Эрик Хэмфри, окинув испытующим взглядом лица девяти мужчин и женщин, разместившихся рядом с ним за столом в конференц-зале. – Стало быть, мы принимаем в целом план действий, изложенный в докладе Нима, будем отстаивать на высшем уровне необходимость незамедлительного осуществления трех проектов: ввод в эксплуатацию тепловой электростанции в Тунипе, геотермальных источников Финкасла, а также сооружение гидроаккумулирующей электростанции в Дэвил-Гейте.

Когда все закивали и что-то пробормотали в знак согласия, Ним Голдман облегченно откинулся на спинку кресла. Представление планов работы на будущее, над которыми трудился он сам и многие другие, оказалось мучительным делом.

В эту группу, представлявшую собой комитет управляющих компаний «ГСП энд Л», входили руководители высшего звена, подотчетные непосредственно президенту. Формально по своей административной значимости этот комитет уступал лишь совету директоров, фактически же в рамках этой структуры разрабатывались основные акценты политических решений, и, значит, именно здесь была сосредоточена реальная власть.

Дело было в понедельник, стрелки часов миновали полдень. Участники совещания успели обсудить с утра много всяких вопросов. Кое-кто из сидевших за столом ощущал явную усталость.

После чудовищного взрыва на электростанции «Ла Мишен» и последовавшего отключения электроэнергии прошло пять дней. Все это время изучались связанные с происшествием детали, его причины и следствия, делались прогнозы на будущее. Аналитическая работа не прекращалась до полуночи, продолжаясь даже в выходные. К счастью, с прошлой среды наступило легкое похолодание, поэтому отключения в подаче электроэнергии прекратились. Тем не менее один вывод был очевиден. Если компания «ГСП энд Л» не приступит в скором времени к созданию дополнительных энергетических мощностей, новые отключения, причем куда более серьезные, неизбежны.

«В скором времени» означало в течение следующего года. Но даже в этом случае пришлось бы мириться с существенными ограничениями в энергоснабжении, поскольку на проектирование и сооружение обычной электростанции на твердом топливе требовалось пять лет, а на строительство атомной электростанции – все шесть, не считая того, что вдобавок ко всему от четырех до шести лет уходило на получение соответствующих лицензий.

– Помимо трех проектов, ставших предметом нашего обсуждения, – вступил в разговор главный советник компании по юридическим вопросам Оскар О’Брайен, – важно, несмотря ни на что, добиваться разрешений на строительство атомных электростанций. – О’Брайен, отличающийся крепким телосложением, когда-то работал адвокатом в федеральных структурах в Вашингтоне и напоминал своей комплекцией контрабас.

– Да уж, черт побери, здесь нельзя давать слабинку, – проворчал сидевший напротив него Рей Паулсен, вице-президент компании, отвечавший за оперативное энергоснабжение.

Рядом с Паулсеном Ним Голдман что-то задумчиво рисовал в своем блокноте. Ему подумалось: несмотря на взаимную неприязнь и непримиримость в некоторых вопросах, он и Паулсен были едины в том, что компании следует производить больше электроэнергии.

– Конечно, – констатировал Эрик Хэмфри, – мы ни за что не отступимся от своей ядерной программы. Однако всем нам хорошо известно, что из-за аварии в Три-Майл-Айленд шансы на расширение сети АХ по крайней мере в ближайшие несколько лет невелики. Еще до принятия нами решения относительно неядерных электростанций я уже договорился на послезавтра о встрече с губернатором в Сакраменто. Намерен просить его повлиять на соответствующие инстанции, чтобы те проявляли большую активность. Кроме того, мне хотелось бы предложить организовать по каждому из трех проектов, может быть, уже в следующем месяце, объединенные публичные слушания с участием соответствующих сторон, согласия которых мы добиваемся.

– Эрик, но ведь такого у нас никогда не было, – проговорил Стюарт Айно, первый вице-президент, отвечавший за тарифы и оценку основных фондов. Айно считался ветераном компании «ГСП энд Л», и, если бы к его пухлощекому лицу йомена добавить кружевной воротник и бархатную шляпу, он вполне сошел бы за бифитера – стражника лондонского Тауэра. Как эксперт в области лицензирования, он отстаивал принцип неукоснительного соблюдения заложенных в них процедур. – До сих пор слушания проводились только раздельно, – добавил он. – Если все свалить в одну кучу, это породит дополнительные сложности.

– Пусть над этим ломают себе головы всякие там вонючие бюрократы, – вклинился в разговор Рей Паулсен. – Я, как и Эрик, за то, чтобы пустить им ток под задницу.

– Целых три провода под напряжением, – прокомментировал кто-то.

– Так даже лучше, – ухмыльнулся Паулсен.

Аино явно обиделся.

– Давайте не будем забывать, что есть убедительные аргументы в пользу такого рода неординарных действий, – заметил Эрик Хэмфри, пропуская мимо ушей возникшую перепалку. – Мало того, нам никогда не представится столь благоприятный шанс, чтобы оказать на них давление. Отключения на прошлой неделе убедительно показали, что кризис может развиться мгновенно, поэтому для борьбы с ним следует готовиться к принятию чрезвычайных мер. Надеюсь, это поймут даже в Сакраменто.

– В Сакраменто, – сказал Оскар, – их, как и в Вашингтоне, волнует только одно – политика. И давайте все же смотреть фактам в лицо. Противники наших далеко идущих планов будут политически выпячивать как мишень для нападок прежде всего Тунипу.

В ответ раздали жидкие аплодисменты. Как хорошо было известно собравшимся за столом, из трех проектов именно Тунипа могла оказаться наиболее противоречивым предметом для обсуждения. Однако по разным причинам как раз Тунипе в их планах отводилось решающее место.

Тунипа представляла собой дикую местность на границе Калифорнии и Невады, в сорока милях от ближайшего населенного пункта. Спортсмены и натуралисты не жаловали это местечко, потому что там не нашлось ничего притягательного ни для одних, ни для других. Район был труднодоступным, из-за отсутствия дорог пересечь его можно было только по нескольким тропам. По всем этим причинам выбор Тунипы мог показаться вполне удачным.

Компания «Голден стейт пауэр энд лайт» выступила с идеей построить в Тунипе гигантскую электростанцию с проектной мощностью более пяти миллионов киловатт, этого хватило бы, чтобы обеспечить электроэнергией шесть таких городов, как Сан-Франциско. Предполагалось, что работать электростанция будет на угле. Доставлять его планировалось по железной дороге из штата Юта, расположенного в семистах милях. Топлива там было в огромном количестве, причем сравнительно дешевого. Строительство железнодорожной ветки до основной Западно-Тихоокеанской магистрали должно было вестись одновременно с возведением электростанции.

Уголь мог стать ответом Северной Америки на нефть, добываемую в арабских странах. Разведанные его запасы на территории Соединенных Штатов составляют одну треть от уже

известных мировых запасов угля. А это более чем достаточно для удовлетворения энергетических потребностей США в течение трех столетий. Считается, что запасов этого топлива на Аляске может хватить еще на две тысячи лет. Между тем использование угля порождает и проблемы. Во-первых, это сама его добыча. Во-вторых, применение угля в качестве топлива вызывает загрязнение воздуха, правда, современные технологии нацелены на решение обеих проблем. Так, например, в некоторых странах для бережного отношения к окружающей среде были сконструированы дымовые трубы высотой триста метров, оборудованные электростатическими фильтрами и специальными приспособлениями, с помощью которых отработанные газы очищались от окислов серы и твердых частиц, что обеспечивало снижение загрязнения воздуха до приемлемых уровней. А в Тунипе фактор загрязнения вообще не имел бы существенного значения, учитывая отсутствие вокруг населенных пунктов и зон отдыха.

Кроме того, ввод в эксплуатацию новой электростанции в Тунипе позволил бы компании закрыть несколько старых электростанций, работающих на мазуте. А это, в свою очередь, значительно снизило бы зависимость от импорта нефти и привело бы к существенной экономии средств уже в самом ближайшем будущем.

С точки зрения логики возражать против строительства электростанции в Тунипе было невозможно. Однако, как свидетельствовал опыт всех компаний, обслуживающих население, логика в таких случаях не самое главное, равно как и принципы возрастающего общественного благополучия. Здесь брала верх горстка убежденных противников идей, при этом никого не волновало, что ими руководило – сомнительные доводы или элементарное невежество. Они с беспардонной изощренностью применяли процедурные проволочки, чтобы замотать проект, подобный «Тунипе», и в итоге окончательно его угробить.

Те, кто решительно противился расширению генерирующих мощностей по производству электроэнергии, успешно реализовывали третий закон Паркинсона: отсрочка – это самая убийственная форма отказа.

– У кого-нибудь есть еще вопросы? – спросил Эрик Хэмфри.

Кое-кто из сидевших за столом уже начал убирать свои бумаги в папки, считая, что совещание близится к завершению.

– Да, есть, – проговорила Тереза ван Бэрен, подавшись вперед. – Совсем маленькое дополнение.

Все присутствующие повернулись к этой невысокой пухленькой женщине, ведавшей контактами со средствами массовой информации. Обычно растрепанные волосы Терезы ван Бэрен сегодня были более или менее прибраны, словно подчеркивая значимость происходящего события. Вместе с тем она, как обычно, была одета в один из своих мятых льняных костюмов.

– Выкрутить руки губернатору, как вы собираетесь, Эрик, это о'кей. Перетянуть кое-кого на нашу сторону в Капитолии – тоже неплохо, – проговорила Тереза. – Я – за. Но этого недостаточно. Даже совсем недостаточно для достижения того, что мы хотим. И вот почему. – Ван Бэрен сделала паузу, а затем нагнулась, достала две газеты и разложила их на столе, вокруг которого расположились участники совещания. – Вот это сегодняшний вечерний выпуск «Калифорния экзэминер», мне прислали его сигнальный экземпляр, а это – утренний выпуск «Кроникл Уэст», который вы все наверняка уже успели просмотреть. Я внимательно пролистала обе газеты – в них ни слова нет об отключении электроэнергии на прошлой неделе. Нам известно, что только в первый день эта новость преподносилась как самая главная, день спустя она воспринималась как второстепенная, после чего о ней уже вообще не вспоминали. То же самое можно сказать и о других средствах массовой информации.

– Ну и что тут особенного? – не удержался Рей Паулсен. – Появляется новая информация. А люди теряют интерес к старым новостям.

– Они теряют интерес, потому что никто не поддерживает в них этого интереса. Там, – ван Бэрен описала рукой полукруг, как бы обозначив весь необъятный мир за пределами кон-

ференц-зала, – вон там не без влияния СМИ публика воспринимает отключение электроэнергии как преходящее, мимолетное явление. И почти никого не волнуют долговременные последствия таких перебоев в подаче электроэнергии, они уже не за горами, кому-кому, а нам это доподлинно известно – резкое снижение жизненного уровня, вынужденные перестройки в промышленности, катастрофический рост безработицы. И ничто не изменит такое положение вещей, основанное на общем неведении, если мы сами ничего не предпримем, чтобы оно изменилось.

– А как можно заставить людей о чем-то задуматься? – спросила ее Шарлет Андерхилл, исполнительный вице-президент компании по финансам, вторая после Терезы ван Бэрен женщина за столом.

– Я вам объясню, – подключился к разговору Ним Голдман, стукнув карандашом по столу. – Один из таких способов – во всеуслышание говорить правду, называть вещи своими именами и ни в коем случае не отступать. В общем, не скрывать правду, сообщать о ней четко, внятно и возможно чаще.

– Иными словами, вам хотелось бы мелькать на экране телевизора не два, а четыре раза в неделю? – насмешливо заметил Рей Паулсен.

Ним никак не прореагировал на это замечание и продолжил:

– В нашей компании мы должны взять за правило постоянно провозглашать то, что известно каждому сидящему за этим столом. На прошлой неделе наша предельная нагрузка составила двадцать два миллиона киловатт, а годовая потребность вырастает на один миллион киловатт. Значит, если так пойдет дальше, уже через три года наши резервы окажутся минимальными, а через четыре их не останется вовсе. Как же тогда справиться с надвигающейся проблемой? Да никак. Ведь даже дураку ясно, чего нам ждать. Через три года каждый жаркий день будет отмечен отключениями, а через шесть лет каждый летний день придется сидеть без электричества. Нам нужно построить еще несколько новых электростанций. Мы должны разъяснить общественности, с чем мы столкнемся, если их не построим.

Воцарившееся молчание нарушила ван Бэрен.

– Мы-то все знаем: каждое только что прозвучавшее слово – истинная правда. Так почему же тогда не донести ее до всех? Тем более что на следующей неделе представится такая возможность. Во вторник Ним приглашен участвовать в телевизионной шоу-программе «Добрый вечер», у которой высокий зрительский рейтинг.

– Как жалко, что на тот вечер у меня намечены другие дела, – пробурчал Паулсен.

– Я совсем не уверена, что нам надо действовать столь прямолинейно, – заметила Шарлет Андерхилл. – Вряд ли стоит напоминать присутствующим, что нами уже подана заявка на увеличение тарифа на электроэнергию и сейчас она рассматривается. И вообще, мы остро нуждаемся в дополнительных доходах! И я не хочу, чтобы наши шансы оказались под ударом.

– Откровенность лишь улучшит наши шансы – заметила ван Бэрен.

– Во все в этом не уверена, – покачала головой вице-президент по финансам. – А еще я считаю, с заявлением, которое мы сейчас обсуждаем, должен выступать, если мы так решили, президент компании.

– Позвольте мне одну ремарку, – мягко вклинился в разговор Эрик Хэмфри. – Мне предложили выступить в шоу-программе «Добрый вечер», но я решил поручить это Ниму. Мне кажется, он весьма успешно справляется с такими поручениями.

– Ним проделает это куда успешнее, – заметила вице-президент по связям со СМИ, – если мы дадим ему карт-бланш, чтобы честно рассказать об ожидающих нас жутких аномалиях, вместо того чтобы настаивать на проведении умеренной линии, как мы это обычно делаем.

– И все же я сторонник умеренной линии. – Таково было мнение еще одного ветерана – Фрейзера Фентона, который носил титул президента, хотя основной сферой его деятельности было использование газа на предприятиях компании. Это был сухопарый, лысеющий, аскетич-

ного вида человек. – Не все мы, Тесс, разделяем ваши мрачные прогнозы на будущее. Я вот уже тридцать четыре года тружусь в компании, за это время пришлось иметь дело с разными сложными проблемами, которые возникали, а потом разрешались. Думаю, мы так или иначе решим и эту проблему с нехваткой мощностей...

– Каким же образом? – перебил его Ним Голдман.

– Позвольте мне закончить, – сказал Фентон. – И еще пару слов насчет оппозиции. В данный момент мы действительно сталкиваемся с организованным противодействием всему тому, что мы стараемся реализовать, будь то строительство новых электростанций, увеличение тарифов на электроэнергию или скромное повышение дивидендов для наших акционеров. Но я убежден, что по большей части это – сопротивление нашим планам и охота за наживой – со временем пройдет. Это ведь мода, а мода недолговечна. Постепенно причастные к этому круги выдохнутся, и как только это случится, все вернется на круги своя, когда наша компания и ей подобные действовали, как им заблагорассудится. Вот почему я считаю, что нам следует придерживаться умеренной линии, чтобы без нужды не будоражить людей и не возбуждать антагонистических настроений.

– Я разделяю эти взгляды, – заметил Стюарт Айно.

– Я тоже, – добавил Рей Паулсен.

Ним встретился взглядом с Терезой ван Бэрен и понял, что их мысли совпадают. В таком бизнесе, как предоставление платных услуг населению, Фрейзер Фентон, Айно, Паулсен и многие другие принадлежали к иному поколению, которое сделало карьеру в не столь суровые времена и теперь никак не желало признать, что те времена ушли безвозвратно. Эти люди в большинстве своем ссылались исключительно на собственный возраст и, продвигаясь по служебной лестнице, так и не узнали, что такое жесткая, а временами и смертельная конкуренция, ставшая привычным делом в других отраслях промышленности. Личное благополучие Фрейзера Фентона и иже с ним стало для них священной коровой. Им совсем не надо было отправляться на поиски какой-то чаши Грааля, поэтому своим собственным бытием они противились тому, что, на их взгляд, могло нарушить их жизненные устои.

Между прочим, такой подход не был безосновательным. Ним часто дискутировал на эту тему с некоторыми более молодыми руководителями компании. Во-первых, крупные предприятия по обслуживанию населения по своей сути были монополистами, их обходило стороной повседневное соперничество на рынке. Вот почему такого рода компании иногда напоминали государственные бюрократические структуры. Во-вторых, такие компании, как «Голден стейт пауэр энд лайт», на протяжении почти всей истории существования обладали весьма благоприятным рынком сбыта продукции, они могли диктовать потребителям свои условия, продавая продукции столько, сколько позволяли их мощности, чему способствовали богатые источники дешевой энергии. Лишь в последние годы стала ощущаться нехватка сырья, из-за чего цены на него подскочили. Тогда встал вопрос о жестких непопулярных решениях, связанных с повышением тарифов на электроэнергию. Правда, и прежде им не приходилось вступать в ожесточенные схватки с непримиримыми, умело руководимыми группами оппозиции в защиту интересов потребителей и окружающей среды.

Именно с такими глубокими переменами отказывались согласиться или по крайней мере отнестись к ним с определенной долей реализма большинство высших руководителей компании, что постоянно подчеркивали Ним Голдман и его единомышленники. (Уолтер Тэлбот, с грустью вспомнил Ним, представлял собой редкое исключение.) Что касается старожилов компании, они считали Нима и ему подобных нетерпеливыми выскочками и даже смутьянами, но поскольку в количественном отношении представители старшего поколения были в большинстве, их точка зрения обычно брала верх.

– Признаться, меня мучают сомнения, – обратился Эрик Хэмфри к собравшимся. – Я и сам не уверен, надо ли добавлять остроты в наши заявления, адресованные общественности.

Лично я против такого подхода, однако иногда начинаю понимать, чем руководствуется противная сторона. – Тут президент, слегка улынувшись, посмотрел на Нима: – Мне кажется, у вас иной взгляд на вещи. Есть что-нибудь добавить?

Ним замешкался. Потом проговорил:

– Пожалуй, разве только вот что. Когда начнутся серьезные отключения электроэнергии – я имею в виду долговременные и часто повторяющиеся неполадки, а этого не избежать через несколько лет, – нас похоронят под обвинениями, и тут уж никого не будет интересовать, что было и чего не было за минувший период времени. Пресса станет нас распинать, равно как и политики, им не привыкать к роли Понтия Пилата. А потом посыплются обвинения и со стороны общественности, и наверняка люди станут задавать вопрос: «Почему вы нас не предупредили об этом заранее?» Я согласен с Терезой – сейчас для этого самый подходящий момент.

– Думаю, надо поставить этот вопрос на голосование, – объявил Эрик Хэмфри. – Прошу голосовать поднятием руки. Пожалуйста, кто за более жесткую линию?

Таковых оказалось только трое – Тереза ван Бэрен, Ним и главный консультант компании Оскар О'Брайен.

– Кто против?

На этот раз руки подняли восемь человек. Эрик Хэмфри удовлетворенно кивнул.

– Я присоединяюсь к большинству, а это означает, что мы будем продолжать следовать линии, которую кто-то из вас назвал «умеренной».

– А вы уж, черт возьми, постарайтесь выступать в этом духе на ток-шоу по телевидению, – предостерег Нима Рей Паулсен.

Ним окинул Паулсена злобным взглядом, но промолчал.

На этом совещание закончилось, и его участники разбились на маленькие группы – по двое, по трое, чтобы обсудить свои, более узкие проблемы.

– Всем нам время от времени полезно ощутить горечь поражения, – весело заметил Эрик Хэмфри, когда они с Нимом выходили из конференц-зала. – Немного смирения порой не повредит.

Ним никак не отреагировал. Накануне сегодняшнего совещания он размышлял о том, способен ли старожил компании изменить свой закостенелый взгляд на средства массовой информации после событий на прошлой неделе. Теперь он знал ответ. Ниму тоже хотелось, чтобы его поддержал президент. Ним знал, что если бы речь шла о вопросе, по которому у Эрика Хэмфри были твердые убеждения, никакое голосование не заставило бы его от них отказаться.

– Зайдите ко мне, – сказал президент Ниму, когда они приблизились к своим кабинетам, расположенным по соседству, через холл от конференц-зала. – Хочу попросить вас подключиться к одному делу.

Хотя кабинет президента, представлявший собой анфиладу комнат, был более просторным, чем расположенные на этом этаже кабинеты других руководителей, в общем и целом он соответствовал относительно спартанскому стилю, принятому в компании «ГСП энд Л». Таким образом, у посетителей должно было складываться впечатление, что деньги акционеров и потребителей расходуются на серьезные вещи, а не на всякую ерунду.

По обыкновению, Ним направился в ту часть кабинета, которая была уставлена удобными креслами для отдыха. Направившись к своему рабочему столу, Эрик Хэмфри взял папку и подошел к Ниму.

Хотя было еще светло и из окон открывался чудесный вид на город, шторы почему-то были опущены и в помещении горел свет. Президент всегда уходил от вопросов, почему он предпочитает работать при искусственном свете. Правда, кое-кто предполагал, что, несмотря

на тридцатилетнюю разлуку с Бостоном, он продолжал тосковать по родному городу, а примириться с чем-либо было не в его правилах.

– Я полагаю, вы уже успели ознакомиться с этой информацией, – проговорил Хэмфри, указав на папку, обозначенную следующим образом: «ОТДЕЛ ОХРАНЫ СОБСТВЕННОСТИ. Предмет исследования: воровство электроэнергии».

– Да, успел.

– Положение с этим явно ухудшается. Я понимаю, что в общем-то это мелочь, если хотите, так – булавочный укол, но меня это чертовски раздражает.

– Ничего себе булавочный укол, – заметил Ним, – каждый год это влетает нам в двенадцать миллионов долларов.

Автором информации, которую они обсуждали, был заведующий отделом охраны собственности компании Гарри Лондон. Речь в ней шла о том, что воровство электроэнергии и газа поистине приняло масштабы эпидемии. Для достижения этой цели прибегали к махинациям со счетчиками – обычно этим занимались частные лица, хотя уже имелись кое-какие данные о причастности к воровству некоторых промышленных компаний.

– Двенадцать миллионов – цифра приблизительная, – проговорил Эрик Хэмфри. – Она может оказаться меньше, а может, и на порядок больше.

– Это весьма умеренная оценка, – настаивал Ним. – Такого же мнения был и Уолтер Тэлбот. Как вы помните, главный считал, что в прошлом году у нас образовался двухпроцентный разрыв между объемом произведенной электроэнергии и ее конечной реализацией – тут и продажа потребителям, и потребность самой компании, потери в сетях и так далее.

Именно главный инженер, теперь уже покойный, первым в компании забил тревогу насчет того, что часть произведенной ею электроэнергии попросту разворовывается. Кроме того, он заблаговременно подготовил обстоятельный доклад, на основе которого был создан отдел охраны собственности. Рекомендация Тэлбота была принята к сведению. Это еще одна сфера, подумал Ним, где им будет так не хватать главного инженера.

– Да, я, конечно же, помню, – сказал Хэмфри. – Это ведь огромное количество неучтенной электроэнергии.

– Но теперь ее доля в четыре раза превышает показатель двухлетней давности.

Президент выбивал пальцами дробь на подлокотнике кресла.

– Видимо, то же самое творится с газом. Нам нельзя сидеть сложа руки, спокойно наблюдая за происходящим.

– Просто нам очень долго везло, – заметил Ним. – Кража электроэнергии вызвала озабоченность на Восточном побережье и на Среднем Западе значительно раньше, чем у нас. Только в Нью-Йорке в прошлом году компания «Кон Эдисон» потеряла целых семнадцать миллионов долларов. В Чикаго филиал этой компании «Комэнгуэлс Эдисон» лишился пяти-шести миллионов, а ведь он продает электроэнергии меньше нас, причем к газу вообще не имеет отношения. То же самое происходит в Новом Орлеане, во Флориде, в Нью-Джерси.

– Все это мне известно, – нетерпеливо перебил его Хэмфри и, немного подумав, произнес: – Ладно, придется активизироваться в финансовом отношении, может быть, увеличить средства из бюджета на проведение расследования. Считайте это своим первоочередным заданием. Можете действовать от моего имени. Сообщите об этом Гарри Лондону. И не забудьте подчеркнуть, что деятельность его отдела вызывает у меня особый интерес, поэтому я надеюсь на получение конкретных результатов уже в ближайшем будущем.

Глава 7

– Кое-кто у нас живет извращенным представлением о том, что кража электроэнергии суть нечто новое, – заявил Гарри Лондон. – Так вот, это неверно. Вы, наверное, удивитесь, если я вам скажу, что первый такой случай был отмечен в Калифорнии более столетия назад.

Гарри Лондон витийствовал в стиле учителя, обращаясь к классу, который был представлен всего одним слушателем – Нимом Голдманом.

– Вообще-то меня трудно чем-нибудь удивить, но этот случай из ряда вон выходящий, – согласился Ним.

– Тогда наберись терпения и выслушай историю до конца, – одобрительно кивнув, проговорил Лондон.

Это был приземистый жилистый человек. Он отличался своеобразной манерой речи, граничившей с педантизмом, когда он задавался целью что-либо объяснить собеседнику. Сейчас представился именно такой случай. В прошлом старший сержант морской пехоты, награжденный медалью «Серебряная звезда» за храбрость в бою, а впоследствии – детектив лос-анджелесской полиции, Гарри Лондон поступил в компанию «Голден стейт пауэр энд лайт» в качестве заместителя начальника службы безопасности. Последние полгода Гарри Лондон возглавлял новый, специально созданный отдел по борьбе с хищениями электроэнергии. Именно тогда между Гарри и Нимом сложились тесные дружеские отношения. Этот разговор происходил в кабинете Лондона, который представлял собой застекленную клетушку во временно выделенных для отдела помещениях.

– Случилось это в 1867 году в Вальехо, – завел свой рассказ Лондон. – Именно там газовая компания Сан-Франциско построила новый завод, назначив его директором человека по имени М. П. Янг. А одним из отелей в Вальехо владел некий Джон Ли. Так вот, этого самого Ли взяли с поличным, когда он занимался махинациями со счетами за использование газа. А проделывал он это следующим образом: в своем отеле он установил газопроводную трубу в обход газового счетчика.

– Черт побери! И это прокручивали уже так давно?

– Подожди! Это еще далеко не все. Так вот, этот тип из газовой компании, Янг, попытался вытянуть из Джона Ли деньги в уплату за похищенный им газ. Ли был взбешен и пристрелил Янга, за что впоследствии ему было предъявлено обвинение в нападении и совершении преднамеренного убийства.

– И все это правда? – недоверчиво спросил Ним.

– Об этом написано в книгах по истории Калифорнии, – не уступал Лондон. – Полистай их, как это сделал я.

– Ну хорошо. И все же не станем углубляться в далекую историю.

– Ты читал мой меморандум?

– Да. И президент тоже. – Ним повторил выводы Эрика Хэмфри об активизации соответствующих усилий и о необходимости достижения конкретных результатов.

Лондон в ответ кивнул.

– Ты получишь результаты. Может быть, уже на этой неделе.

– Ты имеешь в виду Бруксайд?

– Именно его.

Так назывался пригородный район, расположенный примерно в двадцати милях от центра мегаполиса и отмеченный в докладе руководителя отдела охраны собственности. Именно там был зафиксирован ряд случаев хищения электроэнергии, что обусловило необходимость более тщательного расследования.

– День Икс в Бруксаиде назначен на послезавтра, – добавил Гарри Лондон.

– Он приходится на четверг. Никак не ожидал, что вы раскрутитесь так быстро.

В докладе говорилось, правда, без указания на конкретную дату, что в Бруксайте запланировано проведение «рейда». Руководство операцией предполагалось возложить на сотрудников отдела охраны собственности, включая самого Лондона, его первого заместителя Арта Ромео и еще троих помощников. В их распоряжение выделялись работники из отдела по обслуживанию потребителей компании «ГСП энд Л» – контролеры, обученные считыванию и определению показаний электросчетчиков, всего тридцать человек, и еще шестеро инженеров-эксплуатационников и два фотографа. Им вменялось в обязанность запечатлеть добытые доказательства на пленку.

Собравшись в центре города, вся эта команда на специально заказанном автобусе должна была отправиться в Бруксайд, причем в сопровождении микроавтобуса, оборудованного радиостанцией для поддержания оперативной связи. Ключевых участников операции предполагалось оснастить переносными переговорными устройствами. Ну и целый парк легковых автомобилей был подготовлен для быстрого передвижения в пределах городской черты.

За сутки до начала операции «День «Д» минус один» планировалось провести инструктаж для контролеров, которым предстояло снимать показания электросчетчиков, и инженеров-эксплуатационников по сути поставленных перед ними задач. Однако конкретные адреса избранных для проверки объектов не разглашались.

По прибытии в Бруксайд в день операции контролерам в поисках махинаций и махинаторов надо было приступить к проверке показателей счетчиков потребления электричества и газа, переходя буквально из дома в дом, из одного магазина в другой. Им предстояло также отправиться с проверкой в конкретные здания, вызвавшие подозрения в краже электроэнергии. Так, например, под особым подозрением неизменно оказывались супермаркеты, поскольку электричество было у них вторым (после расходов, связанных с оплатой наемного труда) видом эксплуатационных издержек. Надо сказать, что в прошлом многие подобные торговые предприятия неоднократно попадались на жульнических махинациях. Таким образом, всем супермаркетам Бруксайда предстояла проверка. В случае обнаружения злоупотреблений или даже намеков на них должны были подключиться инженеры-эксплуатационники при поддержке людей Гарри Лондона.

– Чем быстрее провернешь такую операцию, тем меньше вероятность утечки информации, – с ухмылкой заметил Лондон. – Когда я служил в морской пехоте, мы проделывали кое-что и покруче да к тому же куда быстрее.

– Ну ясное дело, ты ведь у нас бывалый морпех, – проговорил Ним. – А я так и остался новобранцем пехтурой. Все же мне очень хотелось бы принять участие в этой операции.

Хотя Ним прослужил в армии совсем недолго, это обстоятельство не помешало ему установить тесный контакт с Гарри Лондоном. Сразу по окончании колледжа Ним был призван в армию и отправлен в Корею. А там месяц спустя после прибытия, когда его взвод вел разведку боем, их на бреющем полете атаковали и по ошибке подвергли бомбардировке свои же американские самолеты. (Впоследствии эта ужасная ошибка на языке военных получила название «дружеский обстрел».) В результате четыре пехотинца были убиты, несколько ранены, среди них и Ним – у него от взрывной волны лопнула барабанная перепонка, а затем развился воспалительный процесс, в результате чего Ним полностью оглох на левое ухо. Вскоре его отправили домой, где без лишнего шума комиссовали по состоянию здоровья. Ну а об инциденте в Корее постарались поскорее забыть. Теперь большинство коллег и друзей Нима знали, что во время разговора с ним нужно садиться справа от него, то есть со стороны здорового уха. Но лишь немногие знали, в чем тут дело. Гарри Лондон был одним из этих немногих.

– Будь моим гостем в четверг, – сказал Лондон.

Договорившись о встрече, они обсудили затем подробности диверсионного акта на электростанции «Ла Мишен», в результате которого погибли Уолтер Тэлбот и другие сотрудники

компании. Гарри Лондон не имел непосредственного отношения к расследованию, но он был закадычным другом шефа службы безопасности компании, после работы они частенько встречались, чтобы за доверительной беседой пропустить рюмку-другую. Кроме того, после работы полицейским детективом у Лондона сохранились кое-какие связи с правоохранительными органами.

– Шериф графства занимается этим делом совместно с ФБР и нашей муниципальной полицией, – сообщил он Ниму. – Но пока все зацепки натываются на кирпичную стену. Сыщики из ФБР, которые в такого рода делах проводят основную обработку свидетельских показаний, считают, что в данном случае речь может идти о какой-то новой группировке, совсем неизвестной полиции, что весьма затрудняет расследование.

– А как насчет человека в форме Армии спасения?

– Этим вопросом тоже занимаются. Однако следует иметь в виду, что есть сотни способов добыть такую форму, и отследить большинство из них невозможно. Но вот если террористы рискнут проделать этот трюк еще раз, тогда другое дело. Тут уж их будет поджидать целая толпа народу.

– Думаешь, все может повториться?

Лондон повел плечами.

– Это же фанатики. Трудно предугадать, куда их понесет: в одних случаях они действуют блестяще, в других – откровенно глупо. Они непредсказуемы. Иногда это вопрос времени, приходится ждать, когда они снова дадут о себе знать. Если до меня дойдут какие-нибудь слухи, я непременно сообщу.

– Спасибо.

Для Нима услышанное от Лондона, в сущности, было подтверждением того, что он сказал Ардит вечером в минувшую среду. Он вспомнил, что собирался позвонить Ардит и, может быть, в ближайшее время навестить ее. После той среды Ним видел ее лишь мельком на похоронах Уолтера в субботу утром. Там было много сотрудников компании. На Нима все это действие произвело угнетающее впечатление, тем более что руководил ритуалом насквозь елейный распорядитель. С такой личностью Уолтер Тэлбот наверняка предпочел бы не иметь ничего общего.

Ним и Ардит успели перекинуться несколькими фразами, подобающими в таких скорбных обстоятельствах. Вот, собственно, и все.

Ним размышлял про себя: а может, следует выдержать некоторую паузу «приличия ради», прежде чем набрать номер телефона Ардит?

Или же сама мысль о каких-либо «приличиях» – чистейшее лицемерие, учитывая происшедшее между ними?

– До встречи в день начала операции, – сказал он Гарри Лондону.

Глава 8

День обещал быть изнурительно жарким, что уже перестало кого-либо удивлять в то бесконечно долгое сверхжаркое лето. Это не вызывало сомнения даже в девять часов утра, когда Ним прибыл в Бруксайд.

Вся ударная группа была на месте часом раньше. Координационный центр операции расположился на автомобильной стоянке в самом центре торговой части города, где один за другим выстроились полдюжины автомобилей компании характерной бело-оранжевой окраски с эмблемой «ГСП энд Л». К этому времени тридцать контролеров, в чью задачу входила проверка показаний счетчиков, уже были развезены в разные точки города. В основном это были молодые люди, в том числе и студенты колледжей, согласившиеся подработать в летние каникулы. У каждого из них имелась целая пачка карточек с адресами, по которым предстояло про-

верить счетчики и некоторые другие приборы. Карточки накануне вечером были заполнены на основе распечатки со специального компьютера. Обычно работа контролеров заключалась лишь в снятии показаний со счетчиков и передаче их в компанию. А вот сегодня им предстояло не заикливаться на цифрах, стараясь уловить признаки хищения электроэнергии.

С появлением Нима Гарри Лондон вылез из микроавтобуса с рацией. Вид у него был радостный и даже несколько возбужденный. На Гарри была рубашка военного образца с короткими рукавами и безукоризненно отглаженные брюки; ботинки были начищены до блеска. Ним тоже снял пиджак и бросил его на сиденье своего «фиата». Солнце стало припекать, из-за чего над стоянкой поднимались волны разгоряченного воздуха.

– У нас уже есть первые результаты, – сказал Лондон. – Пять случаев откровенного мошенничества, причем всего за один час. Тем временем наши парни из технической службы проверяют еще три сигнала.

– Первые пять, – поинтересовался Ним, – это в частных домах или в деловых конторах?

– Четыре в домах, а один в конторе. Последний случай – просто блеск. Этот малый ухитрился красть одновременно и газ, и электричество. Хочешь, подъедем туда?

– Разумеется.

– Я отъеду вместе с мистером Голдманом на своей машине, – сказал Гарри Лондон кому-то в микроавтобусе. – Посмотрим на месте случай номер четыре.

Когда они отъехали, он сказал Ниму:

– У меня такое ощущение, что мы имеем дело с двумя явлениями сразу. Первое – то, что мы увидим сегодня, – всего лишь вершина айсберга. Второе – в ряде случаев мы имеем дело с профессионалами, вероятно, даже с преступной организацией.

– Почему ты так думаешь?

– Разреши мне ответить на твой вопрос после того, как ты собственными глазами увидишь то, что я собираюсь тебе показать.

– О'кей.

Ним откинулся на спинку сиденья и стал разглядывать улицы Бруксайда, по которым ехала их машина.

Этот зажиточный пригород был одним из многих, что словно грибы после дождя выросли в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов. Прежде здесь находились сельскохозяйственные угодья, но потом фермерство было вынуждено уступить место жилищному строительству и обслуживающему эту отрасль бизнесу. По крайней мере внешне признаков нищеты в Бруксаиде отмечено не было. Даже маленькие, построенные, как для парада, свежеекрашенные щитовые домики с тщательно подстриженными лужайками величиной с носовой платок поражали удивительной чистотой. За этими в общем-то скромными домами на несколько квадратных миль вытянулись более солидные строения. Некоторые представляли собой настоящие виллы-дворцы с гаражами на три автомобиля и отдельными подъездными дорожками к служебным помещениям. Местные магазины, частично расположившиеся в отгороженных ухоженными деревьями пешеходных зонах, предлагали покупателям высококачественные товары, что доказывало факт процветания осевших здесь жителей. Ниму подумалось, что подозревать их в краже электроэнергии было бы вряд ли уместно.

Словно угадав его мысли, Гарри Лондон заметил:

– Не все то золото, что блестит.

Он свернул от торгового центра к бензозаправочной станции, рядом с которой располагался гаражный комплекс, включавший в себя длинную, как туннель, автомойку. Лондон остановился у будки кассира автозаправки и вылез из машины. Ним последовал за ним.

Здесь же был припаркован грузовичок ремонтной службы компании «ГСП энд Л».

– Мы вызвали одного из наших фотографов, – сказал Лондон. – А пока этот парень из ремонтной службы проследит за тем, чтобы не исчезли улики.

К ним направился мужчина в сером комбинезоне, на ходу вытирая руки ветошью. Казалось, его тело состояло сплошь из шарниров, а на лице, чем-то напоминавшем лисье, застыла озабоченность.

– Послушайте, – сказал он, – я ведь уже говорил вам, что понятия не имею ни о каком...

– Все так, сэр. Именно так вы и сказали, – прервал его Лондон и, повернувшись к Ниму, заметил: – Это мистер Джексон. Он дал нам разрешение на проверку счетчиков на его территории.

– Вот теперь мне кажется, что зря я это сделал, – пробурчал Джексон. – Впрочем, я здесь всего лишь арендатор. А здание принадлежит другой компании.

– Но здешний бизнес вы прибрали к своим рукам, поэтому счета на газ и электроэнергию приходят на ваше имя. Это так?

– По сути дела, всем этим чертовым бизнесом заправляет банк.

– Но ведь не банковские клерки вскрыли счетчики.

– Да я вам правду говорю. – Руки арендатора бензоколонки сильнее сжали тряпку. – Сам не знаю, кто это сделал.

– Все ясно, сэр. Вы не против, если мы зайдем внутрь?

Мужчина злобно оскалился, но помешать им войти не рискнул.

Лондон провел Нима в служебное помещение автозаправочной станции, а затем в прилегающее тесное помещение, служившее скорее всего подсобкой. На дальней стене был установлен щиток с переключателями, предохранителями и счетчиками для газа и электричества. При появлении посетителей молодой человек в служебной спецовке компании «ГСП энд Л» как ни в чем не бывало бросил традиционное «привет».

Гарри Лондон представил Нима, затем скомандовал:

– Расскажите мистеру Голдману, что вам здесь удалось обнаружить.

– Значит, так. Пломба на счетчике электроэнергии оказалась сорвана, а сам счетчик, как видите, установлен вверх ногами.

– Из-за чего счетчик либо крутится в обратном направлении, либо останавливается, – пояснил Лондон.

Ним кивнул, ему было прекрасно известно об этом незатейливом, но весьма эффективном способе получения бесплатной электроэнергии. Прежде всего аккуратно вскрывается пломба на счетчике. Затем счетчик, самым примитивным образом включенный в установленную сзади розетку, снимается, переставляется и снова крепится на стене. С этого момента по мере потребления электроэнергии счетчик или вращается в обратном направлении, или полностью останавливается. В первом случае цифровые показатели потребления электроэнергии убывают, а не возрастают, как должно было бы происходить по логике вещей.

Затем, как правило, за несколько дней до появления контролера из энергокомпании счетчик переставляется в нормальное положение, при этом следы нарушения пломбы тщательно маскируются.

Некоторые энергокомпании, пострадавшие от подобной кражи электроэнергии, пытались пресечь такие аферы путем внедрения более современных счетчиков, которые функционировали как положено независимо от способа установки. Применялись также особые секретные гайки, благодаря которым счетчики можно было сдвинуть с места только с помощью специальных ключей. Однако существовали и другие изощренные способы хищения электроэнергии. В эксплуатации все еще оставались миллионы устаревших типов электросчетчиков, которые невозможно было укрепить с помощью каких бы то ни было секретных гаек, а для замены их на новые потребовались бы несметные суммы денег. Таким образом, из-за количественного превосходства, а также невозможности регулярной проверки всех счетчиков в противостоянии между жуликами и энергокомпаниями первые явно брали верх.

– Ну а с газовыми счетчиками они управились просто блестяще, – сказал парень в спецовке техника-ремонтника. Он подошел поближе к счетчику и опустился на колени. – Загляните-ка вот сюда. – Ним наблюдал за тем, как ремонтник одной рукой провел по трубе, выходящей из основной трубы, а затем через несколько футов примыкавшей к счетчику. – Эта труба отходит от газовой магистрали снаружи.

– На улице, – добавил Гарри Лондон. – А присоединяется она к главному газопроводу нашей компании.

Ним понимающе кивнул.

– А вот отсюда, – ремонтник показал на тыльную сторону счетчика, – идет труба к различным точкам потребления. Они здесь пользуются газом для подогрева огромного котла с водой, для автомобильных сушилок с использованием горячего воздуха, а также для плиты и обогревателя в квартире на верхнем этаже. Каждый месяц на это уходит огромное количество газа. А теперь внимательно посмотрите вот сюда.

На этот раз он обеими руками стал ощупывать похожие на соединительные колена части двух труб, уходивших в стену. Вокруг каждой из них цемент растрескался, а кое-где попадал вниз.

– Я сделал это, – проговорил словоохотливый техник, – чтобы все можно было видеть, и теперь вы можете убедиться, что эти соединительные колена нестандартные. По конфигурации они Т-образные, причем соединяются друг с другом с помощью еще одной трубки. Ее не видно, она замурована в стене.

– Обводная трубка – старый как мир шулерский прием, – заметил Лондон. – Впрочем, надо отдать им должное. Исполнение более тщательное, чем то, что мне доводилось видеть. В результате происходит следующее: основной поток газа проходит не через счетчик, как положено, а поступает напрямую с улицы к потребляющему его оборудованию.

– При этом еще остается достаточное количество, чтобы счетчик не отключался, – пояснил техник. – Но газ поступает туда, где он встречает наименьшее сопротивление. В счетчике же таковое имеется, поэтому основная масса газа устремляется по обводной трубе – здесь никаких препятствий не возникает.

– Этот фокус больше не повторится, – решительно проговорил Лондон.

В помещение впрорхнула бойкая молодая женщина, увешанная камерами и всякими фотопричиндалами.

– Кто-нибудь здесь желает сфотографироваться? – прощebetала она.

– Ясное дело. Но для начала сфотографируйте это вот приспособление, – сказал Ним, указывая рукой в сторону газового счетчика, – сначала сфотографируем его снаружи, а потом отобьем остатки цементного раствора, чтобы можно было увидеть на снимке незаконную обводную трубу.

Все это время хозяин гаража хлопотал у них за спиной.

– Эй, ребята, стену тут ломать никому не позволено! – запротестовал он. – Здесь я хозяин.

– Хочу вам напомнить, мистер Джексон, это вы позволили нам войти сюда, чтобы осмотреть оборудование, принадлежащее нашей компании. Однако если вам угодно заняться выяснением ваших, а заодно и наших прав, я посоветовал бы обратиться к адвокату. Думаю, он вам все равно понадобится.

– Не нужен мне никакой адвокат.

– Это уж вам решать, сэр.

– Мистер Джексон, – сказал Ним, обращаясь к хозяину гаража, – неужели вам не понятно, насколько все это серьезно? Махинации со счетчиками представляют собой уголовно наказуемое деяние, а наши фотографии послужат уликой.

– О да, что там говорить, уголовного расследования тут не избежать, – включился в разговор Лондон, словно ожидавший такого поворота темы. – Хотя должен сказать, у мистера

Джексона есть две возможности сотрудничества с нами, что может быть принято во внимание как смягчающее обстоятельство.

– И что это за возможности? – Джексон окинул их взглядом, полным недоверия.

Пока шел этот разговор, девушка-фотограф непрестанно щелкала затвором, запечатлев на пленке с помощью вспышки сначала газовый, а потом и электросчетчик. Парень из службы эксплуатации стал отбивать остатки цементного раствора, в результате чего еще больше обнажилась замурованная в стену труба.

– Перво-наперво, – обратился Лондон к Джексону, – вам придется оплатить то, что вы задолжали компании, – другими словами, то, что вы у нас украли. С тех пор как я побывал здесь впервые, я постоянно поддерживаю связь с нашим отделом учета. Так вот, сравнив ваши последние счета с прежними расходами на газ и электроэнергию, был сделан вывод, что вы задолжали нам пять тысяч долларов. В эту сумму включена и стоимость работы, которую мы вынуждены были проделать сегодня.

Владелец гаража побледнел, его рот исказила нервная гримаса.

– Боже праведный! Так много? Да быть этого не может. У меня все это поставили... – Тут он осекся.

– Когда же именно? – вцепился в него Ним. – Как давно начались эти махинации со счетчиками?

– Если мистер Джексон сообщит нам это, – вступил в разговор Лондон, – может быть, он еще расскажет, кто именно скручивал показания счетчиков. Это также будет расцениваться нами как готовность к сотрудничеству с его стороны.

– Одно я вам скажу с уверенностью, – обернувшись через плечо, заметил техник, – тот, кто все это придумал, явно не дилетант.

Лондон перемигнулся с Нимом.

– Помните, о чем я вам говорил? Во многом из того, что мы видим здесь, чувствуется рука профессионала.

– Ну так что, сэр? – обратился Лондон к Джексону. – Нет желания поведать нам, кто все это проделал?

Хозяин гаража ощерился, но так ничего и не ответил.

– По окончании проверки, мистер Джексон, – проговорил Лондон, – мы отключим вам газ и электричество. И не подключим до тех пор, пока вы не погасите задолженность.

– Тогда как же, черт возьми, мне заниматься своим бизнесом? – пролепетал Джексон.

– Раньше надо было думать, – парировал Лондон. – Что станет с нашим бизнесом, коль скоро каждый клиент окажется жуликом вроде вас? Ну как, рассмотрелись или еще хотите?

– Более чем достаточно, – ответил Ним. – Поехали.

Когда они оказались на улице, Лондон сказал:

– Ставлю десять против одного, этот тип по уши в долгах. Кроме того, я очень сомневаюсь, что он раскроет имя того, кто все это подстроил.

Когда они сели в машину, Ним полюбопытствовал:

– А нашей доказательной базы достаточно для возбуждения дела?

Бывший полицейский лишь покачал головой.

– Мне бы очень хотелось попробовать, причем не исключено, что вся эта история завершилась бы приговором. Однако, вероятнее всего, суд станет настаивать, чтобы мы представили доказательства, что Джексон сам скручивал показания счетчика или по крайней мере знал об этих махинациях. А это не в наших силах.

– Иными словами, тут нам ничего не светит.

– Возможно, так и есть, но не совсем. Поползут слухи, наверное, уже поползли, а это испугнет много других потенциальных Джексон. К тому же следует помнить, что сегодня мы

широко раскинули нашу сеть. Еще до захода солнца в нее попадется немало других мошенников.

И не только в Бруксайте, сердито подумал Ним. Ведь компания «ГСП энд Л» снабжает электроэнергией такую огромную территорию, по сравнению с которой Бруксайд всего лишь капля в море.

Несколько минут спустя они снова были у центра связи, разместившегося на автомобильной стоянке рядом с торговым центром.

Как и предсказывал Гарри Лондон, в результате проведенной в Бруксайте акции попались многие мошенники с электросчетчиками. К полудню таких случаев насчитывалось уже более сорока. Часть из них были полностью доказаны, а остальные давали повод заподозрить инициаторов в махинациях. Имелись основания предполагать, что в течение второй половины дня «добыча» окажется по меньшей мере такой же. Попались несколько местных супермаркетов – проверка подвергалась вся сеть крупных магазинов. Противозаконные приспособления были обнаружены в пяти из восьми подвергшихся проверке.

Ним все время оставался рядом с Гарри Лондоном, он пристально наблюдал за происходящим, стараясь лично побывать в тех местах, где мошенники проявляли чудеса изобретательности.

Ближе к обеду они подъехали к одному из аккуратненьких передвижных домиков, который Ним приметил еще раньше. Вблизи были припаркованы два автомобиля с эмблемой «ГСП энд Л». Рядом с боковым входом он заметил одного из людей Лондона из отдела по охране собственности – рабочего-эксплуатационника и все ту же девушку-фотографа, хлопотавших вокруг электросчетчика, установленного снаружи рядом с боковой дверью.

– Дома никого нет, – пояснил Лондон, – но мы навели справки о живущем здесь парне. Похоже на то, что по специальности он слесарь-инструментальщик. Ты только посмотри.

Когда остальные расступились, Лондон показал на крохотное отверстие, высверленное в стеклянном окошке счетчика. В него был просунут короткий кусок жесткого провода. Его конец упирался в центральный металлический диск, который в нормальном состоянии вращается, фиксируя потребление электроэнергии.

– Так вот, проволока, которой здесь быть не должно, не дает диску вращаться, – сказал Лондон. – В результате счетчик не выполняет свое предназначение, хотя ток при этом поступает беспрепятственно.

Ним с пониманием кивнул:

– Ясное дело. Но остановка диска не вызывает поломки счетчика. Стоит выдернуть проволоку, и все начнет функционировать как положено.

– Только вот эта крохотная дырочка останется.

– Но если особенно не всматриваться, ее и не заметишь, – вступил в разговор стоявший сзади техник-эксплуатационник. – По-моему, этот парень, высверливая отверстие, применял ювелирный бур, поэтому стекло и не треснуло. Черт какой, ну все продумал.

– Но когда он получит очередной счет за электроэнергию, ему будет не до хитростей, – проговорил Лондон. – Кроме того, сегодня ночью мы организуем наблюдение за этим домом. Соседи наверняка расскажут ему о том, что мы здесь побывали. Он, конечно же, станет нервничать и постарается вытащить проволоку. Если ему удастся это сделать, а мы его при этом застукаем, то можно будет рассчитывать на открытие уголовного дела в отношении этого типа.

Когда они уходили, девушка-фотограф снимала крупным планом инкриминируемые улики – дырочку и проволоку.

Между тем в центр связи продолжали поступать сведения о других случаях подобных нарушений. Один еще более изощренный мошенник добрался до самой сердцевины электросчетчика и, судя по всему, спилил несколько зубцов с шестеренки, вращавшей диск счетчика. В

результате вращение диска замедлилось, и он фиксировал примерно половину общего количества потребленной энергии. Бруксайдский отдел учета потребления электроэнергии, проверив соответствующую документацию, пришел к выводу, что оставшиеся незамеченными хищения продолжались целых три года.

В другом случае потребитель с удивительной ловкостью подменил один счетчик на другой. Каким-то образом ему удалось заполучить дополнительный электросчетчик (Гарри Лондон подозревал, что он оказался краденым) и установил его вместо стандартного, предоставляемого компанией «ГСП энд Л». Очевидно, этот потребитель подключал свой «личный» счетчик на период начисления расходов, в течение которого любая трата электроэнергии считалась «бесплатной».

Хотя существовало мнение, что манипуляции с газовыми счетчиками – дело более сложное, чем с электрическими, тщеславным махинаторам и это было нипочем. Лондон прокомментировал это следующим образом:

– Чтобы отсоединить газовый счетчик, особых слесарных навыков не требуется. Их может с легкостью освоить любой самоучка.

Один такой «мастер умелые руки», как установил в ходе очередной проверки контролер компании, вообще снял свой газовый счетчик, заменив его резиновым шлангом. Это был опасный, но достаточно эффективный способ. Есть основание полагать, что на какой-то период в течение каждого месяца газовый счетчик отключался, а в заранее известные дни накануне появления контролера для снятия показания счетчика снова устанавливался на прежнее место.

Другой мошенник – бизнесмен, владевший целым комплексом магазинов, которые он сдавал в аренду другим подрядчикам, действовал таким же образом с той лишь разницей, что его счетчик был повернут «лицом» к стене, вследствие чего диск вращался в обратную сторону. Именно здесь в день проверки измерительных приборов произошел единственный инцидент с применением физической силы. Бизнесмен, когда выяснилось, что он попался на мошенничестве, пришел в ярость и набросился на контролера компании, жестоко избив его разводным ключом.

В результате контролер попал в больницу с переломами руки и носа, а бизнесмен оказался в тюрьме, где ему было предъявлено обвинение в нанесении телесных повреждений и других правонарушениях.

Во всех этих многочисленных случаях Нима озадачивал один момент.

– Я думал, – поделился он своими раздумьями с Гарри Лондоном, – что наши компании по учету энергопотребления запрограммированы таким образом, чтобы мгновенно сигнализировать о резких перепадах в потреблении электричества или газа нашими клиентами.

– Так оно и происходит, – ответил Лондон. – Только беда в том, что люди освоились с компьютерами и даже научились их обманывать. Впрочем, это не так уж сложно. Если вас не смущает хищение электроэнергии и вы соображаете, как постепенно снизить содержащиеся в счетах суммы – на самую малость в первый месяц и на чуть больше в каждый последующий, не замахиваясь сразу на многое, то компьютер никогда не поймает вас на этих «шалостях».

– Что ни говори, складывается впечатление, что дела наши плохи.

– Вероятно, сейчас так оно и есть. Но со временем все изменится.

Ним этой уверенности не разделял.

Пожалуй, самый странный случай произошел во второй половине дня, когда Лондону позвонили в центр связи и попросили выехать на место происшествия всего в миле или чуть больше от штаба операции.

Дом, куда они приехали, поражал своими размерами и современной архитектурой. Ухоженный сад рассекала вытянутая подъездная дорожка, на которой стоял блестящий «мерседес». Вездесущие бело-оранжевые автомобили компании «ГСП энд Л» вереницей припарковались на дороге перед оградой.

Все тот же парень-эксплуатационник, помогавший им утром во время инспекции бензозаправочной станции и гаражного комплекса, подошел к машине Лондона, как только она остановилась.

– У нас тут проблемы, – с ходу проговорил он. – Требуется ваша помощь.

– Что еще случилось?

Ответил один из сотрудников отдела охраны собственности, который тоже подошел к ним.

– Там внутри женщина, угрожает, что спустит на нас собаку. А это здоровенная немецкая овчарка. Хозяйка утверждает, что муж у нее врач, большая шишка здесь, в округе. Говорит, что, если причинят им неприятности, компании придется несладко.

– Как вас сюда занесло?

– Один из наших контролеров, головастый парень, в колледже учится. Так вот, он сообщил, что заметил подозрительный провод. И он оказался прав. Я стал разглядывать счетчик с тыльной стороны, задняя перегородка у него оказалась свинченной, а оба конца провода соединены напрямую. Я проследил, куда тянется провод. Оказалось, он подключен к выключателю в гараже. Вокруг никого не было, а дверь была открыта. И тут-то появилась эта женщина с собакой.

Ним был озадачен.

– Объясните все мистеру Голдману, – распорядился Лондон.

– У счетчиков некоторых типов на задней стенке есть зажим напряжения, – сказал контролер. – Если его отсоединить, то цепь размыкается и счетчик перестает работать. Но стоит на месте зажима перекинуть временный контакт, счетчик можно будет включать и выключать, как вам заблагорассудится.

– Что и было здесь проделано?

– Точно так.

– Вы в этом абсолютно уверены? – хотел удостовериться Ним.

– Готов поклясться.

– Я тоже это видел, – поддержал контролера сотрудник из отдела по охране собственности. – Никаких сомнений быть не может. – Он заглянул в записную книжку и добавил: – Имя этого абонента – Эджкомб.

– О'кей, – сказал Лондон. – Черт с ней, с этой собакой! Вызывайте фотографа, и постараемся собрать побольше доказательств.

Они подождали, пока контролер возился с рацией в своем грузовичке, затем небольшой процессией во главе с Гарри Лондоном направились по дорожке к дому. Когда они приблизились к нему, в дверях появилась высокая симпатичная женщина лет сорока, одетая в синие брюки и в гармонирующую с ними шелковую блузку. Ее длинные темно-каштановые волосы были перехвачены на затылке шарфом. Рядом с ней рычала немецкая овчарка, которую дама с трудом удерживала на поводке.

– Будем считать, что я вас предупредила, джентльмены, – холодно объявила хозяйка. – Если вы и дальше собираетесь здесь болтаться, я спущу на вас собаку и за последствия не отвечаю. А теперь прошу вас покинуть участок!

– Мадам, – решительно ответил ей Лондон, – я советую вам крепче держать поводок в руках. Я являюсь сотрудником службы безопасности компании «Голден стейт пауэр энд лайт». – Он достал свою служебную бляху. – А это мистер Голдман, вице-президент компании.

– Да что мне ваши вице-президенты, – резко ответила женщина. – Мой муж хорошо знаком с президентом вашей компании.

– В таком случае, – подключился к разговору Ним, – я уверен, он должным образом оценит то, что сегодня здесь каждый выполняет свою работу. Простите, вы миссис Эджкомб?

– Да, – надменно ответила она.

– Из нашего отдела эксплуатации мне сообщили, что на вашем электросчетчике установлено противозаконное устройство.

– Даже если это так, нам ничего об этом не известно. Мой муж – известный хирург-ортопед, как раз сегодня он оперирует, иначе бы я позвонила ему, чтобы он лично разобрался со всеми этими выдумками.

При всей этой бравате Ниму показалось, что женщина не так уж была уверена в себе – в ее глазах и голосе промелькнула легкая обеспокоенность. Лондон тоже отметил это обстоятельство.

– Миссис Эджкомб, – сказал он, – нам хотелось бы сфотографировать ваш электросчетчик и торчащие из него провода: между прочим, они тянутся к переключателю в вашем гараже. Мы будем вам признательны, если вы разрешите нам это сделать.

– А если не разрешу?

– В таком случае нам придется добиваться распоряжения суда. Но должен вас предупредить, что вся эта история станет достоянием гласности.

Женщина стушевалась. «Неужели до нее не дошло, что Гарри Лондон откровенно блефует?» – подумал Ним. Еще до получения решения суда все улики могут просто исчезнуть. Однако предупреждение Лондона сыграло свою роль.

– Это совсем не обязательно, – согласилась она. – Ладно, поступайте, как считаете нужным, но только не затягивайте.

– И еще одна деталь, мадам, – сказал Лондон. – После того как мы закончим проверку, электричество у вас будет отключено до тех пор, пока вы не погасите задолженность согласно расчетам нашего отдела учета.

– Ну уж это просто смешно! Моему мужу будет что сказать на этот счет. – Миссис Эджкомб отвернулась, пристегивая собачий поводок к стальному кольцу на стене.

– И почему они так поступают – люди, подобные вот этим Эджкомбам? – тихо проговорил Ним, адресуя этот вопрос и самому себе, и Гарри Лондону. Они сидели в машине Лондона, снова направляясь к торговому центру, где Ним собирался пересесть в свой автомобиль, чтобы вернуться в деловую часть города. Он решил, что насмотрелся более чем достаточно, как воруют электроэнергию в Бруксайте, и наконец-то впервые получил полное представление об истинных масштабах этого трудноискоренимого бедствия.

– Причин тому множество, – ответил Лондон. – Причем не только там, где мы с вами побывали, но и в других местах. Во-первых, это человеческая трепливость. Они любят похвастаться, какие они умные. Мол, сумели облапошить такую гигантскую компанию, как «Голденстейт пауэр энд лайт». И пока одни треплют языком, другие их слушают, после чего и сами начинают вытворять бог знает что.

– Вы считаете, что это объясняет истинные причины эпидемии клептомании, примеры которой мы видели сегодня?

– Во всяком случае, некоторые из них.

– А как насчет остальных?

– Тут причастны и отдельные профессиональные мошенники, вот их я и хотел бы взять за шиворот в первую очередь.

– Они рекламируют за деньги свои услуги, внушая людям, что переделанный счетчик – это выгодно. И люди клюют на это.

– Но подобные аргументы не вяжутся с последним случаем, – скептически проговорил Ним. – Богатый врач, хирург-ортопед, одна из наиболее высокооплачиваемых профессий. Ты видел его супругу, дом. И все же почему именно они?

– Я открою тебе секрет, я ведь работал полицейским, – сказал Лондон. – Не судите по внешнему впечатлению. Множество людей, обладающих большими доходами и роскошными

виллами, не вылезают из долгов, бьются как рыба об лед, чтобы остаться на плаву, экономят на каждом долларе, где только могут, и при этом не слишком-то разборчивы в выборе средств. Готов заключить пари, что все сказанное относится и ко всему району Бруксайд. А теперь посмотрите на эту проблему с другой стороны. До недавних пор счета за пользование коммунальными услугами оставались более чем скромными. Теперь же суммы на них весьма значительные и все более возрастают. Поэтому те, кто раньше не помышлял о мошенничестве, так как оно не имело смысла, теперь смотрят на вещи по-другому. Ставки в игре повысились, и они готовы идти на риск.

Кивнув в знак согласия, Ним добавил:

– К тому же большинство компаний по обслуживанию населения стали столь огромными и обезличенными, что люди воспринимают хищение энергии совсем не так, как иные проявления kleптомании. Этот вид воровства уже не вызывает в их сознании такого бурного протеста, как при совершении кражи со взломом или вырывании сумочек у прохожих.

– Я долго об этом размышлял и считаю, что за этим скрывается еще нечто большее. – В ожидании зеленого сигнала светофора Лондон остановил машину на перекрестке. Когда они тронулись, он продолжил свои размышления: – Мне кажется, большинство людей считает, что вся наша система в той или иной мере прогнила из-за продажности политиков. Так с какой стати простым людям постоянно изводить себя стремлением к честности? О'кей, говорят они, одну компашку выгнали взащей после Уотергейта. Ну а что же пришедшие им на смену? Придя к власти, некогда самые заклятые праведники взялись за старые преступные деяния – тут и политический подкуп, и кое-что покруче.

– Да, очень даже грустное наблюдение.

– Так оно и есть, – подтвердил Лондон. – Но оно объясняет многое из того, что происходит вокруг нас. Причем не только то, что мы увидели сегодня. Я имею в виду резкий всплеск преступности начиная с масштабных правонарушений и кончая мелкими махинациями со счетчиками. И еще я вам вот что скажу: бывают дни – и сегодня выпал именно такой день, – когда мне страшно хочется вернуться в морскую пехоту, где все казалось проще и яснее.

– Может, так было раньше, но теперь уже все по-другому.

– Вероятно, – со вздохом проговорил Лондон.

– Вы и ваши люди хорошо сработали сегодня, – сказал Ним.

– У нас как на войне. – Гарри Лондон отбросил серьезный тон и улыбнулся. – Передайте вашему боссу – главнокомандующему: сегодняшнюю стычку мы выиграли и принесем ему еще не одну победу.

Глава 9

– Надеюсь, у тебя от комплиментов не пойдет кругом голова, – сказала Руфь Голдман Ниму, когда они сидели друг против друга за завтраком, – но должна заметить, что ты отлично смотрелся вчера вечером по телевизору. Еще кофе?

– Да, пожалуйста. – Ним протянул ей чашку. – И спасибо.

Руфь подняла кофейник и наполнила его чашку; как всегда, ее движения поражали легкостью и грациозной естественностью. На ней был изумрудно-зеленый халат, выгодно оттенявший аккуратно расчесанные черные волосы. Когда она наклонялась, рельефно вырисовывались ее небольшие плотные груди. Еще до женитьбы Ним в шутку прозвал их «два раза по полпинты – класс «экстра»». У нее на лице был едва заметный слой косметики, причем именно столько, чтобы подчеркнуть воспринятый от природы румянец. Как бы рано Руфи ни приходилось вставать, она неизменно выглядела безупречно свежей. За свою жизнь Ним наблюдал дезабилье многих женщин после совместно проведенной ночи, поэтому он считал, что ему есть за что благодарить судьбу.

Была среда. Прошла почти неделя после рейда в Бруксайде. Из-за накопившейся страшной усталости вследствие многочасовой работы на протяжении нескольких недель да к тому же вконец измотанный вчерашними записями в невыносимо душной от осветительной аппаратуры телестудии, Ним, по его понятиям, проспал долго – до половины девятого утра. Леа и Бенджи отправились в школу еще до того, как он спустился в столовую. (Сегодня у детей была оздоровительная программа, рассчитанная на целый день.) И вот теперь у него получился неторопливый завтрак с Руфью, что случалось достаточно редко. Ним успел позвонить в компанию и предупредить, что будет на работе только ближе к полудню.

– Леа допоздна не ложилась спать, чтобы увидеть телевизионное шоу «Добрый вечер», – сказала Руфь. – Бенджи тоже хотел тебя увидеть по телевизору, но не дождался и заснул. Детям еще несвойственно так откровенно высказываться, но оба они, можешь быть уверен, очень даже гордятся тобой. По правде говоря, они прямо-таки боготворят тебя. О чем бы ты там ни говорил, для них это все равно что слово Господне.

– Великолепный кофе, – заметил Ним. – Это что, новый сорт?

– Просто сегодня ты пьешь его без всякой спешки, – покачала головой Руфь. – Ты слышал, что я тебе сказала о Леа и Бенджи?

– Да. Я как раз об этом думал. Я тоже горжусь нашими детьми. Неужели сегодня меня ждут сплошные комплименты? – добродушно улыбнулся Ним.

– Если ты подумал, что я от тебя что-нибудь хочу, – это не так. Просто мне хочется, чтобы такие завтраки у нас с тобой бывали почаще.

– Я постараюсь, – сказал он, прикинув, почему сегодня Руфь отличается особой любезностью. Не потому ли, что, как и он сам, она чувствует, что возникшая между ними неприязнь еще более обострилась, и это отчуждение, изначально порожденное его собственным безразличием, в самое последнее время углубилось из-за совсем уж непонятных личных увлечений Руфи, о сути которых оставалось только гадать. Ним попробовал вспомнить, но безуспешно, когда они были близки в последний раз. «Чем можно объяснить, – размышлял он, – что мужчина утрачивает сексуальное влечение к собственной привлекательной жене, одновременно проявляя интерес к другим женщинам? Вероятно, – решил он, – все дело тут в привычке, естественной тяге к новым ощущениям и завоеваниям. И все же, – с сознанием собственной вины подумал он, – надо что-то делать, чтобы наладить секс с Руфью. Может быть, даже сегодня ночью».

– Во время вчерашнего телешоу ты несколько раз выглядел злобным, прямо готовым взорваться, – сказала Руфь.

– Все же я сумел взять себя в руки. Вовремя вспомнил об этих дурацких правилах. – Ним не считал нужным объяснять Руфи решение комитета управляющих, утвердившего умеренную линию. Но он рассказал ей об этом в тот же день, когда это решение было принято, и она восприняла его с пониманием.

– Бердсонг старался поддеть тебя, не так ли?

– Сукин он сын, вот и все. – При воспоминании об этом Ним нахмурился. – Но у него ничего не вышло.

Дейви Бердсонг, возглавлявший группу активистов движения потребителей под названием «Энергия и свет для народа», тоже был на этом ток-шоу. Он позволил себе несколько желчных высказываний о компании «ГСП энд Л», приписывая всем ее действиям самые низменные мотивы. В том же духе он оценил и личные взгляды Нима. Он также выступил с нападениями на предложение «ГСП энд Л» о повышении тарифов на электроэнергию – принятие соответствующего решения ожидалось в ближайшее время. Несмотря на все эти провокационные наскоки, Ним сохранил самообладание, не позволив себе выйти за рамки директив, полученных от руководства компании.

– В сегодняшнем номере «Кроникл» говорится, что группа Бердсонга, как и клуб «Секвойя», будут выступать против плана строительства электростанции в Тунипе.

– Ну-ка покажи!

Она протянула ему газету:

– Это на седьмой странице.

То был еще один штрих к портрету Руфи. Каким-то образом ей удавалось хоть на самую малость обогнать многих других по части информированности. Даже сейчас, пока готовила завтрак, она успела просмотреть свежий выпуск «Кроникл Уэст».

Пролистав газету, Ним нашел нужную ему заметку. Сообщение было кратким, но ничего нового по сравнению с тем, что уже успела пересказать Руфь, оно не содержало. Тем не менее эта информация подтолкнула мысль, которую ему, не теряя времени, хотелось реализовать за письменным столом. Ним быстро допил кофе и поднялся.

– Тебя ждать сегодня к ужину?

– Постараюсь не опаздывать.

Милая улыбка Руфи напомнила ему, как часто он произносил эти же слова, а потом по самым разным причинам не появлялся дома допоздна. Вопреки здравому смыслу, как и в тот вечер, когда он возвращался от Ардит, ему страшно хотелось, чтобы у Руфи однажды лопнуло терпение.

– Почему ты никогда не устроишь мне скандал? Неужели тебя все это не бесит? – поинтересовался Ним.

– Разве от этого что-нибудь изменится?

В ответ он только пожал плечами, не понимая, как реагировать на ее ответ и что сказать самому.

– Да, вот еще что – вчера звонила мать. Они с отцом приглашают нас вместе с Леа и Бенджи на обед в пятницу через неделю.

Ним внутренне съезжился. Находиться в доме Нойбергеров, родителей Руфи, все равно что оказаться в синагоге. Они всевозможными способами ежеминутно доказывали свою приверженность иудейской традиции. За обеденным столом непременно подчеркивалось, что пища абсолютно кошерная. Затем следовали бесконечные напоминания о том, что в доме Нойбергеров молочные и мясные блюда готовятся отдельно в специально предназначенной посуде с использованием разных приборов. Перед принятием пищи в обязательном порядке произносилась молитва в честь хлеба и вина, а еще исполнялся торжественный ритуал, связанный с умыванием рук. Завершение трапезы Нойбергеры отмечали молитвой согласно восточноевропейской традиции, которую именуют не иначе, как «коленипреклонение». Если на стол подавалось мясо, Леа и Бенджи не разрешалось запивать его молоком, что они с удовольствием проделывали дома. Потом наступал черед весьма категоричных наставлений и вопросов – например, почему Ним и Руфь не соблюдают субботу и другие святые дни; красочные описания обряда бар-мицва, на котором присутствовали Нойбергеры, сводились к пожеланию, чтобы Бенджи посещал еврейскую школу и по достижении тринадцати лет исполнил этот обряд. По возвращении домой дети заваливали Нима вопросами – они ведь были именно в том возрасте, когда естественное любопытство брало верх. А Ним из-за мучивших его внутренних противоречий просто не знал, что им ответить.

В таких ситуациях Руфь неизменно хранила молчание, что давало Ниму основание задуматься, уж не сговорила ли она против него с собственными родителями. Пятнадцать лет назад, когда Руфь и Ним только поженились, она четко выразилась на тот счет, что соблюдение иудейских обрядов не имеет для нее какого-либо значения. Это была очевидная реакция на ортодоксальные взгляды, царившие в ее доме. Может быть, с тех пор ее убеждения изменились? Может быть, в душе Руфь была обыкновенной еврейской матерью, желавшей, чтобы ее дети, Леа и Бенджи, жили в согласии с верой ее родителей? Он вспомнил сказанное ею всего

несколько минут назад по поводу отношения детей к отцу: «По правде говоря, они прямо-таки боготворят тебя. О чем бы ты там ни говорил, для них это все равно что слово Господне». А может быть, в этих словах завуалированное напоминание о его собственной ответственности как еврея, чтобы надоумить его пересмотреть свой взгляд на религию? И все же Ним никогда не заблуждался в оценке внешней красоты Руфи, за которой, как он понимал, скрывается свойственный далеко не каждому сильный характер.

Несмотря на всю неприязнь к дому Нойбергеров, Ним отдавал себе отчет, что не может без всяких на то оснований отвергнуть приглашение родителей Руфи. К тому же такие приглашения случались не часто. А Руфь редко обращалась к нему с какой-либо просьбой.

– О'кей, – сказал Ним. – На следующей неделе особых дел не предвидится. Когда приеду на работу, выясню насчет пятницы и сразу тебе позвоню.

Руфь на мгновение задумалась, потом сказала:

– Не стоит беспокоиться. Скажешь мне сегодня вечером.

– Почему?

Опять возникло замешательство.

– Я уеду сразу после тебя. Меня не будет весь день.

– Что происходит? Куда это ты собралась?

– Да так, надо кое-где побывать. – Она рассмеялась. – Ты разве предупреждаешь меня, куда едешь?

Ах, вот он что! Опять сплошные тайны. Ним ощутил приступ ревности, но разум взял верх. Руфь права. Она всего лишь напомнила ему, что существует многое, о чем он *ей* не рассказывал.

– Всего тебе хорошего, – сказал он. – До вечера.

Уже в холле он обнял ее, и они поцеловались. Губы у нее были мягкими и нежными. Он ощутил ее податливое тело под халатом. «Какой же я все-таки идиот», – подумал Ним. Решено, сегодня ночью он займется с ней любовью.

Глава 10

Несмотря на поспешность, с которой Ним выехал из дома, он неторопливо приближался к деловой части города по тихим улочкам, оставляя в стороне скоростные автотрассы. Уже сидя за рулем автомобиля, он хотел обдумать ситуацию с клубом «Секвойя», о котором было упомянуто в утреннем выпуске газеты «Кроникл Уэст».

Хотя эта организация нередко выступала с критикой деятельности «ГСП энд Л», и порой безуспешно, Ним был одним из ее страстных поклонников. Все объяснялось очень просто. Сама жизнь свидетельствовала о том, что когда такие гигантские промышленные компании, как «Голден стейт пауэр энд лайт», были предоставлены самим себе, они не уделяли внимания вопросам охраны окружающей среды или же делали в этом отношении крайне мало. Поэтому здесь требовалась ответственная сдерживающая сила, каковой и являлся клуб «Секвойя».

Эта организация со штаб-квартирой в Калифорнии снискала широчайшую известность в стране своими продуманными и заинтересованными действиями в борьбе за сохранение того, что осталось от первозданных природных красот американского континента. Почти всегда инициативы «Секвойи» были этически выверены, а аргументация представлялась юридически оправданной и убедительной. Разумеется, у клуба были свои оппоненты, но даже они не могли отказать ему в уважении. Одна из причин заключалась в том, что на протяжении восьмидесяти лет существования клуба им руководили выдающиеся личности. Это была уже традиция, которую продолжала нынешний председатель Лаура Бо Кармайкл, в прошлом ученый-атомщик. Госпожа Кармайкл была женщиной одаренной, пользовалась международной известностью и, помимо всего прочего, с Нимом ее связывали дружеские отношения.

О ней-то сейчас и размышлял Ним.

Ним решил обратиться непосредственно к Лауре Бо Кармайл, чтобы разъяснить ей все детали, связанные с проектом строительства электростанции в Тунипе и еще двух объектов. Если ему удастся доказать крайнюю необходимость строительства этих объектов, клуб «Секвойя», вероятно, не станет возражать против намеченных объектов или по крайней мере смягчит свою непримиримую позицию. Надо побыстрее договориться с ней о встрече. Желательно бы даже сегодня.

Ним управлял автомобилем почти автоматически, едва обращая внимание на названия улиц. И, только попав в пробку, понял, что оказался на пересечении улиц Лейквуд и Бальбоа. Это о чем-то ему напомнило. Только вот о чем?

И вдруг он вспомнил. Две недели назад, когда произошел взрыв и прекратилась подача электроэнергии, главный диспетчер показывал ему карту, на которой были обозначены дома, с установленной в них аппаратурой жизнеобеспечения. Раскрашенными кружочками были отмечены аппараты «искусственная почка», кислородные палатки, «искусственные легкие» и прочие подобные приспособления. Красный кружок на пересечении улиц Лейквуд и Бальбоа означал, что здесь проживает человек, жизнь которого зависит от искусственного легкого или какого-то другого аналогичного приспособления для поддержания дыхания. Оборудование было установлено в многоквартирном доме. Каким-то образом этот факт запечатлелся в памяти Нима; он даже запомнил фамилию этого человека – Слоун. Ним вспомнил, как, глядя на маленький красный кружок, ему захотелось взглянуть на этого самого Слоуна.

На перекрестке стоял только один жилой дом – восьмиэтажное белое оштукатуренное здание, скромное в архитектурном отношении, однако ухоженное внешне. Ним на своей машине оказался рядом с этим домом. В небольшом стояночном кармане перед домом два места оказались свободными. Ним импульсивно свернул на стоянку, вкатил «фиат» на одно из свободных мест и, выйдя из машины, направился к подъезду.

Над вытянувшимися рядом почтовыми ящиками возвышался список их хозяев, среди которых был и «К. Слоун». Ним нажал на кнопку рядом с этой фамилией. Через несколько мгновений открылась входная дверь. Перед Нимом предстал седовласый старичок в каких-то бесформенных брюках и ветровке. Разглядывая Нима сквозь толстые стекла очков, он напоминал одряхлевшую белку.

– Вы позвонили Слоуну?

– Да.

– Я привратник. У меня внизу тоже звонок.

– Я могу видеть мистера Слоуна?

– Такого здесь нет.

– Ах так. – Ним указал на почтовый ящик. – Значит, это миссис или мисс?

Он и сам не знал, почему принял Слоуна за мужчину.

– Мисс Слоун. Карен. А вы кто?

– Голдман. – Ним показал свое удостоверение «ГСП энд Л». – Правда ли, что мисс Слоун инвалид?

– Скорее всего так и есть. Только она не любит, когда ее так называют.

– В таком случае кем мне ее считать?

– Нетрудоспособной. Она тетраплегик. Вам известно, в чем разница между тетраплегиками и параплегиками?

– Кажется, да. Параплегик парализован ниже пояса, а у тетраплегики полностью все конечности.

– Да, так и у нашей Карен, – сказал старичок. – У нее это с пятнадцати лет. Хотите к ней зайти?

– Может быть, это неудобно?

– Сейчас выясним. – Привратник распахнул дверь. – Заходите.

Маленькая прихожая отвечала внешнему облику здания: такая же незатейливая и чистая. Старичок подвел Нима к лифту, жестом предложил ему войти и последовал за ним. Пока лифт поднимался вверх, привратник заметил:

– Здесь, конечно, не «Ритц», но мы стараемся поддерживать порядок.

– Это видно.

Латунная табличка лифта осветилась, и раздался мягкий звук торможения.

Они вышли на шестом этаже. Привратник прошел вперед и остановился перед дверью, выбирая ключ из большой связки. Открыв дверь, он постучал и потом крикнул:

– Это Джимми. Привел тут посетителя к Карен.

– Заходите, – раздался женский голос, и перед Нимом предстала невысокая крепкая негритянка с ярко выраженными латиноамериканскими чертами лица. На ней был розового цвета нейлоновый халат, из-за чего она походила на медсестру.

– Вы хотите что-нибудь продать? – Вопрос прозвучал доброжелательно, без малейшего намека на враждебность.

– Нет. Я просто тут проезжал мимо и...

– Да это, в общем, и не важно. Мисс Слоун любит, когда к ней кто-нибудь заходит.

Они стояли в небольшом светлом холле, который с одной стороны переходил в кухню, а с другой образовывал нечто вроде гостиной. В кухне доминировали бодрые желтый и белый тона. Гостиная была выдержана в желто-зеленой цветовой гамме. Часть гостиной вообще нельзя было разглядеть, но именно оттуда до него донесся приятный вкрадчивый голос:

– Заходите же, кто там?

– Я вас оставляю, – проговорил привратник из-за спины Нима. – У меня много всяких дел.

Когда наружная дверь захлопнулась, Ним вошел в гостиную.

– Хелло, – раздался все тот же приятный голос. – Расскажите что-нибудь новое и интересное.

Спустя несколько месяцев и еще долго-долго потом, когда судьбоносные события приобрели драматическое звучание, Ним в ярких красках живо вспоминал в подробностях этот момент, подаривший ему знакомство с Карен Слоун.

Это была уже зрелая женщина, но выглядела она молодо, поражая своей чрезвычайной красотой. Ним прикинул, что ей было лет тридцать шесть. Позже он узнал, что на самом деле она на три года старше. У нее было удлиненное лицо с удивительно пропорциональными чертами, вздернутым носиком, обладатели которого отличаются дерзким нравом, пухлыми чувственными губами, на которых как раз сейчас застыла улыбка; большие голубые глаза пылливо разглядывали Нима. Казалось, что ее безупречная кожа переливалась. Длинные светлые волосы обрамляли лицо Карен. Разделенные посередине пробором, они ниспадали ей на плечи, поблескивая золотыми струйками в лучах солнечного света. Руки с длинными пальцами и покрытыми лаком ухоженными ногтями лежали на заменявшей столик доске. Одета она была в изумительное светло-голубое платье.

Карен сидела в кресле-каталке. Выпуклость на платье означала, что под ним находится прибор для искусственного дыхания. Трубка, выведенная из-под подола платья, соединялась со специальным устройством в виде чемоданчика, закрепленного позади кресла. Респираторный механизм выдавал равномерные импульсы, проталкивая в обе стороны шипящий воздух соответственно нормальному ритму дыхания. С помощью электрошнура кресло присоединялось к установленной на стене розетке.

– Хэлло, мисс Слоун, – сказал Ним, – я электрический человек.

Она широко улыбнулась:

– Вы работаете на батарейках, или вас тоже надо подключать к сети?

В ответ Ним улыбнулся, чуть-чуть застенчиво и, что в общем-то было ему несвойственно, на мгновение ощутил нервное напряжение. Входя в эту квартиру, он даже не предполагал, с чем столкнется. Тем не менее сидевшая перед ним изящная женщина оказалась абсолютно иной, чем он ожидал.

– Я объясню, – сказал он.

– Объясните, пожалуйста. И присаживайтесь.

– Благодарю.

Он выбрал мягкое кресло. Карен Слоун, слегка качнув головой, прижалась ртом к пластмассовой трубке, похожей по форме на гусиную шею. Она осторожнодохнула в трубку, и ее кресло мгновенно развернулось так, что теперь она смотрела прямо на Нима.

– Ого! Здорово придумано, – сказал он.

– Но это еще не все. Если я буду только вдыхать, но не выдыхать, кресло повернется назад. – И она продемонстрировала это восхищенно наблюдавшему Ниму.

– Такое я вижу впервые, – произнес Ним. – Поразительно.

– Единственное, чем я могу двигать, – это голова. – Карен произнесла это так обыденно, словно речь шла о маленьком неудобстве. – В общем, можно научиться проделывать кое-какие необходимые вещи таким необычным способом. Но мы отвлеклись. Вы пришли, чтобы что-то мне рассказать. Пожалуйста, я вас слушаю.

– Я уже начал объяснять, какова цель моего прихода, – проговорил Ним. – Все это началось две недели назад, когда произошли отключения энергоснабжения. Я видел вас на карте, где вы были обозначены маленьким красным кружком.

– Я – на карте?

Он рассказал ей о Центре управления энергоснабжением и о том, с каким вниманием «ГСП энд Л» относится к таким особым потребителям электроэнергии, как больницы, дома, оснащенные оборудованием жизнеобеспечения.

– Честно говоря, – признался Ним, – меня разбирало любопытство. Поэтому я и заглянул сегодня к вам.

– Это очень приятно, – проговорила Карен. – Я имею в виду, приятно сознавать, что о тебе думают. Мне хорошо запомнился тот день.

– Как вы себя чувствовали, когда отключили электричество?

– Мне кажется, в первый момент слегка испугалась. Вдруг погасла лампа и другие электрические приборы. Кроме респиратора. Он мгновенно переключился на батарею.

Ним заметил двенадцативольтовый аккумулятор, который обычно используют в автомобилях. Он стоял на полке, тоже прикрепленной к задней части кресла, ниже механизма респиратора.

– Всех всегда интересует, – сказала Карен, – долго ли не будет электричества и сколько времени протянет аккумулятор.

– Его должно хватить на несколько часов.

– При полной подзарядке на шесть с половиной. Это при пользовании только респиратором, без передвижения кресла. Но если я выхожу в магазин за покупками или мне надо кому-нибудь зайти – а это происходит сплошь и рядом, – аккумулятор используется на всю мощь и, естественно, разряжается.

– Стало быть, если отключили электроэнергию, то...

Она закончила фразу за него:

– Тогда Джози, та самая, которую вы встретили при входе, вынуждена срочно что-нибудь предпринять. – Потом Карен добавила со знанием дела: – Респиратору требуется пятнадцать ампер да еще креслу, если оно перемещается с места на место, двадцать ампер.

– Вы хорошо разбираетесь в электроприборах.

– Если бы ваша жизнь зависела от них, вы бы их знали?

– Думаю, знал бы. А вы всегда одна?

– Никогда. Большую часть времени рядом со мной Джози. Иногда ей на смену приходят двое других. Кроме того, привратник Джими тоже очень добрый человек. Он помогает моим гостям, вот как только что вам. – Карен улыбнулась. – Он никого не впустит, пока не убедится, что человек нормальный. Вы прошли его тест.

Они непринужденно болтали, словно давние знакомые.

Ним узнал, что Карен заболела полиомиелитом как раз за год до широкого применения в Северной Америке противополиомиелитной вакцины «Солк» и за несколько лет до того, как благодаря вакцине по Сэбину было окончательно покончено с этим заболеванием.

– Я слишком рано заразилась, – сказала Карен. – Надо было протянуть какой-то год, не более.

Нима тронул этот чистосердечный рассказ.

– Вы много думаете о том самом годе, которого вам не хватило?

– Раньше думала много. Одно время из-за этого просто заливалась слезами, задавала себе вопрос: ну почему именно мне было суждено оказаться одной из последних жертв? Если бы вакцина появилась чуточку раньше, все было бы по-другому. Я бы ходила, танцевала, могла бы писать, работать руками... – Она замолчала, и в этой тишине до Нима доносилось тиканье часов и легкое урчание респиратора Карен. Мгновение спустя она продолжила: – Тогда я стала внушать себе: какой толк себя изводить? Что случилось, то случилось. Возврата нет. Поэтому я стала максимально использовать то, что у меня осталось, научилась ценить каждый прожитый день. Когда действуюшь таким образом, то любая неожиданность заставляет тебя быть благодарной. Вот сегодня вы пришли. – Ее лицо осветилось улыбкой. – А ведь я даже не знаю, как вас зовут. Ним это от Нимрода?

– Да.

– По-моему, есть что-то в Библии?..

– В Книге Бытия. – Ним процитировал фразу оттуда: – «Хуш родил также Нимрода; сей начал быть силен на земле; он был сильный зверолов пред Господом».

Он помнил, что слышал это свидетельство от деда – раввина Голдмана. Старик выбрал имя для своего внука, и это была одна из немногих уступок прошлому, которую позволил сделать отец Нима Исаак.

– Вы охотник, Ним?

Ответив отрицательно, он вспомнил сказанное не так давно Терезой ван Бэрен: «Ты охотник на женщин, не так ли?» Быть может, он поохотился бы и за этой красивой женщиной Карен, если бы вакцина не опоздала на год. Жаль, что все так сложилось.

Потом Карен рассказала, что двенадцать лет пролежала в больницах, по большей части в устаревшей барокамере, «железном легком». Затем появилось более современное портативное оборудование, позволявшее пациентам вроде нее не быть привязанными к больницам. Поначалу она вернулась к своим родителям, но из этого ничего не получилось.

– Это был для всех нас такой крест.

Потом она переехала в эту квартиру, где и живет уже почти одиннадцать лет.

– Правительство выделяет субсидии для покрытия этих расходов. Иногда приходится откровенно туго, но в основном я справляюсь.

Карен рассказала, что у ее отца небольшая слесарно-водопроводная мастерская, а мать работает продавщицей в универсальном магазине. Сейчас они копят деньги на небольшой автофургончик, чтобы приспособить его для кресла-каталки Карен. Водить автофургончик могли бы Джози или кто-нибудь из семьи Карен.

Хотя Карен практически ничего не способна делать сама, кому-то приходится ее мыть, кормить и укладывать в постель, она выучилась рисовать, держа кисть во рту.

– А еще я могу печатать на машинке, – сказала Карен Ниму. – Она электрическая, и я печатаю, держа палочку зубами, могу вам что-нибудь прислать.

– Да, пришлите, пожалуйста. Буду рад.

Он встал, собираясь уходить, и с удивлением обнаружил, что провел у Карен более часа.

– Вы приедете еще? – спросила она.

– Если вы хотите, чтобы я пришел.

– Разумеется, хочу, Нимрод. – Она снова улыбнулась своей очаровательной улыбкой. – Я хочу, чтобы вы были моим другом.

Джози проводила его.

Образ Карен, ее красота, от которой захватывало дух, теплая улыбка и нежный голос оставались с Нимом, пока он ехал в центр города. Ему казалось, что никогда в жизни он не встречал никого, подобного ей. Он продолжал думать о ней, ставя машину в гараж здания штаб-квартиры «Голден стейт пауэр энд лайт», находившийся тремя этажами ниже уровня улицы. Скоростной лифт-экспресс, в который можно было войти только с помощью специального ключа, доставлял прямо из гаража в главные административные офисы на двадцать втором этаже. Ним воспользовался своим ключом, этим своеобразным символом номенклатуры от положения в компании «ГСП энд Л» и в одиночестве поднялся наверх. В лифте он вспомнил, что собирался связаться с председателем клуба «Секвойя».

Секретарша Нима Виктория Дэвис, молодая, но, в общем, толковая негритянка, подняла взгляд, когда он вошел в свой двухкомнатный кабинет.

– Привет, Вики! Много пришло почты?

– Ничего срочного. Несколько откликов на ваше удачное выступление по телевидению вчера вечером. Мне оно тоже понравилось.

– Благодарю, – улыбнулся Ним. – Вступайте в клуб моих поклонников.

– Да, есть еще «лично и конфиденциально» на вашем столе. Только что принесли. И у меня несколько бумаг на подпись.

Она последовала за ним в кабинет. В этот самый момент откуда-то издалека донеслось глухое грохотание. Зазвенели графин с водой и стаканы. Задрожало стекло в окне, выходящем во внутренний дворик.

Ним остановился, прислушиваясь.

– Что это?

– Понятия не имею. Несколько минут назад был слышен такой же звук. Перед тем как вы пришли.

Ним пожал плечами. Это могло быть что угодно – от тряски, связанной с землетрясением, до толчков, вызванных ведущимися поблизости специальными строительными работами.

Он пробежал глазами корреспонденцию, бросил взгляд на «личный конфиденциальный» конверт, о котором упомянула Вики. Это был светло-коричневый конверт из оберточной бумаги, с сургучной печатью на обороте. Ним стал рассеянно его открывать.

– Вики, прежде чем мы приступим к делу, постарайтесь соединить меня с миссис Кармайкл.

– Из клуба «Секвойя»?

– Да.

Она положила бумаги, которые принесла на подносе с пометкой «на подпись», и повернулась, чтобы уйти. В этот момент дверь офиса распахнулась и вбежал Гарри Лондон. Волосы у него растрепались, лицо покраснело от волнения.

– Ни в коем случае! Нет! – закричал он Ниму.

Ним застыл в растерянности. Лондон пронесся через комнату, переваливаясь через письменный стол, вырвал конверт из рук Нима и отбросил его в сторону.

– Теперь все вон отсюда! Быстрее!

Схватив Нима за руку, Лондон потянул его за собой, одновременно грубо подталкивая впереди себя Викторию Дэвис. Через приемную они выбежали в коридор. Лондон остановился, чтобы захлопнуть за ними обе двери.

Ним запротестовал:

– Какого черта?..

Он не закончил оборванную фразу. Из его кабинета донесся грохот взрыва. Стены коридора закачались. Висевшая рядом картина в раме свалилась на пол, посыпались осколки.

Мгновение спустя снова послышался гул, похожий на тот, что был раньше, только на этот раз более громкий и отчетливый. Казалось, гул вырвался откуда-то из-под ног. Это, несомненно, был взрыв, и произошел он в здании. В коридор из других дверей выбегали люди.

– О боже! – с отчаянием в голосе воскликнул Гарри Лондон.

– Черт возьми! Что же это? – вторил ему пораженный Ним.

В воздухе разносились возбужденные голоса, одновременно перебивая друг друга, люди что-то кричали в телефонные трубки, а примыкавшая к зданию улица заполнялась нарастающим воем сирен.

– Письма-бомбы, – сказал Лондон. – Они небольшого размера, но их поражающей силы вполне достаточно, чтобы убить любого, находящегося рядом. Последняя была четвертой по счету. Фрейзер Фентон погиб, кое-кто ранен. Сейчас все в здании предупреждены, и если есть желание, то молись, чтобы взрывы на этом закончились.

Глава 11

Огрызком карандаша Георгос Уинслоу Арчамболт, выпускник Йельского университета 1972 года, записал в своем дневнике:

Вчера. Удачная атака на фашистско-капиталистических угнетателей!

Вражеский лидер Фентон, президент «Голден стейт», вонючей компании лизоблюдов, мертв. Туда ему и дорога!

Под главным знаменем «Друзей свободы» проведена успешная операция против штаба – бастиона безжалостных эксплуататоров принадлежащих народу энергетических ресурсов. Из десяти орудий ДС пять попали в цель. Неплохо!

На самом деле результат мог быть даже лучше, ибо пресса, прислуживающая истеблишменту, как всегда, принижает важность этой победы народа.

Георгос отложил в сторону огрызок карандаша. Хотя писать им было неудобно, он неизменно проделывал это, ибо когда-то прочел, что именно так поступал Махатма Ганди. Он считал, что, выбрасывая частично исписанный карандаш, ты оскорбляешь смиренный образ создателя этого орудия письма.

Ганди был одним из кумиров Георгоса Арчамболта наряду с Лениным, Марксом, Энгельсом, Мао Цзэдуном, Ренато Куркио, Че Геварой, Фиделем Кастро, Чезаре Чавесом и рядом других. (То, что Махатма Ганди считался проповедником неприменения силы, похоже, волновало его в очень малой степени.)

Георгос продолжал писать.

Более того, пресса, лизущая подметки капиталистам, сегодня ханжески оплакивает гибель и физические страдания тех, кого именует «невинными жертвами». Как это наивно и смешно!

В любой войне неминуемо гибнут и становятся калеками так называемые ни в чем не повинные жертвы. И чем масштабнее война, тем большие потери среди «невинных». Когда воюющие страны ошибочно именуются «великими державами», как в Первой и Второй мировых войнах, а также в связи с омерзительной агрессией Америки во Вьетнаме, таких невинных вырезают, как скот. И хоть бы кто-нибудь возмутился! Ни слова не проронили фюреры и их бездарные авторы-лизоблюды.

Справедливая социальная война вроде той, что ведут сейчас «Друзья свободы», отличается разве что меньшими жертвами.

Еще в Йеле Георгос запомнился профессорам разухабистым стилем своих сочинений, например неоправданно обильным употреблением прилагательных. Но в ту пору английский язык действительно не был для него предметом специализации. Наибольший его интерес вызывала физика. Позднее он переключился на химию и даже получил соответствующий диплом. Впоследствии его знания по химии оказались весьма полезными, особенно в период стажировки на Кубе, где среди прочего он изучал взрывное дело. Между тем круг его интересов, а также личные взгляды на жизнь и политику сузились. В дневнике была такая запись:

Даже пресса врага, которой свойственно скорее преувеличивать, нежели преуменьшать подобные обстоятельства, и та признает, что в результате погибли только двое и еще трое получили серьезные ранения. Одним из погибших оказался крупный преступник из управленческого звена Фентон, а другим – свинья из охраны. Невелика потеря. Остальные – так, лакейская мелочь: машинистки, клерк и прочие. Они должны быть благодарны за то, что стали мучениками за благородное дело.

Все это пропагандистская чушь насчет «невинных жертв»!

Георгос решил передохнуть. На его худом, аскетичном лице отразилось напряжение мыслительного процесса. Как всегда, он позволил себе значительные отступления в своих дневниковых записях, рассчитывая на то, что в один прекрасный день дневник обернется важным историческим документом, сравнимым с «Капиталом» и «Цитатником председателя Мао Цзэ-дуна».

Новый поток мыслей стал изливаться на бумагу.

Требования «Друзей свободы» будут изложены в сегодняшнем выпуске боевой сводки. Это:

бесплатное снабжение электроэнергией и газом в течение года безработных, а также находящихся на социальном обеспечении и стариков. В конце года данный вопрос снова поступит на рассмотрение «Друзей свободы»;

немедленное сокращение на 25 процентов тарифов на газ и электричество, поставляемые в небольшие дома и квартиры;

все атомные электростанции подлежат немедленному закрытию и демонтажу; ввести постоянный запрет на дальнейшие разработки в области атомной энергетики.

Неподчинение этим требованиям обернется осуществлением интенсивной серии атак.

Для начала вышесказанного было бы вполне достаточно. Угроза масштабных диверсий представлялась вполне реальной. Георгос окинул взглядом захлавленную подвальную клетушку, служившую ему «рабочим кабинетом». Помещение было набито огромным количеством пороха, взрывателей, капсюлей-детонаторов, глицерина, кислот и других реактивов. Он и еще трое борцов за свободу, согласившиеся признать его руководящую роль, знали, как

использовать эти запасы. Он улыбнулся, вспомнив то хитрое устройство, которое они вчера заложили в письма-бомбы. Маленький пластмассовый цилиндр был заполнен легко воспламеняющимся тетрилом и снабжен крохотным детонатором. Над детонатором он закрепил пружину с иглой. Когда вскрываешь конверт, игла вонзается в детонатор. Проще не бывает, зато эффект обеспечен. Заряд тетрила был достаточен, чтобы оторвать голову открывающему конверт или разнести его тело в клочья.

Очевидно, что объявления наших требований уже ждут, поскольку пресса и ее послушный союзник – телевидение подхватили точку зрения «Голден стейт пауэр энд лайт» – вонючей компании лизоблюдов, что «под влиянием терроризма изменения в концепции деятельности компании ожидать не приходится».

Чушь это! Пустопорожняя глупость! Терроризм, несомненно, вызовет перемены. Так всегда было и всегда будет. В истории на этот счет примеров сколько угодно.

Георгос вспомнил, как такие примеры вбивали им в ходе революционной подготовки на Кубе уже через пару лет после получения докторской степени. А до этого он все больше проникался ненавистью к стране, в которой родился. Он считал ее загнивающей тиранией, безглаголиво именуя «Америка».

Он испытывал отвращение к отцу, преуспевающему нью-йоркскому плеейбою, который в восьмой раз развелся и снова женился, и к родной матери, почитаемой во всем мире греческой киноактрисе, которая опять временно оказалась не у дел, расставшись с шестым по счету супругом.

Георгос ненавидел и презирал своих родителей и то, что они представляли собой в этом мире. Хотя последний раз видел обоих только в девятилетнем возрасте и потом ни разу на протяжении двадцати лет. Его повседневные расходы, учеба в школе, а затем – в Йельском университете оплачивались какой-то неизвестной ему юридической афинской фирмой.

Так, значит, терроризм не способен ничего изменить в этом мире?

Терроризм – орудие социальной войны. Он позволяет отдельным просвещенным личностям (таким, как «Друзья свободы») ослабить железную хватку и волю реакционных сил, обладающих властью и злоупотребляющих ею.

С терроризма началась и успешно свершилась революция в России. Ирландская и израильская республики своим существованием обязаны терроризму. Терроризм ИРА³ во время Первой мировой войны привел к появлению независимого государства Эйре. Терроризм группы «Иргун» в Палестине заставил англичан отказаться от своего мандата, благодаря чему евреям удалось создать государство Израиль.

Алжир получил независимость от Франции, опираясь на терроризм.

ООП, ныне представленная на международных конференциях и в ООН, не отказывалась от терроризма, чтобы привлечь к себе внимание всего мира. Еще большее внимание привлекли итальянские «красные бригады».

Георгос Уинслоу Арчамболт отложил в сторону огрызок карандаша. Писанина утомляла его. К тому же он явно стал отходить от революционной фразеологии, которая, как учили его на Кубе, является психологическим оружием и одновременно обеспечивает эмоциональную разрядку. Но иногда было не так-то просто поддерживать в себе подобный настрой.

³ Ирландская республиканская армия – подпольная северо-ирландская организация, силой оружия добивавшаяся вывода британских войск из Ольстера.

Он встал, потянулся и зевнул. У него была стройная фигура, и он постоянно поддерживал себя в форме ежедневной, причем весьма напряженной зарядкой. Взглянув на себя в небольшое треснувшее зеркало на стене, он погладил свои пушистые, тщательно подстриженные усы. Он отрастил их сразу после нападения на энергоблок «Ла Мишен», где разыграл из себя сотрудника Армии спасения. По сообщениям, переданным в новостях на следующий день, один из охранников обрисовал его как гладко выбритого мужчину, так что наличие усов могло бы как минимум запутать опознание, если бы вообще до этого дело дошло. А форма Армии спасения, разумеется, давно была уничтожена.

При воспоминании о сопутствовавшей ему удаче на «Ла Мишен» Георгос усмехнулся.

Единственное, чего он так и не сделал ни до, ни после диверсии на «Ла Мишен», так это не отрастил бороду. Для него она была бы самой настоящей меткой. Ведь люди привыкли к тому, что революционеры обязательно бородатые и нечесанные. Георгос же старался производить совершенно иное впечатление. Когда бы он ни навещался в арендуемый им скромный ист-сайдский домик, его вполне можно было принять за биржевого маклера или даже банковского служащего. Производить такое впечатление не составляло труда: привередливый по натуре, он любил изящно одеваться. Этому способствовали деньги, которые какой-то афинский адвокат до сих пор регулярно переводил на счет Георгоса в чикагском банке, хотя в последнее время эта сумма уменьшилась. Теперь Георгосу требовалось значительно больше наличных денег для финансирования будущих планов «Друзей свободы». К счастью, он уже стал получать кое-какую помощь от неких доброжелателей, и она должна была возрасти.

Лишь одна деталь в облике Георгоса противоречила старательно разыгранному буржуазному имиджу – это его руки. Когда в нем еще только пробуждался интерес к химическим веществам, а потом и к взрывчатке, он был неосторожен и работал без защитных перчаток. Поэтому его руки были покрыты шрамами и обезображены всякими пятнами. Сейчас он старался проявлять большую осторожность, но было уже поздно. Он даже подумывал сделать пересадку кожи, но риск казался слишком большим. Поэтому ему не оставалось ничего иного, как прятать руки от посторонних взглядов, когда он выходил из дома.

Аппетитный запах фаршированного сладкого перца доносился до него сверху. Его женщина, Иветта, была изумительной стряпухой. Она знала все о вкусах Георгоса и старалась ему всячески угодить. Кроме того, она восхищалась его ученостью, поскольку ей самой почти не пришлось ходить в школу.

Он делил Иветту с тремя другими «борцами за свободу», поселившимися в этом доме, – Уэйдом, ученым вроде Георгоса и приверженцем Маркса и Энгельса; Ютом, американским индейцем, испытывавшим жгучую ненависть к официальным институтам, уничтожившим национальную самобытность его народа, и, наконец, Феликсом, порождением гетто Детройта, чья философия сводилась к тому, чтобы жечь и убивать – в общем, уничтожать все враждебное его негативному с самого детства жизненному опыту.

Хотя у всех четверых были одинаковые права на Иветту, Георгос испытывал к ней какие-то собственнические чувства, основанные на привязанности. Вместе с тем он презирал себя за неспособность соответствовать тому пункту «Революционного катехизиса» (приписываемого двум русским, Бакунину и Нечаеву, жившим в девятнадцатом веке), который, в частности, гласил:

«Революционер – потерянный человек. У него нет собственных интересов, чувств, привычек, вещей... Все в нем поглощено единственным и исключительным интересом, одной мыслью и одной страстью – революцией...»

Он разорвал всякие связи с гражданским порядком, с просвещенным миром и всеми законами, конвенциями и... с этикой этого мира.

Все теплые чувства семейной жизни дружбы, любви, благодарности и даже чести должны в нем замолчать... Днем и ночью им должна владеть только одна мысль и только одна цель: беспощадное разрушение...

В характере настоящего революционера нет места для какого бы то ни было романтизма, сентиментальности, воодушевления или соблазна...

Всегда и везде он должен становиться не тем, кем его делают собственные склонности, а тем, что созвучно общему интересу революционных требований.

Закрывая дневник, Георгос подумал, что боевое коммюнике с его справедливыми требованиями должно в течение дня поступить на одну из радиостанций города.

Как обычно, его оставят в каком-нибудь безопасном месте, а затем позвонят на радиостанцию и сообщат об этом. Эти идиоты с радио будут из кожи вон лезть, чтобы заполучить такую информацию.

Георгос с удовлетворением подумал, что коммюнике займет достойное место в вечернем выпуске новостей.

Глава 12

– Прежде всего, – начала Лаура Бо Кармайкл, когда они заказали напитки – мартини ей и «Кровавую Мэри» Ниму Голдману, – я бы хотела сказать, что сожалею в связи с кончиной вашего президента, мистера Фентона. Я не знала его, но все произошедшее постыдно и трагично. Других слов и не подобрать. Надеюсь, что ответственные за это будут найдены и наказаны.

Председатель клуба «Секвойя» Лаура Бо Кармайкл была стройной худощавой дамой далеко за шестьдесят, темпераментной, с пытливым пронизывающим взглядом. Стилль ее одежды отличался строгостью, причем она носила туфли без каблуков. Волосы она коротко подстригала, словно опасаясь подчеркнуть свою женственность. Наверное, это связано с тем, подумал Ним, что, будучи одним из первых физиков-атомщиков, Лауре Бо Кармайкл пришлось трудиться в такой области, в которой тогда доминировали сплошь мужчины.

По предложению Нима они встретились, чтобы пообедать в со вкусом оформленном ресторане отеля «Фэрхилл». Эта встреча произошла на полторы недели позже, чем он планировал, из-за суматохи, вызванной последними взрывами на «ГСП энд Л», что только добавило ему работы. Тщательно продуманные меры безопасности, в разработке которых принимал участие Ним, уже были введены в действие в гигантской штаб-квартире компании. А еще на него свалилась забота о подготовке проекта срочного повышения тарифа, что сейчас рассматривался в Комиссии по коммунальному хозяйству.

Соглашаясь со сказанным относительно Фрейзера Фентона, Ним заметил:

– Это стало для нас потрясением, особенно после недавней гибели людей на «Ла Мишен». Думаю, теперь все мы будем жить в страхе.

Видимо, так оно и есть, подумал Ним. Руководящий состав компании, начиная с президента и ниже, настаивал на минимальной публичности. Они не желали мелькать в новостях, чтобы не привлекать к себе внимание террористов. Эрик Хэмфри дал указание, чтобы его имя больше не упоминалось в заявлениях и пресс-релизах компании, соглашаясь на контакт с журналистами только при выключенных диктофонах. Его домашний адрес был изъят из всех справочников компании и отныне стал охраняемой, насколько это было возможно, тайной. Большинство административного персонала убрали из списков свои домашние номера телефонов. Отныне президент и другие ведущие работники компании появлялись на людях, даже на площадках для игры в гольф, только в сопровождении телохранителей.

Ним стал исключением.

Президент дал понять, что его заместитель обязан продолжать выступать от имени компании «ГСП энд Л» и разъяснять ее политическую линию, а значит, публичные появления Нима станут еще более частыми. Криво усмехнувшись, Ним подумал: в общем, послали под пули или, точнее говоря, под бомбы.

Президент втихую даже поднял Ниму жалование. Риск дорогого стоит, подумалось ему, хотя с повышением и без нынешних событий вышла заминка.

– Фрейзер действительно одно время был нашим президентом, – объяснил Ним Лауре Кармайкл, – но фактически он уже отошел от дел. К тому же ему оставалось всего пять месяцев до пенсии.

– От этого все выглядит еще печальнее. А что же с остальными?

– Один из раненых умер сегодня утром. Секретарша. – Ним немного знал ее. – Она работала в финансовом отделе и имела право вскрывать всю почту, даже с пометкой «лично и конфиденциально». Эта привилегия стоила ей жизни, зато она спасла свою начальницу Шарлет Андерхилл, которой и был адресован конверт с бомбой-ловушкой. Две из пяти взорвавшихся бомб ранили нескольких находившихся поблизости людей, а восемнадцатилетнему клерку, оформлявшему счета, оторвало обе руки.

Официант принес заказанные напитки, и Лаура пояснила ему:

– Посчитайте нам отдельно. И за обед тоже.

– Зачем так серьезно? – полушутя проговорил Ним. – Я не собираюсь подкупать вас за счет компании.

– Даже если бы вы этого захотели, вам бы не удалось. Но я в принципе не принимаю одолжений от того, кто хотел бы повлиять на клуб «Секвойя».

– Даже если бы я стремился к этому, то сделал бы это открыто. Я просто считал, что обед располагает к разговору.

– Я готова выслушать вас в любое время, Ним. И мне здесь нравится. Но все-таки я сама заплачу за себя.

Они познакомились много лет назад, когда Ним был студентом выпускного курса в Стэнфорде, а Лаура – приглашенным лектором. Она была поражена его остроумными вопросами, а он – ее желанием предельно искренне общаться с аудиторией. Они поддерживали контакт, и хотя порой расходились во мнениях, это не мешало им уважительно относиться друг к другу.

– В основном это касается Тунипы. Но также наших планов относительно Дэвил-Гейта и Финкасла, – сказал Ним, потягивая свою «Мэри».

– Я так и думала. Наверное, мы сэкономим время, если я сразу же скажу вам, что клуб «Секвойя» намерен выступить против всех этих проектов.

Ним кивнул. Услышанное не стало для него неожиданным. Он на мгновение задумался, после чего продолжил, тщательно подбирая слова:

– Мне бы хотелось, Лаура, чтобы вы не замыкались на «Голден стейт пауэр энд лайт» или на клубе «Секвойя» и вообще на проблематике охраны окружающей среды. Всем нам придется иметь дело с более масштабным спектром проблемы. Можете именовать это «основными ценностями цивилизации», или «жизнью, которую мы ведем», или «минимальными ожиданиями», что, наверное, было бы наиболее точным обозначением.

– Откровенно говоря, я много раз размышляла об этом.

– Этим озабочено большинство из нас. Но в последнее время недостаточно часто или по меньшей мере в отрыве от реальности. Ибо все в данном контексте оказалось под угрозой. Причем не частично, не фрагментарно, а наша жизнь целиком. Над всей нашей системой нависла угроза распада и развала.

– Ничего нового в этой аргументации нет, Ним. Обычно я слышу ее вот в какой связи: если наш призыв о строительстве таких-то и таких-то экологически вредных объектов в таком-

то и таком-то месте согласно нашему желанию не будет одобрен по крайней мере к завтрашнему дню, то разразится неминуемая катастрофа.

Ним покачал головой:

– Лаура, не загоняйте себя в угол своей диалектикой. То, о чем вы сказали, действительно случается или предполагается. В том, что происходило в «ГСП энд Л», мы сами были виноваты. Но я-то сейчас говорю о том, что представляет собой реальную угрозу – всему и всем.

Появившийся возле их столика официант вручил им два меню в элегантно разрисованной обложке. Лаура даже не раскрыла его.

– Салат из авокадо и грейпфрута и еще стакан снятого молока.

– Мне то же самое, – сказал Ним, возвращая свое меню. Разочарованный официант удалился.

Между тем Ним продолжал излагать свои аргументы:

– По-видимому, даже горстка людей не в состоянии осознать суммарный эффект изменений в области природных ресурсов и всяких бедствий – природных и политических, вызвавших эти изменения.

– Я тоже слежу за новостями, – с улыбкой заметила Лаура. – Может, я что-то упустила?

– Да едва ли. Только вот воспринимаете ли вы их в общем контексте?

– Думаю, да. Ладно. Давайте вашу версию.

– О'кей. Итак, изменение номер один. Природный газ в Северной Америке иссякает. На какое-то время наших запасов еще хватит. Ну а если Канада и, может быть, Мексика нам подсобят, вероятно, мы еще сможем продержаться с десятков лет. Только вот о масштабном, безграничном использовании газа придется забыть, если мы не займемся переработкой нашего угля в газ, что сейчас, к сожалению, застопорилось из-за недалёковидности Вашингтона. Вы с таким выводом согласны?

– Разумеется. И вина за то, что у нас иссякают запасы природного газа, лежит на крупных компаниях, вашей и прочих, для которых прибыль важнее сохранения природных богатств. Если бы вы бережнее относились к этим ресурсам, их хватило бы на полвека больше.

Ним скорчил гримасу.

– Мы лишь удовлетворяли общественные потребности. Но это так, кстати. Я говорю о суровых фактах. Как использовался природный газ, это уже история. Что было, то было. Давайте перейдем ко второму пункту. – И он загнул два пальца на руке. – Это нефть. В недрах еще есть огромные нетронутые запасы. Но если их проедать, как это происходит сейчас, уже к концу века придется выскребать дно нефтескважин. И это время уже не за горами. Кроме того, нельзя забывать, что все промышленные страны свободного мира оказываются во все большей зависимости от импорта нефти, и это делает нас уязвимыми для политического и экономического шантажа. А если в один прекрасный день арабы захотят дать нам пинка под зад? – Он сделал паузу и добавил: – Конечно, мы можем перейти на газификацию угля, как это делали немцы во время Второй мировой войны, однако политики в Вашингтоне получают куда больше голосов избирателей, обливая грязью нефтяные компании во время телевизионных слушаний.

– Вы явно обладаете даром убеждения, Ним. Вы никогда не думали выдвинуть свою кандидатуру?

– Может, начать с клуба «Секвойя»?

– Пожалуй, не стоит.

– Ладно, – сказал он. – С природным газом и нефтью разобрались. Теперь на очереди атомная энергетика.

– Неужели это так обязательно?

Он с любопытством посмотрел на нее. При слове «атомная» лицо Лауры напряглось. Так бывало всегда. В Калифорнии да и в других местах она пользовалась известностью как страстная противница атомных электростанций. Дело в том, что Лаура участвовала в «Манхэттен-

ском проекте» времен Второй мировой войны, когда были созданы первые атомные бомбы. Поэтому ее мнение уважали и к ней прислушивались.

– Это слово для вас до сих пор как кинжал в сердце, не так ли? – проговорил Ним, отведя от нее взгляд.

Принесли обед, и, прежде чем ответить, Лаура подождала, пока уйдет официант.

– Думаю, вы способны меня понять. В моей памяти все еще встает грибовидное атомное облако.

– Да, – проговорил он тихо. – Думаю, мне вас нетрудно понять.

– Сомневаюсь. Вы были тогда слишком молоды и не помните. Вы не были с этим связаны, как я.

Она старалась контролировать свои эмоции, но Ним почувствовал в ее голосе незатухающую боль мучительных переживаний. Молодым ученым Лаура подключилась к проекту по созданию атомной бомбы за полгода до Хиросимы. Тогда она мечтала войти в историю, но после того, как была сброшена первая бомба под кодовым названием «Малыш», она испытала душевные страдания. Однако чувство собственной вины и презрения к самой себе она ощутила уже после Хиросимы, когда вторая атомная бомба под кодовым названием «Толстяк» поразила Нагасаки. Но никто не услышал от нее ни слова протеста. Хотя эти события разделяли всего три дня, своим протестом она все равно не могла бы помешать бомбардировке Нагасаки и спасти восемьдесят тысяч человек, которые погибли там или были искалечены, как многие считали, лишь для того, чтобы удовлетворить любопытство военных и ученых. И все же она не выступила с протестом, поэтому загубленные и искалеченные души оказались и на ее совести.

– Видите ли, вторая бомба была не нужна. В ней не было никакой необходимости. Японцы собирались сдаться уже после Хиросимы. Но «Толстяк» конструктивно отличался от «Малыша», и создавшим его надо было убедиться, сработает ли бомба как надо. И она сработала, – говорила она вкрадчивым голосом, словно размышляя вслух.

– Все это произошло давно, – заметил Ним. – Так ли уж необходимо вспоминать те бомбардировки всякий раз, когда возникает вопрос о строительстве атомных электростанций?

– Для меня все это единое целое, – произнесла Лаура с внутренней убежденностью.

Ним пожал плечами. Он подозревал, что председатель клуба «Секвойя» была не единственной антиядерной лоббисткой, искупающей личную или коллективную вину. Однако в данный момент это не имело никакого значения.

– Кроме того, – добавила Лаура, – нельзя забывать и аварию на атомной электростанции на Три-Майл-Айленде. Надеюсь, это не стерлось из памяти?

– Нет, – сказал Ним. – Ни я, ни вы о ней не забудем. Но мне хотелось бы напомнить о другом: катастрофу на Три-Майл-Айленде удалось предотвратить, были внесены технологические поправки, а сделанные выводы будут учтены на других АЭС.

– Такими же успокоительными заверениями нас кормили и до аварии на Три-Майл-Айленде.

Ним вздохнул:

– Было дело. Только никакой здравомыслящий человек не станет отрицать, что уроки аварии пошли нам впрок. И потом, даже без случившегося на Три-Майл-Айленде вы и ваши люди уже выиграли битву против АЭС. А победили вы потому, что, организуя акции протеста, использовали всяческие юридические уловки, чтобы задержать разработки проектов и проведение испытаний. В результате стоимость АЭС возросла и любой проект в области ядерной энергетики стал настолько неопределенным, что большинство энергокомпаний просто не могут позволить себе и дальше заниматься этим бизнесом. Они все потеряют, если будут дожидаться решения по пять – десять лет, вкладывая десятки миллионов на предварительном этапе, а в результате получают от ворот поворот. – Ним замолчал, а потом добавил: – Поэтому на всех

этапах планирования нам требуется альтернативный вариант, запасной выход. Таковым является уголь.

Лаура Бо Кармайкл ковырялась в своем салате.

– Уголь и загрязнение воздуха – две стороны одной медали, – сказала она. – Любая энергокомпания, желающая работать на угле, должна выбирать место размещения электростанции с максимальной осторожностью.

– Вот почему мы выбрали Тунипу.

– Против этого выбора есть экологические возражения.

– Интересно, какие же?

– Некоторые виды растений и животных встречаются исключительно в районе Тунипы.

А то, что вы предлагаете, создаст для них угрозу.

– И одно из этих растений – мытник Furbish lousewort?

– Точно так.

Ним вздохнул. Слухи о Furbish lousewort, диком львином зеве, уже дошли до «ГСП энд Л». Одно время считалось, что этот редкий цветок вымер, но недавно были обнаружены новые его разновидности. Так, в штате Мэн экологи, взявшие под защиту это растение, добились остановки уже строящейся гидроэлектростанции стоимостью шестьсот миллионов долларов.

– Вам, конечно, известно, что, по признанию ботаников, мытник не обладает никакой экологической ценностью, да и внешней привлекательностью не отличается, – проговорил Ним.

В ответ Лаура улыбнулась:

– Для публичных слушаний мы, вероятно, пригласим ботаника, который придерживается противоположного взгляда. Но есть ведь еще один из обитателей Тунипы, который заслуживает внимания, – это микродиподопс.

– А это что еще за чертовщина? – спросил Ним.

– Иногда ее называют сумчатая мышь.

– О боже! – Накануне их встречи Ним пообещал самому себе сохранять хладнокровие, но теперь он почувствовал, что его решимость начала таять. – Значит, вы позволите какой-то мышке или мышкам пустить под откос проект, потребность в котором испытывают миллионы людей?

– Полагаю, – произнесла Лаура твердым голосом, – что и эту относительную пользу, которую извлекут люди из данного проекта, мы детально обсудим в ближайшие месяцы.

– Обсудим, черт возьми! Полагаю, у вас будут те же возражения, что и против геотермальной станции в Финкасле и гидроаккумулирующей электростанции в Дэвил-Гейте, наиболее чистых источников производства электроэнергии из всех известных человечеству и природе.

– Вы действительно не можете требовать от меня, чтобы я раскрыла вам все наши возражения. Но, заверяю вас, у нас найдутся убедительные контраргументы относительно обеих электростанций.

Проходившему мимо официанту Ним бросил:

– Еще порцию «Кровавой Мэри»! – И вопросительно показал на пустой бокал Лауры, но та только покачала головой.

– Позвольте спросить вас вот о чем. – Ним был раздосадован на самого себя, что не смог скрыть гнев минуту назад. И теперь старался контролировать свои интонации. – Будь вы на нашем месте, где бы вы разместили эти электростанции?

– Ну это уже не моя проблема, а ваша.

– Но не станете же вы, то есть клуб «Секвойя», возражать против всех наших проектов независимо от их территориальной привязки?

Лаура ничего не ответила, но губы ее напряглись.

– Есть еще один фактор, который я упустил, – сказал Ним. – Это погода. Климатические изменения происходят во всем мире, негативно воздействуя на перспективы энергетики, особенно электроэнергетики. Метеорологи утверждают, что надвигается двадцатилетие похолодания и засух в разных регионах. И то и другое мы уже пережили в середине семидесятых годов.

За их столиком воцарилось молчание, которое подчеркивалось различными ресторанными шорохами и гулом голосов, доносившихся от других столов. И тут Лаура Бо Кармайл нарушила тишину:

– Мне хотелось бы выяснить вот что. Зачем вам понадобилась эта встреча?

– Чтобы призвать вас и в вашем лице клуб «Секвойя» шире взглянуть на проблематику и смягчить оппозиционный подход.

– Не кажется ли вам, что вам и мне видятся две разные картины?

– Но так не должно быть. Мы ведь живем в одном и том же мире. Однако позвольте мне вернуться к тому, с чего я начал. Если нам, то есть компании «Голден стейт пауэр энд лайт», во всем создавать помехи, то результат уже через десять лет, а то и раньше может быть только катастрофическим. Ежедневные отключения электроэнергии, причем затяжные, станут нормой. Для промышленности это будет иметь губительные последствия, включая массовую безработицу, возможно, до пятидесяти процентов. Города погрузятся в хаос. Лишь немногие понимают, в какой степени наша жизнь зависит от электричества, но все поймут это, когда дело дойдет до длительных массовых отключений. В сельском хозяйстве выход из строя ирригационных систем обернется недородом, что приведет к нехватке продовольствия. Неминуемо взлетят цены. Я говорю вам: люди лишатся денежных средств, на которые можно покупать продукты. Начнется голод похлеще, чем в Гражданскую войну. На этом фоне депрессия тридцатых годов покажется обычным пикником. Все это не плод воображения, Лаура. Никким образом, только жесткие факты. Неужели вас и ваших единомышленников они не волнуют? – Ним с жадностью глотнул «Кровавой Мэри», которую принесли, пока он излагал свои аргументы.

– Ладно, – проговорила Лаура. Из ее голоса улетучились дружеские нотки, как в начале разговора. – Я тут сидела и долго вас выслушивала. Теперь моя очередь говорить, а вы будете слушать меня. – Она оттолкнула тарелку с недоеденным салатом. – Вы, Ним, и иже с вами в своих взглядах страдаете близорукостью. Мы, экологи, включая клуб «Секвойя», смотрим в далекое будущее. И мы любыми средствами стараемся остановить трехсотлетнее разграбление этой земли.

– В некотором роде вам это уже удалось, – заметил Ним.

– Чепуха! Мы лишь в самом начале пути. Но даже то малое, чего мы достигли, будет перечеркнуто, если мы позволим обмануть себя, поверив таким вот прагматикам, как вы.

– Единственное, к чему я вас призываю, так это к умеренности.

– То, что вы именуете умеренностью, я считаю шагом назад. А такой шаг – это, по сути, предательство по отношению ко всему живому на Земле.

Теперь Ним даже не пытался скрыть своего раздражения.

– Как вы думаете, что произойдет со всем этим вашим «живым», если, как я уже изложил выше, электричества будет все меньше и меньше?

– Возможно, всем нам покажется неожиданным утверждение, что позитивного в нас больше, чем вы думаете, – спокойно парировала Лаура. – И, что еще важнее, императив продвижения по пути цивилизации – это отказ от безумного расточительства и растрачивания богатства; стремление к преодолению алчности и утверждению менее материалистического образа жизни, что было бы благом для всех нас. – Лаура замолчала, словно взвешивая свои слова, и затем продолжила: – Мы долго жили по принципу, что экспансия – это хорошо, что понятие «больше» – это всегда лучше, а количественность – это мощь. Людям заморочили мозги этой идеей, и они в нее уверовали. Поэтому они боготворят валовой национальный продукт – ВВП – и полную занятость, не замечая, что этот продукт, эта занятость губят нас и отрав-

ляют наше сознание. На месте того, что когда-то было Америкой Прекрасной, мы сотворили отвратительный и уродливый пустырь из бетона: когда-то чистый воздух мы отравили пеплом и кислотами, разрушая природную среду, делая ее враждебной человеку, животному и растительному миру. Прозрачные реки мы превратили в вонючие клоаки, замечательные озера – в мусорные свалки. А теперь вместе со всем остальным миром мы загрязняем моря химикатами и нефтью. Катастрофа приближается с каждым шагом. Сейчас такие, как вы, стали призывать всех к умеренности. Вот ваши аргументы: «В этот раз мы действительно отравим не много рыбы», «Мы погубим не всю растительность» или «Красота природы почти не пострадает».

Что ж, некоторым из нас слишком часто доводилось все это видеть, чтобы снова поверить таким сказкам. Поэтому мы посвятили себя спасению того, что еще осталось. Мы убеждены, что в этом мире есть вещи, более важные, чем ВВП и полная занятость, и одна из них – защита чистоты и красоты окружающего мира и бережное сохранение хотя бы части природных ресурсов для еще не родившихся поколений. Вот почему клуб «Секвойя» намерен бороться с проектом «Тунипа», и с вашей гидроаккумулирующей электростанцией в Дэвил-Гейте, и геотермальной в Финкасле. Более того, мы победим.

– Я согласен кое с чем из сказанного вами, – признался Ним. – И вы знаете это, потому что мы не раз обсуждали эти темы. Однако ваша ошибка в том, что, возомнив себя Иисусом, Мохаммедом и Буддой одновременно, вы набрасываетесь на любое мнение, отличное от вашего. Лаура, вы лишь частица маленькой группы, считающей или воображающей, будто она лучше всех знает, что кому нужно. Вам начхать на практические потребности общества и на всех нас. При этом вы ведете себя как избалованный ребенок. В конце концов вы всех нас подведете под монастырь.

– Мне кажется, нам не о чем больше говорить, – холодно бросила Лаура Бо Кармайл. Подозвав официанта, она попросила, чтобы тот принес два отдельных счета.

Глава 13

Ардит Тэлбот прошла вместе с Нимом в гостиную.

– Я уж думала, ты никогда больше не позвонишь, – сказала она. – Решила, пройдет еще день-другой и я наберу твой номер.

– У нас появились новые проблемы, поэтому обо всем другом пришлось забыть, – объяснил ей Ним. – Думаю, ты знаешь, о чем идет речь.

Наступал вечер. Ним заехал к Ардит, как бы оправдываясь перед собой, «по пути домой». В этот день, испытывая тягостное впечатление от встречи с Лаурой Бо Кармайл и упрекая себя за неспособность хоть в чем-то переубедить ее, он поддался внезапно нахлынувшему желанию позвонить Ардит. Как Ним и ожидал, она по-дружески тепло отреагировала на его звонок.

– Я чувствую себя одиноко, – призналась она, – и мне хотелось бы с тобой увидеться. Пожалуйста, заезжай ко мне после работы, выпьем немного.

Несколько минут спустя Ним уже был на месте. Ему сразу стало ясно, что выпивкой дело не ограничится. Она встретила его объятиями и поцелуями. Ним не больно-то противился возможному продолжению событий, но за выпивкой завязался разговор.

– Да, я в курсе того, что произошло, – сказала Ардит. – Неужели весь мир сошел с ума?

– Мне кажется, так было всегда. Только это острее воспринимается, когда затрагивает тебя самого.

Ним подумал, что сегодня Ардит явно в лучшей форме, чем в тот скорбный день примерно месяц назад, когда узнала о смерти Уолтера. На похоронах – тогда они виделись в последний раз – она запомнилась ему опустошенной и постаревшей. Между тем – и это бросалось в глаза – Ардит снова стала жизнерадостной и привлекательной женщиной. Ее лицо, руки и ноги, покрытые загаром, ладное тело под легким облегающим платьем из хлопка снова

напомнили ему о возникшем тогда в них обоих желании. Когда-то, уже много лет назад, ему попалась на глаза книга «Похвальное слово старушкам». И хотя, кроме названия, он уже ничего больше не помнил, сейчас до него дошло то, что автор имел в виду.

– Уолтер всегда считал, – сказала Ардит, – что все происходящее в мире – войны, бомбардировки, загрязнение окружающей среды и все прочее, – это лишь необходимая составная часть природного баланса. Он когда-нибудь говорил с тобой об этом?

Ним только покачал головой. Хотя он поддерживал дружеские отношения с покойным главным инженером, их разговоры обычно касались чисто практических, реже – философских вопросов.

– Как правило, Уолтер держал такие мысли при себе, – сказала Ардит. – Хотя со мной он иногда ими делился. Он любил повторять: «Люди считают, что человек властен над настоящим и будущим, на самом деле это не так». И еще: «Свобода воли – это заблуждение; развратный характер человека – всего лишь еще один инструмент поддержания баланса природы». Уолтер считал, что даже войны и заболевания имеют свое предназначение в природе – сдерживать рост населения в разумных пределах. Однажды он сказал: «Люди как лемминги, которые сначала чрезмерно размножаются, а потом забираются на скалы, чтобы совершить самоубийство. Между ними одно отличие – люди проделывают это более изощренно».

Ним был поражен. Хотя Ардит и не удалось воспроизвести шотландский говор Уолтера Тэлбота, он реально предстал перед Нимом как живой, глубокомысленный и в меру циничный человек. Станным показалось и то, что Уолтер так откровенничал с Ардит, в которой Ним никогда не видел крупного мыслителя. Или ничего удивительного в этом нет? А может быть, размышлял Ним, до его сознания дошли какие-то глубинные тайны брака, всегда остававшиеся для него скрытыми за семью печатями.

Интересно, как Лаура Бо Кармайкл отреагировала бы на убеждение Уолтера в том, что загрязнение окружающей среды является необходимым элементом природного равновесия и крохотным винтиком в никем не познанном глобальном замысле. Вспоминая свои собственные недавние духовные терзания, он спросил Ардит:

– Ставил ли Уолтер равновесие в природе на одну доску с Богом?

– Нет, он всегда полагал, что это чересчур просто, слишком уж элементарное истолкование. Он говорил, что Бог – творение человеческое, соломинка, за которую ухватились скудоумные создания, страшющиеся тьмы... – Вдруг голос у Ардит сел, и Ним увидел, как по ее щекам покатились слезы. Она смахнула их. – Вечером я особенно скучаю по Уолтеру. Ведь в это время мы обычно вели всякие беседы.

На мгновение между ними возникла какая-то неловкость. Затем Ардит твердым голосом сказала:

– Все, нельзя раскисать.

Она придвинулась к Ниму, и он ощутил уже знакомый аромат духов. Ардит выдавила из себя какое-то подобие улыбки.

– Мне кажется, весь этот разговор о природе утомил меня.

Потом, когда они потянулись друг к другу, она едва слышно проговорила:

– Люби меня, Ним! Ты нужен мне больше, чем когда-либо.

Он крепко сжал ее в своих объятиях, и они стали страстно целоваться. Губы Ардит были влажными и податливыми. Она стонала от удовольствия, когда оба руками изучали друг друга, вспоминая, как все это было в прошлый раз. Распалившись от нахлынувшей страсти, он прошептал ей:

– Не так быстро! Подожди!

– Можно пройти в спальню. Так будет лучше.

Он чувствовал, как она трепещет.

Обнявшись, они поднялись по лестнице. В доме царила тишина, слышался только звук их шагов. Спальня Ардит находилась в конце короткого коридора, дверь была распахнута. Ним заметил, что с кровати были сняты одеяло и покрывало. Значит, Ардит все уже подготовила. Он вспомнил из давнего разговора, что у Ардит и Уолтера были отдельные спальни. И хотя сейчас их уже не сдерживали никакие препятствия, как месяц назад, он обрадовался, что они не окажутся в постели Уолтера. Он помог Ардит снять тесно обтягивающее платье, которое ему так нравилось, и быстро сбросил с себя одежду. Они вместе опустились на кровать, мягкую и прохладную.

– Ты была права, – довольно пробормотал он. – Здесь лучше.

Когда он полностью овладел ею, она подалась вперед и вскрикнула от наслаждения. Через несколько минут, приходя в себя от испытанного удовольствия, они еще какое-то время лежали рядом друг с другом. И Ниму припомнилась брошенная кем-то фраза о том, что половой акт опустошает и угнетает некоторых мужчин, вызывая удивление: мол, зачем терпеть все предшествующие ему неудобства. С Нимом же все было по-другому – он, как всегда, ощущал в себе легкость и обновленность. Ардит произнесла с теплотой в голосе:

– Ты такой милый и нежный. Может, останешься на всю ночь?

В ответ Ним покачала головой:

– Как-нибудь в другой раз.

– Наверное, мне не надо было задавать этот вопрос. – Ардит провела пальцем по его лицу, по линии губ. – Обещаю, не буду к тебе приставать, Ним. И не стану тебя тормозить. Просто появляйся здесь, когда сможешь.

Ним обещал заглядывать к ней, хотя не понимал, как это возможно при такой загруженности работой и всяких сложностях, которых с каждым днем только прибавлялось.

Когда они уже одевались, Ардит сказала:

– Я тут просматривала бумаги Уолтера и хочу кое-что тебе передать! Эти бумаги он принес домой из офиса. Их надо вернуть.

– Разумеется, я их заберу, – согласился Ним.

Ардит провела Нима в кабинет Уолтера. Документы были сложены в трех картонных коробках. Это были разные служебные отчеты и письма по профилю работы Уолтера. Ним раскрыл две из них и, пока Ардит готовила кофе на кухне, перелистал бумаги. От кофе он отказался.

Многие бумаги уже устарели и никакой ценности не представляли. В одной из папок были копии доклада Уолтера касательно краж электроэнергии. В свое время этот доклад привлек к себе пристальное внимание деловых людей, в том числе за пределами компании «ГСП энд Л». В результате за Уолтером утвердилось престижное звание эксперта. Однажды на Востоке даже проходил судебный процесс, в рамках которого он выступал как эксперт-свидетель. В качестве доказательства фигурировала часть его доклада. Впоследствии это дело, а вместе с ним и доклад, оказалось на рассмотрении судов более высокой инстанции.

Ним запомнил, чем кончилась эта история, впрочем, сейчас это уже не имело никакого значения.

Ним пробежал глазами другие письма, потом сложил их в папки и закрыл коробки. Затем он вынес их в холл, чтобы не забыть захватить с собой в машину.

Глава 14

Земля под ногами дрожала. Оглушительный рев, как при одновременном взлете нескольких реактивных самолетов, сотрясал тишину. Широкая струя пара рвалась в небо. Словно спасаясь от нагрянувшего бедствия, группа людей на возвышении инстинктивно зажала уши руками. Некоторыми из них овладел страх.

Тереза ван Бэрен, вытащив на мгновение беруши, кричала, чтобы группа вернулась в автобус, который и привез их сюда. Однако никто не мог разобрать ее слова, хотя их смысл всем был ясен. Около двадцати мужчин и женщин бросились к припаркованному рядом автобусу с кондиционером и плотно закрывающимися дверями. Здесь оглушительный рев пара уже не казался таким устрашающим.

– Боже праведный! – возмущался кто-то из группы. – Это что еще за шуточки! Если бы я здесь оглох, то подал бы в суд на эту чертову компанию.

Тереза ван Бэрен спросила:

– Что вы сказали?

– Я сказал, что если бы я оглох...

– Я поняла, – прервала его Тереза. – До меня это дошло с первого раза. Просто хотела убедиться, что вы не оглохли.

Кое-кто рассмеялся.

– Клянусь вам, – проговорила, обращаясь к группе журналистов, директор по связям с общественностью компании «ГСП энд Л», – я и понятия не имела, что нас здесь ожидает. Но теперь-то ясно, нам просто повезло. Ребята, вам выпало счастье увидеть запуск новой геотермальной станции. – Она произнесла эти слова с таким энтузиазмом, словно ей посчастливилось открыть новую нефтяную скважину в Техасе.

Сквозь окна все еще неподвижного автобуса она разглядывала буровую установку, когда началось незапланированное извержение. Внешне установка напоминала обычный агрегат, используемый на нефтяных месторождениях. Мобильный по своей конструкции, он в любой момент мог быть переоборудован в нефтяную вышку. Как и Тереза ван Бэрен, все буровики в защитных касках, обступившие установку, ликовали.

Неподалеку были разбросаны и другие геотермальные скважины. Вырывавшийся из них под собственным давлением пар поступал в огромные трубы. Их переплетение над землей, словно чудовищная паутина, вытянувшаяся на несколько квадратных миль, перебрасывало пар в турбогенераторы, сосредоточенные в десятке отдельных строений, разбросанных на холмах. Суммарная мощность этих генераторов в данный момент составляла более семисот тысяч киловатт, что было более чем достаточно для обеспечения электроэнергией крупного города. Новая скважина была призвана умножить имеющийся запас мощности.

Находясь в автобусе, ван Бэрен заметила телеоператора, менявшего пленку.

– Вы засняли, как все это произошло?

– Еще бы! – В отличие от репортера из какой-то занюханной провинциальной газетенки (он только что жаловался на нестерпимый свист вырывавшегося из скважины пара) телеоператор выглядел вполне довольным. Закончив перезарядку камеры, он обратился к Терезе:

– Попросите водителя открыть дверь. Мне хочется снять с другой точки.

Когда он вышел, в автобусе запахло сероводородом, напоминавшим тухлые яйца.

– Ну и вонища, Мигауд! – Нэнси Молино из «Калифорния экзэминер» наморщила хорошенький носик.

– На европейских курортах, – заметил средних лет журналист из «Лос-Анджелес таймс», – за такой запашок вам бы пришлось еще заплатить.

– А если вы это напечатаете, – обратилась к нему ван Бэрен, – мы выьем ваше высказывание на камне и дважды в день будем отдавать ему честь.

Группа журналистов отправилась сюда из города рано утром и только теперь оказалась в гористой местности калифорнийского округа Севилла, где располагались геотермальные энергоустановки компании «Голден стейт пауэр энд лайт». Затем они собирались отправиться в соседнюю долину Финкасл, где предполагалось возведение еще одного геотермального энергокомплекса. На завтра же было запланировано посещение этой группой гидроэлектростанции и намеченной стройплощадки для еще одной.

Оба объекта вскоре должны были стать предметом публичных слушаний. Таким образом, этой двухдневной экскурсии отводилась роль ознакомления СМИ с деятельностью компании.

– Кстати, о запахе, – продолжала директор по связям с общественностью. – Сероводород содержится в паре в очень ограниченном количестве, недостаточном, чтобы сделать его токсичным. Однако к нам поступают жалобы, в основном от владельцев недвижимости, собирающихся продавать землю в этих краях для строительства курортов. Можно лишь отметить, что запах сероводорода присутствовал здесь всегда, поскольку пар просачивался из-под земли еще до того, как мы решили использовать его для производства электроэнергии. И еще одно обстоятельство. Старожилы говорят, что сейчас запах несколько не сильнее, чем прежде.

– И вы это можете доказать? – спросил репортер из «Сен-Джо меркьюри».

Ван Бэрен покачала головой:

– К сожалению, никому не пришло в голову взять пробы воздуха до бурения. Поэтому мы не сможем сравнить «до» и «после». Вот критики нас и атакуют.

– И наверное, правильно делают, – заметил журналист из «Сен-Джо меркьюри» с желчью в голосе. – Всем известно, что такие гиганты, как «Голден стейт пауэр», постоянно врут.

– Я принимаю это замечание как шутку, – проговорила директор по связям с общественностью. – Но одно верно. Мы стараемся быть предупредительными к нашим критикам.

– Приведите хоть один пример такого рода, – раздался чей-то скептический голос.

– Да вот хотя бы этот. С тем же запахом. Из-за возражений, о которых я вам говорила, мы разместили две недавно построенные электростанции на холмах. Там дуют сильные ветры, которые быстро разгоняют все запахи.

– Так что же случилось? – спросила Нэнси Молино.

– Еще больше прибавилось жалоб от экологов, утверждающих, что мы нарушаем линию горизонта.

В ответ раздался негромкий смех, один или два журналиста что-то записывали в блокноты.

– У нас была еще одна невыигрышная ситуация, – сказала ван Бэрен. – «ГСП энд Л» сняла фильм о нашем геотермальном генерирующем потенциале. Когда приступали к съемкам, сценарием предусматривался рассказ об охотнике по имени Уильям, открывшем эти места в 1847 году. Он подстрелил здесь медведя-гризли и наткнулся на вырывающиеся из-под земли струи пара. Ну и что же, защитники дикой природы прочли сценарий и высказались против того, чтобы показывать охоту на гризли, ибо сейчас в этой местности медведи находятся под охраной. Так вот... сценарий пришлось переделать. В фильме охотник стреляет мимо цели, и медведь убегает.

Корреспондент радио, записывавший все на пленку, спросил:

– Ну и что тут такого?

– Потомки Уильяма Эллиота угрожали подать на нас в суд. Они говорили, что их предок был известным охотником и метким стрелком. Он не дал бы гризли убежать. Таким образом, фильм нанес ущерб его собственной репутации и его семье.

– Я помню эту историю, – закивал газетчик из «Лос-Анджелес таймс».

Ван Бэрен добавила:

– Дело здесь вот в чем. Каждый раз, когда мы запускаем какой-нибудь проект, можно не сомневаться, что нас обязательно пнут справа или слева, а то и с обеих сторон.

– Вам хочется, чтобы мы прослезились прямо сейчас? Или чуточку повременить? – съязвила Нэнси Молино.

Телеоператор постучал в дверь автобуса, и водитель его впустил.

– Если все готовы, можем ехать на обед, – предложила ван Бэрен. И дала знак водителю: – Поехали.

– Как насчет выпивки, Тесс? – поинтересовался очеркист из журнала «Нью Уэст».

– Не исключено. Если никто не против. Но это не для печати. – Она окинула их испытующим взглядом.

– О'кей, не для печати, договорились, – раздалось со всех сторон.

– В таком случае спиртное будет подано в первую очередь.

Только двое или трое в автобусе заплотировали.

У этого оживленного обмена мнениями была своя предыстория.

Два года назад «ГСП энд Л» щедро кормила и поила газетчиков при подобном же информационном туре. Представители журналистской братии наслаждались едой и спиртными напитками, а потом в своих материалах некоторые из них пеняли «ГСП энд Л» за чрезмерную расточительность на фоне повышения тарифов за коммунальные услуги. С тех пор представителям прессы выпадало более чем скромное угощение, а в спиртном отказывали до получения заверения «не для печати».

Такая стратегия в общем-то себя оправдала. С какой бы критикой отныне ни выступали СМИ, уровень банкетов в их честь перестал быть предметом для обсуждения.

Автобус проехал почти милю по территории геотермального комплекса, не без труда пробираясь по суженным участкам неровной дороги между скважинами и строениями для энергоагрегатов в бесконечном лабиринте шипящих паропроводных труб. Машин вокруг было не так уж много. Из-за опасности, связанной с горячим паром, посторонние на территорию не допускались, а всех посетителей в обязательном порядке сопровождали сотрудники компании.

В одном месте автобус проехал мимо площадки с огромными трансформаторами. По построенным в горах высоковольтным линиям электроэнергия доставлялась на трансформаторные подстанции в сорока милях отсюда. Там она вливалась в основную энергосистему «Голден стейт пауэр энд лайт».

На небольшой асфальтированной площадке располагались фургоны для жилья, служившие офисами, и жилые постройки для бригад рабочих. Между ними и остановился автобус. Тереза ван Бэрен направилась к одному фургону, где для приема гостей накрыли чертежные столы.

– Давай, выпускай тигра из клетки, – скомандовала она помощнику по кухне в белом халате. Он достал ключ и открыл стенной шкаф с ликерами, винами и крепкими напитками. Потом принесли ведро со льдом.

– Приступайте, господа, у нас самообслуживание, – произнесла директор по связям с общественностью.

Большинство присутствующих пили уже по второй, когда сверху донесся нарастающий звук авиационного двигателя. Из окошек фургона некоторые увидели снижающийся вертолет, раскрашенный в традиционные бело-оранжевые цвета с эмблемой компании «ГСП энд Л». Он быстро приземлился, винты замедлили вращение и замерли. Передняя дверца вертолета открылась, и из него вылез Ним Голдман.

Через несколько секунд он уже присоединился к журналистской братии в фургоне.

– Думаю, большинство из вас знакомы с мистером Голдманом. Он прилетел сюда, чтобы ответить на ваши вопросы, – объявила Тереза ван Бэрен.

– Позвольте, я буду первый, – весело проговорил телекорреспондент. – Не желаете выпить?

Ним усмехнулся:

– Спасибо. Пожалуй, водку с тоником.

– Надо же! Такая важная особа, как вы, прилетает на вертолете, а вот остальные тащатся на автобусе.

Ним настороженно оглядел молодую привлекательную негритянку. Он хорошо запомнил их предыдущую встречу и стычку. Тереза ван Бэрен считала мисс Молино прекрасной журналисткой, а Ним – сучкой.

– Если это вам интересно, – объяснил он, – у меня утром были другие дела, поэтому я позже вас отправился сюда таким способом.

Нэнси Молино была неудержима.

– Все ли руководящие лица компании могут пользоваться вертолетом, когда им хочется?

– Нэнси, – осадила журналистку Тереза, – тебе же хорошо известно, что нет!

– Наша компания, – заметил Ним, – располагает полдюжиной небольших самолетов и двумя вертолетами. Они используются главным образом для облета линий электропередачи, отслеживания уровня снежного покрова в горах, срочных поставок и в других ситуациях. Редко, я подчеркиваю, весьма редко к этому прибегают ответственные работники компании, но на то должны быть серьезные основания. Мне сказали, что эта встреча с прессой относится к таковому.

– То есть сейчас вы в этом не совсем уверены?

– Поскольку вы задаете такой вопрос, мисс Молино, – холодно проговорил Ним, – должен признаться, что у меня на этот счет есть сомнения.

– Нэнси, перестань! – раздался сзади чей-то голос. – Остальных это совсем не интересует.

Мисс Молино повернулась к своим коллегам:

– А вот меня интересует. Меня волнует, на что тратятся общественные деньги. Думаю, что и вас это не может не интересовать.

– Цель нашего пребывания здесь, – напомнила всем ван Бэрэн, – ознакомиться с нашими геотермальными станциями и поговорить о...

– Нет! – отреагировала мисс Молино. – Это ваша цель. У прессы же свои цели, которые в какой-то мере могут совпадать с вашими. А еще кое-что из увиденного и услышанного нами мы выбираем, чтобы об этом написать.

– Между прочим, она права, – прокомментировал тихий журналист в очках без оправы, представлявший газету «Сакраменто би».

– Тесс, – обратился Ним к ван Бэрэн, потягивая водку с тоником, – сейчас мне подумалось, что все-таки моя работа предпочтительнее вашей.

Кое-кто из присутствующих рассмеялся, а директор по связям с общественностью пожал плечами.

– Если у вас, случайно, не пропала охота отвечать на вопросы, – сказала Нэнси Молино, – мне хотелось бы знать, сколько стоит эта чудо-соковыжималка и во сколько обходится один час ее эксплуатации.

– Я наведу справки, – ответила ей ван Бэрэн, – и если имеются конкретные данные, которые мы решим обнародовать, мы объявим завтра же. Ну а если выяснится, что данный вопрос относится исключительно к внутренней компетенции компании, а не к вашей, я все равно скрывать этого не стану.

– В таком случае, – невозмутимо проговорила мисс Молино, – я постараюсь раздобыть их где-нибудь еще.

Пока продолжалась эта перебранка, принесли еду – вместительное блюдо горячих пирожков с мясом и большие глиняные тарелки с картофельным пюре и цуккини. В двух фарфоровых кувшинах плескалась аппетитная подливка.

– А ну, налетай! – скомандовала Тереза ван Бэрэн. – Еда хоть и из спального фургона, но все равно хороша даже для гурманов.

Пока группа, у которой под влиянием горного воздуха разгулялся аппетит, налегала на предложенные яства, напряженность предыдущего момента постепенно сгладилась. После первого блюда на стол подали полдюжины свежее испеченных пирогов с яблоками, появились галлон мороженого и еще несколько кофейников с крепким кофе.

– Я насытился, – проговорил журналист, представлявший «Лос-Анджелес таймс». Он откинулся от стола и, похлопывая себя по животу, вздохнул: – Тесс, давайте лучше поговорим немного о делах, пока мы не уснули.

Телерепортер, сделавший коктейль Ниму, теперь спросил его:

– И на сколько лет хватит этих гейзеров?

Ним, проявлявший сдержанность в еде, сделал последний глоток черного кофе без сахара, после чего отодвинул чашку.

– Я обязательно отвечу на этот вопрос, но вначале давайте кое-что проясним. Сейчас мы с вами сидим не на гейзерах, а на фумаролах. Гейзеры выбрасывают горячую воду с паром, а фумаролы – только пар, что для вращения турбин предпочтительнее. А что касается того, насколько хватит пара, никто этого не знает. Поэтому остается только гадать.

– Ну так погадайте, – сказала Нэнси Молино.

– Минимум тридцать лет. Может, вдвое больше. А может, и еще больше.

Журналист из «Нью Уэст» поинтересовался:

– Скажите, что за чертовщина творится под нами в этом безумном чайнике?

Ним кивнул.

– Когда-то Земля представляла собой расплавленную массу: газообразную и жидкую. Когда она остыла, сформировалась кора, которая и не позволяет нам поджариться. Ниже, примерно на двадцать миль вглубь, так же чертовски горячо, как и прежде, и это остаточное тепло выбрасывает пар через тонкие щели в коре. Как в этой местности.

– Насколько же они тонки? – спросил журналист из «Сакраменто би».

– Сейчас мы предположительно на пять миль выше горячей массы. В этих пяти милях немало устремленных к поверхности трещин, в которых сосредоточена основная масса пара. И вот когда мы бурим скважину, стараемся попасть в эту трещину.

– В скольких еще местах производят электроэнергию таким образом?

– В очень немногих. Старейшая геотермальная станция находится в Италии, недалеко от Флоренции. Еще одна – в Новой Зеландии, в Вайракее, а остальные – в Японии, Исландии, России. Но по масштабам источника все они уступают Калифорнии.

– Правда, еще много потенциальных, – подключилась к разговору ван Бэрэн. – Особенно в нашей стране.

– И где же они расположены? – поинтересовался журналист из «Окленд трибюн».

– По всей западной части США, – ответил Ним. – От Скалистых гор до Тихого океана.

– К тому же это одна из наиболее чистых и безопасных форм энергии, – добавила ван Бэрэн. – И если иметь в виду нынешние цены – дешевая.

– Вашими бы устами да мед пить, – заметила Нэнси Молино. – Ну да ладно, и все же еще два вопроса. Первый. Тесс употребила сейчас слово «безопасный». Но ведь здесь не обошлось без аварий. Не так ли?

Теперь уже все репортеры словно в один миг очнулись – большинство из них что-то записывали в блокноты или включили свои диктофоны.

– Это верно, – признал Ним. – В течение трех лет произошли две серьезные аварии. Каждый раз взрывались скважины. Там пар вышел из-под контроля. Одну скважину мы заглушили. С другой – ее назвали Старый Сорванец – так до сих пор и не удалось полностью справиться. Она вон там. – Он подошел к окну фургона и указал на огороженную зону в четверти мили отсюда.

За оградой из дюжины мест вместе с булькающей грязью то и дело вырывались клубы пара. На ограде огромными красными буквами было написано: «Очень опасно! Приближаться строго воспрещается». Все подошли к окну, вытянув шеи, чтобы лучше увидеть, потом вернулись на свои места.

– Когда рванул Старый Сорванец, – продолжал Ним, – в радиусе одной мили разлеталась горячая грязь и, напоминая град, сыпались осколки породы. Ущерб был огромный. Жижя облепила линии электропередачи и трансформаторы, вызвав всеобщее замыкание. На целую неделю все было парализовано. К счастью, это произошло ночью, когда работали лишь немногие, поэтому только двое были ранены и никто не погиб. Второй выброс случился на другой скважине, он оказался не таким интенсивным. Тоже обошлось без жертв.

– А если Старый Сорванец снова рванет? – попытывался репортер из какой-то провинциальной газеты.

– Думаю, этого не произойдет. Впрочем, как и во всем, что связано с природой, гарантии никто дать не может.

– Дело в том, – гнула свою линию Нэнси Молино, – что тем не менее аварии происходят.

– Аварии случаются везде, – резко ответил Ним. – Тесс ведь правильно заметила, что их процент невелик. Пожалуйста, ваш второй вопрос.

– Вот он: если допустить, что сказанное вами обоими правда, почему же тогда геотермальные станции не получили широкого распространения?

– Объяснение будет простое, – вызвался ответить репортер из «Нью Уэст». – Они обвинят во всем экологистов.

Ним среагировал мгновенно.

– Совсем не так! Конечно, у «Голден стейт пауэр энд лайт» были разногласия с экологистами и наверняка еще будут. Но вина за недостаточно интенсивное освоение геотермальных ресурсов ложится на политиков, особенно на конгресс США.

Ван Бэрен попыталась остановить Нима взглядом, но он его проигнорировал.

– Погодите! – воскликнул один из телевизионщиков. – Мне хотелось бы снять это на пленку. Могли бы вы повторить свои слова снаружи, перед камерой?

– Да, – согласился Ним, – повторю.

– О боже, – запротестовал репортер из «Окленд трибюн». – Он будет снимать, а нас, настоящих пишущих репортеров, рассадят вокруг в качестве декорации. Давайте покончим с этим и перейдем к делу!

Ним кивнул.

– Основная часть земли, с которой давно уже следовало бы разобраться на предмет ее геотермального потенциала, находится в собственности федерального правительства.

– В каких штатах? – спросил кто-то.

– В Орегоне, Айдахо, Монтане, Неваде, Юте, Колорадо, Аризоне, Нью-Мексико. И еще много участков в Калифорнии.

– Продолжайте! – раздался чей-то голос.

Уткнувшись в свои блокноты, все заработали ручками.

– Итак, – сказал Ним, – целых десять лет конгресс ничего не делал, сплошная говорильня и политиканство, прежде чем наконец-то был принят закон, разрешающий аренду государственных земель с геотермальным потенциалом. После этого еще три года ушло на составление правил и стандартов по защите окружающей среды. Но и сейчас в аренду предоставлено несколько участков, в то время как девяносто процентов запросов так и сгинули в недрах бюрократии.

– Не желаете ли вы сказать, – предположил репортер из «Сен-Джо меркьюри», – что все это время наши политики-патриоты занимались исключительно тем, что призывали людей экономить электроэнергию, платить более высокие цены за топливо и налоги, а также меньше зависеть от импорта нефти?

– Пусть *он* скажет это. Мне нужна точная цитата, – проворчал корреспондент «Лос-Анджелес таймс».

– Вы получите ее, – успокоил его Ним. – Я подтверждаю только что сказанное.

Тереза ван Бэрен твердой рукой пресекла разговор.

– Этого достаточно! Настало время поговорить о долине Финкасл. Мы отправимся туда, как только закончим обед.

Ним ухмыльнулся:

– Тесс пытается избавить меня от осложнений, правда, не всегда ей это удастся. Кстати сказать, вертолет скоро улетает. Я остаюсь с вами до утра. О'кей, нас ждет Финкасл. – Он достал из кейса карту и прицепил ее скрепкой к доске информации.

– Финкасл, как видно на карте, – это две долины к востоку отсюда. Это необжитая земля, и нам известно, что здесь имеются геотермальные источники. По мнению геологов, в Финкасле благодаря особым природным условиям можно будет вырабатывать электроэнергию в два раза больше, чем здесь. Уже в ближайшее время естественно ожидать проведения публичных слушаний по нашим планам в Финкасле.

– Можно мне? – спросила ван Бэрен.

Ним сделал шаг назад и замолк.

– Давайте скажем четко и внятно вот о чем, – заметила директор по связям с общественностью, адресуясь к журналистам. – Накануне слушаний мы не собираемся давить на вас, чтобы приглушить оппозицию. Мы просто хотим, чтобы вам было ясно, о чем и о каких географических местах идет речь. Спасибо, Ним.

– Видимо, самое главное, – подхватил Ним, – что нужно знать о Финкасле, а также о Дэвил-Гейте, где вы окажетесь завтра, – это то, что скрытая в их недрах энергия заменит Ниагару арабской нефти, которую Америке сейчас приходится импортировать. Уже сейчас наш геотермальный комплекс сберегает десять миллионов баррелей нефти в год. Мы сможем утроить эти показатели, если...

Брифинг, в котором серьезные вещи перемежались шутками, продолжился.

Глава 15

На бледно-голубом конверте был обозначен напечатанный на машинке адрес: Нимроду Голдману, эсквайру. Лично.

К конверту была прикреплена записка от секретарши Нима Вики Дэвис. В ней говорилось: «Мистер Лондон собственноручно проверил конверт на металлодетекторе в почтовой комнате. Он говорит, что вы без опасений можете его открыть».

Записка Вики внушала уверенность. Это означало, что корреспонденция, поступающая в штаб-квартиру «ГСП энд Л» с пометкой «лично» (или «лично и конфиденциально», как были помечены письма-бомбы), прошла тщательную проверку на недавно установленном детекторе.

Между тем Ниму стало известно еще кое-что: начиная с того драматического дня, когда Гарри Лондон спас практически от верной гибели Нима и Вики Дэвис, он, по сути дела, стал постоянным покровителем Нима. Вики, для которой теперь руководитель отдела по охране собственности стал объектом прямо-таки обожания, сотрудничала с ним, заранее информируя его о каждодневных деловых встречах и поездках Нима. Он узнал об этом совершенно случайно и никак не мог решить для себя, благодарить за это Вики, злиться на нее или удивляться.

«Как бы то ни было, – размышлял он, – но сейчас я недосыгаю для разведки Гарри».

Ним, Тереза ван Бэрен и группа репортеров провели последний вечер на «отшибе» компании «Голден стейт пауэр энд лайт» – в лагере Дэвил-Гейт, куда они приехали автобусом из долины Финкасл. Путешествие заняло четыре часа, причем некоторое время они ехали по территории неповторимого по своей красоте национального заповедника «Плумас». Затерявшись среди неровных складок гор, лагерь находился в тридцати пяти милях от ближайшего городка. Он состоял из полудюжины домиков, предназначенных для работающих здесь инженеров, техников и их семей, небольшой школы, закрытой сейчас на летние каникулы, и двух напоминав-

ших мотель жилых домиков – один для работников «ГСП энд Л», а второй для заезжающих сюда гостей. Высоко над головами на стальных решетчатых опорах тянулись высоковольтные линии электропередачи – напоминание о цели проживания тут маленького сообщества людей.

Журналистскую компанию разделили по половому признаку и разместили в домике для гостей по четыре человека в комнате, каждая из которых оказалась просторной и вполне удобной. Вместе с тем кое-кто выразил легкое недовольство размещением в одной комнате по четверо, исключавшим непринужденное продолжение вечерней программы.

Ним выбрал себе одноместную комнату в домике для сотрудников компании. После ужина он остался выпить с несколькими журналистами, пару часов поиграл в покер, потом извинился и незадолго до полуночи ушел к себе. Наутро он проснулся отдохнувшим и был уже готов позавтракать через несколько минут, в половине восьмого.

На веранде домика для сотрудников, на свежем утреннем воздухе он крутил в руке голубой конверт. Его доставил курьер компании, ехавший всю ночь, как современный Пол Ревир⁴, в Дэвил-Гейт и другие отдаленные пункты «ГСП энд Л». Все они входили во внутреннюю систему связи компании, так что адресованное Ниму письмо не было лишним бременем для почты. Тем не менее, подумалось ему, если бы Нэнси Молино узнала, что личное письмо доставляется таким способом, эту язвительную суку снова бы прорвало. К счастью, она ничего не пронюхала.

Неприятное воспоминание о Молино было связано с тем, что несколько минут назад Тереза ван Бэрэн, передавая Ниму письмо, сказала, что тоже получила кое-что. Это была информация, которую она запросила вчера о стоимости вертолета. Ним кипел от негодования.

– Ты что же, и в самом деле готова помочь этой шлюхе поливать нас грязью?

– Обзывая ее, ты ничего не добьешься, – терпеливо объяснила ван Бэрэн и затем добавила: – Иногда вы, руководящие особы, не понимаете, что такое «связи с общественностью».

– Если именно этот случай является примером такого непонимания, ты чертовски права!

– Видите ли, мы не сможем перетянуть их всех на свою сторону. Должна признаться, вчера Нэнси тоже здорово достала меня, но когда я поразмыслила, то поняла, что она в любом случае будет писать об этом вертолете, что бы мы ни думали и ни говорили на данную тему. Поэтому я и хочу дать ей точные цифры, ведь если она добудет их где-нибудь еще или же займется предположениями, возникнет общая искаженная картина с тенденцией к преувеличению. И вот еще что. Сегодня я буду честна с Нэнси, и она в этом убедится. В будущем, когда случится что-то подобное, она мне поверит, а это может оказаться крайне важным.

– Наверяд ли стоит ждать, – с сарказмом заметил Ним, – что эта ядовитая змея напишет что-либо благоприятное.

– Увидимся за завтраком, – сказала, уходя, директор по связям с общественностью. – А еще сделайте самому себе одолжение, остыньте.

Но он не успокоился. У него все еще кипело внутри, когда он разрывал голубой конверт. В нем лежал листок бумаги, такой же голубой, как и конверт. Сверху было напечатано: «От Карен Слоун».

Вдруг он вспомнил. Карен говорила: «Иногда я пишу стихи. Хотите, я пришлю вам что-нибудь?» И Ним ответил: «Разумеется».

Слова были аккуратно напечатаны.

Сегодня друга я нашла.

А может, он меня...

А если это вдруг судьба,

⁴ Пол Ревир (1735–1818) – участник Войны за независимость. Прославился тем, что предупредил восставших ополченцев в Лексингтоне о готовящемся нападении англичан. Этому событию посвящена баллада Г. Лонгфелло «Скачка Пола Ревира».

Удача или так сошлось,
Так предопределилось.
Название тому не так уж важно.
А может, мы как две планеты
Во Вселенной,
Орбиты коих вдруг пересеклись
В искомый час и вовсе не случайно?
А вот инстинкт подсказывает мне,
Что дружбе нашей суждено расти.

Как многое мне мило в нем:
Его спокойный нрав и теплота,
Глубокий ум, широкий интеллект,
И честное лицо, и доброта в глазах,
И дарит он лучистую улыбку.
«Друг» – как непросто расшифровать все то,
Что скрыто в нем.
И все же для меня он друг,
Которого даже сейчас
Надеюсь снова встретить.
Поэтому считаю я часы и дни,
Которые остались,
Чтоб радость новой встречи испытать.

Что еще сказала Карен в тот день, когда они познакомились в ее квартире? «Я умею печатать на машинке. Она у меня электрическая, и я печатаю, держа в зубах палочку».

Ним с волнением представил, с каким мучительным терпением Карен корпела над словами, которые он только что прочел; она до боли сжимала зубами палочку, нарисовал в своем сознании ее светловолосую голову, единственную часть тела, которой она могла двигать. А ведь ей приходилось возвращать голову в прежнее положение после каждого безумно напряженного усилия, чтобы нажать на клавишу.

Любопытно было бы узнать, сколько черновиков исписала Карен, прежде чем вложила в конверт окончательный вариант своих стихов.

Неожиданно он почувствовал, что настроение у него переменилось. Горечь предыдущего момента прошла, уступив место теплоте и благодарности.

По пути на завтрак, где Ним планировал присоединиться к журналистам, он вдруг столкнулся с Уолтером Тэлботом-младшим. Ним не видел Уолли со дня похорон его отца. На какое-то мгновение Ним испытал смущение, припомнив свой недавний визит к Ардит, однако потом он вспомнил, что Уолли и его мать жили отдельно и независимо друг от друга.

Уолли радостно приветствовал его:

– Привет, Ним! Как ты здесь оказался?

Ним рассказал о двухдневном брифинге для прессы, после чего спросил:

– А ты?

Уолли поднял взгляд на протянувшиеся над ним высоковольтные линии.

– Наш патрульный вертолет обнаружил на одной из опор разбитые изоляторы – наверное, какой-нибудь охотник выбрал их как мишень для развития глазомера. Мои ребята заменяют сейчас всю гирлянду. Между прочим, работают на линии под напряжением. Надеемся закончить к вечеру.

Пока они разговаривали, подошел какой-то мужчина лет под тридцать с копной ярко-рыжих волос и здоровым загаром. Уолли представил его – Фред Уилкинс, техник компании.

– Рад с вами познакомиться, мистер Голдман. Я много о вас слышал и часто видел по телевизору.

– Как ты можешь судить по его внешности, Фред живет здесь, – пояснил Уолли.

– Как вам лагерь? – поинтересовался Ним. – Не скучно?

Уилкинс решительно покачал головой.

– Кому угодно, только не мне, сэр, и не моей жене. Нашим детям тоже здесь нравится. – Он глубоко вдохнул. – А какой воздух! Ну что там городской, никакого сравнения. А сколько солнца, и рыбалка просто чудо.

Ним рассмеялся:

– Не мешало бы провести здесь отпуск.

– Папочка, – раздался детский голосок. – Папочка, почтальон пришел?

Все трое разом повернули головы: им навстречу бежал маленький мальчик. У него было симпатичное личико в веснушках и ярко-рыжие волосы, безошибочно подтверждавшие, кто был его отцом.

– Только почтальон компании, сынок, – ответил Фред Уилкинс. – Почта откроется через час. – И он объяснил остальным: – Денни волнуется, у него сегодня день рождения. Он ждет, что будут какие-нибудь посылки.

– Мне исполнилось восемь лет, – нисколько не смущаясь, проговорил мальчик. Для своего возраста он выглядел крепким и сильным. – Я уже получил подарки. Но могут быть еще.

– С днем рождения, Денни! – произнесли Ним и Уолли в унисон. Несколько минут спустя они расстались, и Ним продолжил свой путь к домику для гостей.

Глава 16

В темноте туннеля отводного канала журналист из «Окленд трибюн», стараясь перекрыть оглушительный рев низвергавшейся массы воды, произнес:

– Если я переживу эти два дня, закажу себе на неделю спокойное местечко в отделе, публикующем извещения о смерти.

Несколько человек рядом с ним улыбнулись, но покачали головами, так как ничего не слышали из-за все заглушающего грохота водного потока да еще пробок из гигроскопической ваты в ушах. Материал для пробок, который лишь самую малость приглушал шум в туннеле, они получили от Терезы ван Бэрен. Это случилось после того, как группа спустилась по крутой, вырубленной в скале лестнице туда, где двадцатью футами ниже вода из отводного канала электростанции «Дэвил-Гейт-1» низвергалась в реку Пайнридж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.